А. Вольскій

Умственный рабочій

ЧАСТЬ II
Научный соціализмъ

ЖЕНЕВА
1905

Настоящая брошюра составляетъ II часть сочиненія, которое хотя и давно написано, но распространено до сихъ поръ въ Россіи въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ, напечатанныхъ на мимеографѣ. Эту брошюру, какъ и переизданную недавно I часть, слѣдовало бы снабдить значительными дополненіями. Однако по недостатку нужнаго для этого времени, ее приходится перепечатать въ неизмѣненномъ видѣ. Впрочемъ всѣ необходимыя разъясненія относящіяся къ той программѣ, которую защищаетъ брошюра, читатель можетъ найти во вновь написанномъ предисловіи къ I части „Умственнаго рабочаго“.

Дополнить въ надлежащей степени первыя главы брошюры заключающія критику экономической доктрины научныхъ соціалистовъ, представляется дѣломъ очень сложнымъ; для этого требовалось бы, собственно говоря, заново переработать эту часть сочиненія, чтобы придать какъ критикѣ, такъ и критикуемой доктринѣ болѣе общее, болѣе популярное изложеніе. Въ моментъ составленія брошюры эта популяризація не представлялась столь необходимой. Тогда было проще всего, принявъ во вниманіе обширную разработку Марксовой доктрины, именно II тома „Капитала“, которую далъ легальный марксизмъ, пріурочить собственное изслѣдованіе къ тѣмъ экономическимъ темамъ, которыя сдѣлались широко доступными благодаря горячей полемикѣ, сначала между народниками и марксистами, а впослѣдствіи между ревизіонистами и ортодоксами. Въ настоящее же время, когда разработка марксистами ихъ экономической теоріи прекращена и позабыта недавняя полемика по этому вопросу, наша брошюра оказывается недостаточно общедоступной и популярной. Но для читателей, знающихъ поближе экономическую доктрину Маркса и ея значеніе для современнагс соціализма, вся брошюра представляетъ въ данный моментъ тотъ же интересъ, что и пять лѣтъ тому назадъ, когда она была написана.

Предисловіе къ первому изданію

Эволюція соціальдемократіи за послѣдній годъ дала два крупныхъ факта: завоеваніе соц.-дем.-іею министерскаго кресла во Франціи и окончательное рѣшеніе „бернштейніады" въ Германіи.

Первый изъ этихъ фактовъ показываетъ,что общественная сила, обѣщавшая недавно немедленно упразднить классовой строй, допускается къ управленію въ этомъ строѣ для укрѣпленія господства надъ эксплуатируемыми массами.

Нѣкоторые изъ французскихъ соціалистовъ протестовали противъ участія Мильерана въ „буржуазномъ правительствѣ". Но какъ бы нарочно для обнаруженія безпочвенности — съ соц-дем-ой точки зрѣнія — ихъ протеста, исторія выбрала оппортунистическій шагъ Мильерана непосредственнымъ поводомъ для объединенія почувствовавшихъ только теперь свое единство различныхъ соціальдемократическихъ фракцій. Впрочемъ, протестъ производился не столько противъ „участія въ буржуазномъ правительствѣ", сколько противъ „состава министерства", вынуждавшаго „товарища" сѣсть рядомъ съ усмирителемъ коммуны. Но въ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается извѣстный фатализмъ, помрачающій соц-дем-ое счастіе, фатализмъ, съ которымъ она должна примириться: ее допускаютъ къ управленію только при соблюденіи одного строго опредѣленнаго условія: ни одинъ органъ гнета и насилія не долженъ быть этимъ допущеніемъ ослабленъ; наоборотъ, соц-дем-ія должна войти въ эти органы, для того чтобы этимъ укрѣпить ихъ существованіе. И въ данномъ случаѣ соц-дем-ія раньше или позже придетъ къ заключенію, что въ концѣ концовъ нѣтъ ничего особенно предосудительнаго въ совмѣстномъ сотрудничествѣ Мильерана съ Галлифе. Вѣдь и „коммунары", по убѣжденію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ марксистовъ (Фольмаръ), ... „лучше сдѣлали бы, еслибъ пошли спать, вмѣсто того, чтобы драться на баррикадахъ". Поскольку, значитъ, безразсудны были коммунары, постольку, вѣроятно, была разумна „политика" Галлифе, сдерживавшая мощной рукой „безразсудства коммуны", вызвавшія напрасное пролитіе стольких потоковъ крови.

Бернштейнъ, провозглашая преступность всякой попытки возстанія противъ „воли народа" въ западно-европейскихъ демократіяхъ, проклиная всѣхъ „кровожадныхъ" бланкистовъ-революціонеровъ, признавая такимъ бланкистомъ и Маркса въ эпоху составленія „Коммунистическаго Манифеста" и самымъ внушительнымъ образомъ обѣщая буржуазіи очистить Маркса-ученаго отъ противорѣчащихъ его наукѣ агитаторскихъ идей и фразъ, — пускаетъ, очевидно, въ ходъ самыя радикальныя средства пріумно-

женія соц-дем-ихъ министерскихъ портфелей. Два основныхъ момента пролетарской мысли: экономическое ученіе объ эксплуатаціи и пролетарскій матеріализмъ — отвергаются Бернштейномъ окончательно путемъ низведенія значенія трудовой теоріи стоимости до уровня всякой другой экономической теоріи, напр. теоріи рѣдкости, и превращенія „экономическаго матеріализма“ въ „эклектическую“, по выраженію Плеханова, „сортучку матеріализма съ идеализмомъ“. Соц-дем-ія, увѣрявшая, что оба эти момента пролетарскаго сознанія могутъ быть выражены только ученіемъ Маркса и могутъ быть удержаны только сохраненіемъ каждой буквы этого ученія, соц-дем-ія, оставляющая Бернштейна (съ его многочисленными учениками) и на будущее время своимъ признаннымъ теоретикомъ и законнымъ душеприкащикомъ Маркса и Энгельса, этимъ самымъ свидѣтельствуетъ, что своею ортодоксіей она лишь доводитъ упомянутые два момента до ихъ упраздненія.

Бернштейнъ родился не внѣ соц-дем-іи, а подъ „безошибочнымъ“ знаменемъ научнаго соціализма. Гановерскій партэйтагъ призналъ появленіе Бернштейновыхъ „Предпосылокъ соціализма“ явленіемъ вполнѣ нормальнымъ для партійной литературы, а толкованіе научнаго соціализма, предложенное имъ и дошедшее до отрицанія двухъ основныхъ моментовъ пролетарской мысли,— толкованіемъ возможнымъ. Самъ Бернштейнъ призналъ соціалистическое знамя научнаго соціализма довольно широкимъ для того, чтобы подъ нимъ укрылись всѣ его современные ученики, а они одновременно ученики Шульце-Геверницовъ и даже Адлеровъ, т. е. з вѣдомыхъ „пожирателей соціализма“.

Пересмотру такимъ образомъ подлежатъ всѣ основы научнаго соціализма вплоть до выставленной имъ „конечной цѣли“.

Указать ту общественную силу, которая въ лицѣ соціальдемократическаго поссибилизма пользуется рабочимъ классомъ какъ средствомъ для достиженія своего участія въ управленіи буржуазнымъ строемъ, т. е. въ господствѣ надъ эксплуатируемыми массами, показать почему и какимъ образомъ эта сила могла безпечно развиваться подъ крыльями „научнаго соціализма“ и насколько соціалдемократическая „конечная цѣль“ установлена сообразно ея интересамъ, — такова задача этого второго нашего письма объ „умственномъ рабочемъ“.

Восточная Сибирь, 1900 годъ.

Глава I

Чего требуетъ для рабочихъ экономическая доктрина Маркса.

Послѣ выхода въ свѣтъ I-го тома „Капитала“, Родбертусъ написалъ о немъ между прочимъ слѣдующее:

„... Въ моемъ 3-мъ соціальномъ письмѣ я показалъ въ сущности, такъ же, какъ и Марксъ, откуда происходитъ прибавочная стоимость капиталиста“. Но Марксъ „не указываетъ,... что рабочій никогда не можетъ сдѣлаться собственникомъ своего продукта, а только можетъ имѣть право получать въ формѣ дохода часть своей стоимости“... „Въ общемъ Марксова книга не есть изслѣдованіе о капиталѣ, а полемика противъ современной формы капитала, которую онъ смѣшиваетъ съ самымъ понятіемъ капитала; отсюда и проистекаютъ его ошибки“... Онъ „сильно ... заблуждается, ... когда считаетъ аномаліей тотъ соціальный фактъ, что рабочій получаетъ не всю стоимость своего продукта, между тѣмъ какъ это есть нормальное состояніе всякаго общества“. (Въ предисловіи издателя „4-го соціальнаго письма къ Кирхману“.)

Въ вышеприведенныхъ замѣчаніяхъ Родбертусъ затронулъ самый существенный для него пунктъ. Но въ то же время этотъ пунктъ самый важный для пролетарія. Если Родбертусъ, защитникъ привиллегированнаго общества вообще и нѣмецкихъ прогрессивныхъ аграріевъ въ частности, въ высшей степени чувствителенъ къ существованію прибавочнаго труда, то пролетарій не менѣе его заинтересованъ въ прямопротивуположномъ.

Если первый недоволенъ туманнымъ рѣшеніемъ этого вопроса и желаетъ поставить дѣло на чистоту, то второй тѣмъ менѣе можетъ довольствоваться неопредѣленнымъ отвѣтомъ.

Какой же отвѣтъ даетъ на данный вопросъ ученіе Маркса?

Прямаго заявленія о томъ, что человѣческое общество можетъ обойтись безъ существованія прибавочнаго труда, Родбертусъ не могъ бы указать въ обсуждаемомъ имъ первомъ томѣ „Капитала“. Если мы станемъ искать такого прямого заявленія въ другихъ сочиненіяхъ основателей научнаго соціализма, Маркса и Энгельса, то найдемъ лишь одни неясные намеки на этотъ счетъ. Такъ въ Анти-Дюрингѣ Энгельсъ, утверждая, что плоды труда, получаемые отъ высококвалифицированной рабочей силы будутъ принадлежать не индивидууму, а обществу, воспитавшему его, добавляетъ: „Отсюда, между прочимъ слѣдуетъ, что излюбленное притязаніе рабочаго на „полную выручку труда“ представляетъ собою кой-какія трудности“. (стр. 234. изданіе 94г.) Въ той же

книгѣ авторъ разъясняетъ Дюрингу, что неклассовое общество, вырвавъ изъ рукъ капиталистовъ ихъ функцію „аккумуляціи", не можетъ однако подъ угрозой застоя упразднить ее. (стр. 338)

Въ 3-емъ томѣ „Капитала" читаемъ: „Прибавочный трудъ вообще какъ трудъ, превышающій данное количество потребностей, долженъ быть всегда. Но въ капиталистическомъ или рабовладѣльческомъ и т. п. хозяйствахъ онъ имѣетъ антагонистическую форму и дополняется бездѣятельностью, праздностью извѣстной части общества". (стр 677)

Въ приведенныхъ фразахъ, съ одной стороны, нѣтъ очевидно и слѣда того, въ чемъ уличаетъ Родбертусъ Маркса; напротивъ, онѣ скорѣе заключаютъ идеи, противъ которыхъ врядъ ли могъ бы что либо возразить Родбертусъ, основной тезисъ котораго заключается въ невозможности перехода въ руки рабочаго всей стоимости его продукта. Съ другой стороны, эти фразы не могутъ, конечно, составлять отвѣта на поставленный глубокій вопросъ, ибо онъ представляетъ собою столь кардинальный пунктъ, что отвѣтъ на него дается экономистомъ не въ формѣ фразъ, увѣреній и обѣщаній на счетъ того, что будетъ и что должно быть; онъ отвѣчаетъ на него всѣмъ своимъ ученіемъ. Доктрина Маркса несомнѣнно представляетъ изъ себя такой отвѣтъ.

Но Родбертусъ, обезпокоенный самимъ „полемическимъ" тономъ I-го тома „Капитала" и дѣятельностью Маркса въ Интернаціоналѣ, со стороны котораго онъ боялся нападенія на „національный капиталъ" („само понятіе капитала") и національный доходъ, не былъ уже въ состояніи спокойно разглядѣть за „полемикой противъ современной формы капитала" тѣхъ абстрактныхъ основъ доктрины, которыя могли бы его успокоить: передъ нимъ еще не раскрылась эволюція марксизма, тѣ стороны его, за которыя, какъ за гарантіи мирнаго эволюціоннаго развитія, столь сильно въ настоящее время обожаютъ марксизмъ различные Зомбарты.

Отвѣтъ на основной тезисъ Родбертуса нужно искать не только въ той части „Капитала", гдѣ, казалось бы, можно найти на него прямой отвѣтъ, не только въ части, раскрывающей и изслѣдующей эксплуатацію рабочаго въ современномъ строѣ (мы видѣли, что, сосредоточивъ здѣсь все свое вниманіе, Родбертусъ прочиталъ у Маркса то, чего у него нѣтъ), но и въ той части, гдѣ разсматриваются столь абстрактныя и съ виду не связанныя съ даннымъ вопросомъ понятія, какъ общественный продуктъ и общественный доходъ, условія человѣческаго труда вообще, двойственный характеръ труда и т. д., или, выражаясь языкомъ новѣйшихъ критическихъ марксистовъ, не только въ соціологической сторонѣ Марксова ученія, но и въ чисто экономической, не только тамъ, гдѣ онъ выступаетъ, какъ изобличитель и критикъ капиталистическаго строя, но и тамъ, гдѣ онъ выступаетъ, какъ ученый, вводящій ладъ и порядокъ, въ „чистую науку", политическую экономію, куда предыдущіе экономисты „внесли такую путаницу понятій".

Если бы Родбертусъ могъ предугадать дальнѣйшую эволюцію марксизма, если бы ему были извѣстны слѣдующіе томы „Капитала", заключающіе уже не только чистую „полемику", но и настоящее „изслѣдованіе" о капиталѣ, въ особенности II-ой томъ, заключающій, по мнѣнію Бернштейна, „наиболѣе зрѣлые плоды Марксова творчества", онъ не счелъ бы нужнымъ сдѣлать Марксу вышеприведенныхъ рѣзкихъ возраженій; наоборотъ, какъ будетъ показано дальше, онъ увидѣлъ бы въ основахъ Марксова ученія достаточное обезпеченіе для своего коренного постулата о невозможности перехода въ руки рабочаго всей стоимости продукта.

Эволюція соц-дем-іи показала, что можно призывать рабочихъ на борьбу противъ грабителей капиталистовъ и въ то же время убѣждать ихъ въ томъ, что въ ихъ интересахъ оставлять пока при жизни капиталистическій строй, „отклонять окончательное столкновеніе", какъ говоритъ Каутскій. Вся политика современной соц-дем-іи сводится къ тому основному принципу, по которому пролетаріатъ обязанъ, вслѣдствіе измѣны буржуазіи дѣлу свободы, взять это дѣло на себя, завоевать во что бы то ни стало демократію, хотя онъ и знаетъ, что именно въ демократіи проявляется вполнѣ весь классовый антагонизмъ и вся въ полномъ ея объемѣ сила буржуазіи. Можно организовать противъ капиталистовъ „рабочіе баталіоны" и одновременно проповѣдывать имъ „борьбу на жизнь и смерть" за новую политическую форму буржуазнаго господства, напр. за независимость польскаго буржуазнаго государства, какъ это дѣлаетъ П. П. С., или за конституціонный строй, за полное при его посредствѣ господство буржуазіи въ Россіи, какъ проповѣдуетъ Р. С. П. Однимъ словомъ, соц-дем-ія повсюду проявляетъ это двойственное отношеніе къ „горсти эксплуататоровъ", немедленной гибели которыхъ она какъ будто жаждетъ, съ одной стороны, и съ другой — ко всему современному классовому строю, паденіе котораго она откладываетъ до безконечности, такъ что у нея являются возможными въ будущемъ такія модификаціи этого классоваго строя, за которыя стоитъ ходить въ „борьбу на жизнь и смерть". Спрашивается, не проявляется ли это двоякое отношеніе въ самой теоретической основѣ соц-дем-іи, въ доктринѣ научнаго соціализма, въ экономическомъ ученіи Маркса?

* * *

Эксплуатацію рабочаго класса въ современномъ обществѣ Марксъ раскрываетъ въ предѣлахъ отдѣльнаго капиталистическаго предпріятія. Это, такъ сказать, ревизія счетовъ капиталиста, опредѣленіе той суммы неоплоченнаго труда—прибавочной стоимости, которая получается, если изъ суммы, вырученной капиталистомъ отъ продажи товаровъ, вычесть ту сумму, которую онъ затратилъ на пріобрѣтеніе „объективныхъ и субъективныхъ факторовъ производства". Въ этихъ то предѣлахъ, въ сферѣ отдѣльнаго капиталистическаго предпріятія, а не въ

сферѣ всего капиталистическаго производства Марксъ устанавливаетъ всѣ экономическія понятія и категоріи, необходимыя для его ученія, и затѣмъ, когда это нужно, цѣликомъ переноситъ ихъ на общественное хозяйство. Такимъ образомъ, именно при ревизіи счетовъ отдѣльнаго капиталиста, взиманіе всей стоимости, созданной рабочимъ сверхъ стоимости необходимыхъ для него средствъ существованія, называется категорически эксплуатаціей. Уничтоженіе эксплуатаціи, выводитъ, повидимому, отсюда Родбертусъ, означаетъ переходъ всей стоимости продукта въ руки рабочаго. Но Родбертусъ забываетъ, при этомъ объ очень существенной „поправкѣ", вносимой Марксомъ указаніемъ на историческую роль капиталистическаго накопленія. Указанная эксплуатація, конечно, грабежъ чужого труда, но грабежъ, создающій въ концѣ концовъ такія прекрасныя и полезныя вещи, какъ чудеса современной промышленности, грабежъ, благодаря которому современный способъ производства является „машиной для развитія производительныхъ силъ человѣчества", создавая „предпосылку" для будущаго неклассоваго строя.

Рабочій день раздѣляется только на двѣ части: необходимый трудъ, возобновляющій необходимыя для рабочаго средства существованія, и прибавочный, создающій доходъ капиталиста. Извѣстна рѣзкая нападка Маркса на Сеньера, старавшагося показать, что большую часть рабочаго дня рабочій употребляетъ на воспроизводство стоимости потраченныхъ въ производствѣ орудій... Развитіе техники, удешевляя рабочую силу, увеличиваетъ все больше прибавочную стоимость... При опредѣленіи нормы эксплуатаціи постоянный капиталъ нужно приравнять нулю. Этотъ пріемъ опять нѣсколько смущаетъ Родбертуса, дрожащаго за существованіе своего излюбленнаго „національнаго капитала". Но онъ дрожитъ напрасно. Приравненіе къ нулю постояннаго капитала въ разсчетахъ капиталиста не значитъ уничтоженіе „самого понятія" общественнаго капитала. Рабочій другою стороною своего труда, его характеромъ „полезности" сохраняетъ стоимость капитала, переноситъ ее на продуктъ.

Итакъ, въ предѣлахъ отдѣльнаго капиталистическаго предпріятія рабочій день индивидуальнаго рабочаго состоитъ только изъ двухъ частей: изъ необходимаго труда, постоянно уменьшающагося (стоимость рабочей силы) и изъ прибавочнаго (неоплоченнаго) труда, постоянно ростущаго съ ростомъ производительности человѣческаго труда, или, употребляя старые термины политической экономіи, изъ „дохода" рабочаго — доли уменьшающейся и изъ дохода эксплуататора — доли ростущей.

Какъ же обстоитъ дѣло съ эксплуатаціей и съ нормой эксплуатаціи рабочаго класса во всемъ капиталистическомъ производствѣ? Дѣлится ли и тамъ общественный рабочій день, а значитъ и весь общественный трудъ, создающій стоимость только на такія же двѣ части? Спеціальнаго отдѣла, посвященнаго разсмотрѣнію этого вопроса, въ „Капиталѣ" нѣтъ. Указавъ эксплуатацію въ предѣлахъ отдѣльнаго предпріятія, Марксъ не считаетъ

нужнымъ представлять ея образъ и анализъ, при разсмотрѣніи всего общественнаго производства. Если въ послѣдующихъ томахъ „Капитала" онъ разсматриваетъ капиталистическое прозводство въ его цѣломъ, то это производится ужъ съ чисто „экономической, а не соціологической" точки зрѣнія, для цѣлей „истинно — строго научныхъ". Такъ въ III-мъ томѣ изслѣдуется движеніе всего общественнаго продукта при помощи всѣхъ категорій полученныхъ при анализѣ индивидуальнаго хозяйства и просто переносимыхъ на общественное: изучается соотношеніе и распредѣленіе „общественнаго постояннаго капитала", „общественнаго перемѣннаго капитала", „общественной прибавочной стоимости", причемъ анализъ прибавочной стоимости и эксплуатаціи считается давно законченнымъ. Эту часть „Капитала" особенно цѣнятъ русскіе ученики Маркса (по какой причинѣ, будетъ видно изъ дальнѣйшаго), какъ анализъ „реализаціи продукта въ капиталистическомъ хозяйствѣ", „распредѣленія капиталистическаго производства", какъ теорію „внутренняго рынка для капитализма". Они популяризовали эту часть „Капитала" въ множествѣ журнальныхъ статей, монографій и книгъ. Но мы разсмотримъ этотъ отдѣлъ, наблюдая, какое положеніе и соотношеніе занимаетъ въ Марксовомъ обзорѣ всего производства общественная прибавочная стоимость, и тогда двоякое отношеніе соц.-дем-тіи къ „горсти капиталистовъ" и къ классовому строю, составляющее ея сущность, проявится передъ нами въ доктринѣ Маркса самымъ нагляднымъ образомъ.

* * *

При изученіи „отвлеченнаго", „чисто научнаго" вопроса политической экономіи „объ общественномъ продуктѣ и общественномъ доходѣ" нужно, — говоритъ Марксъ, — прежде всего раздѣлить все общественное производство на два подраздѣленія: I — производство средствъ производства и II — производство средствъ потребленія. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ подраздѣленій имѣются тѣ же элементы, что и въ индивидуальномъ хозяйствѣ: постоянный капиталъ (c), перемѣнный капиталъ (v), прибавочная стоимость (m). Валовой годичный продуктъ каждаго подраздѣленія распадается, слѣдовательно, какъ и стоимость каждаго единичнаго товара, на $c + v + m$ (Капит. II, 298).

Затѣмъ слѣдуетъ у Маркса очень интересная для насъ оговорка, напоминающая, что дѣло идетъ именно объ общественномъ, а не индивидуальномъ производствѣ.

„Только часть стоимости приложеннаго капитала потребляется вполнѣ. Другая часть основного капитала — машины, постройки и пр. — продолжаетъ существовать и дѣйствовать по прежнему... Этой части стоимости основного капитала для насъ не существуетъ, если отвлечься отъ того способа изслѣдованія, который былъ употребляемъ,.. при изученіи стоимости продукта единичнаго капитала... Тамъ мы видѣли, что стоимость сношенной части капитала переносится на товарный продуктъ... все равно воз-

мѣщается ли, или не возмѣщается часть этого основного капитала въ продолженіе этого времени натурою изъ этой перешедшей стоимости. Теперь же, при изученіи общественнаго валового продукта и его стоимости, мы принуждены, по крайней мѣрѣ на время, оставить въ сторонѣ ту часть стоимости основного капитала, которая, снашиваясь въ продолженіе года, переходитъ на годичный продуктъ, если только этотъ основной капиталъ не замѣщается вновь натурою въ продолженіе года." (тамъ же)

Принявъ затѣмъ, что „отъ прошлаго имѣется 6000 единицъ стоимости общественнаго постояннаго капитала", изъ которыхъ 4000 предназначены для I подраздѣленія, а 2000 для II, предположивъ, что во всемъ общественномъ производствѣ отношеніе перемѣннаго капитала къ постоянному = $^1/_4$, а норма эксплуатаціи = 100 %, Марксъ обнимаетъ все общественное производство въ слѣдующую схему, выражающую простое воспроизводство:

„Подведя итогъ всему годовому товарному продукту:

I $4000c + 1000v + 1000m = 6000$ средствъ производства
II $2000c + 500v + 500m = 3000$ предметовъ потреблен.

получимъ валовую стоимость = 9000, откуда, согласно предположенію, исключенъ основной капиталъ, продолжающій дѣйствовать въ своемъ натуральномъ видѣ." (тамъ же)

Изъ приведенной схемы Марксъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ по интересующему насъ вопросу о размѣрахъ отнимаемой у рабочаго доли произведеннаго имъ продукта: Изъ полученной въ результатѣ всего годового труда суммы = 9000, только 3000 произведены въ текущемъ году ($1000v$ I + $1000m$ I + $500v$ II + $500m$ II). Заключающаяся въ стоимости всего годичнаго продукта сумма 6000 произведена въ прошломъ году и перенесена лишь „полезнымъ человѣческимъ трудомъ" на продуктъ настоящаго года. Такъ какъ въ текущемъ году произведено только 3000, то и предметовъ дохода, предметовъ потребленія имѣется только на сумму = 3000. Изъ нихъ у создавшаго ихъ рабочаго отнимается половина и вручается въ видѣ прибавочной стоимости капиталистамъ, какъ ихъ доходъ, другая половина составляетъ стоимость необходимыхъ средствъ существованія рабочихъ, „доходъ рабочихъ". Остальная сумма стоимости годичнаго продукта въ 6000 имѣется въ видѣ средствъ производства: она не можетъ войти ни въ чье личное потребленіе, ей предназначено играть въ слѣдующемъ году роль постояннаго общественнаго капитала.

Съ перваго взгляда все остается въ полномъ порядкѣ. Доктрина Маркса, хотя ей и пришлось „отвлечься отъ метода изслѣдованія, примѣненнаго при анализѣ индивидуальнаго хозяйства", не проявила въ сферѣ общественнаго производства никакихъ пробѣловъ, не потребовала никакихъ дополненій. Но главное, полученный выводъ, повидимому, удовлетворяетъ и пролетарія и... Родбертуса. Для перваго его „пролетарское ученіе" не скрываетъ, также какъ и раньше, при разсчетахъ съ отдѣльнымъ капиталистомъ, что значительная сумма, примѣрно цѣлая половина произведеннаго рабочимъ продукта, отнимается у него эксплуататоромъ. Для второго исчезъ всякій резонъ опасаться за существованіе „національнаго" „естественнаго капитала", ибо этотъ послѣдній, величиною въ $^2/_3$ годичнаго продукта, представляется по ученію Маркса въ такой неприкосновенной формѣ (машины, фабрики и вообще орудія труда), что лишь сумасшедшіе могли бы вздумать потребить его лично.

Къ сожалѣнію, условія разбираемой „экономической проблемы", тѣ условія, о которыхъ упоминаетъ самъ Марксъ въ вышеприведенномъ замѣчаніи, не позволяютъ никоимъ образомъ сдѣлать этотъ утѣшительный и удовлетворяющій всѣхъ выводъ. Дѣло идетъ объ общественномъ производствѣ. Если для отдѣльнаго капиталистическаго предпріятія безразличенъ весь процессъ создаванія тѣхъ орудій труда, которыя оно потребляетъ, ибо находитъ таковыя готовыми на рынкѣ, то для всего капиталистическаго производства, очевидно, не найдется благодѣтельный производитель и продавецъ нужныхъ ему орудій труда. Поэтому не надо забывать, говорится въ вышеприведенномъ замѣчаніи Маркса, что вся взятая въ разсчетъ сумма постояннаго капитала, возмѣщается натурою втеченіи того же года. И не смотря на это вся реальность процесса „возмѣщенія натурою" въ капиталистическомъ хозяйствѣ средствъ производства исчезаетъ изъ мысли Маркса; исчезаетъ до такой степени, что онъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ намъ: отъ процесса „возмѣщенія натурою" потраченныхъ въ текущемъ году орудій труда на сумму въ 6000, не получается ни малѣйшей доли стоимости произведенной въ настоящемъ году, ибо въ этомъ году произведено стоимости только на 3000.

Чѣмъ объяснитъ это странное „противорѣчіе"? Недосмотръ ли это? Можно ли говорить о недосмотрѣ у такого „экономическаго генія", какъ Марксъ? Конечно, нѣтъ. Ученіе Маркса о „мертвомъ трудѣ", о „двойственномъ характерѣ живого труда" оказываетъ такую неоцѣнимую услугу, что при свѣтѣ ея большая часть реальной затраты труда рабочаго класса оказывается не существующей и сходитъ со счетовъ.

Согласно Марксовой доктринѣ, „прошлый трудъ" обладаетъ таинственнымъ свойствомъ, благодаря которому онъ, когда его „охватитъ пламя живого труда", переноситъ на продуктъ этого труда всю свою кристализованную въ немъ стоимость безъ специальной затраты для этого труда; соотвѣтственно съ этимъ живой трудъ работающій съ помощью орудій, представляетъ двойственный характеръ: одной своей стороной онъ создаетъ „новую" стоимость, другою онъ сохраняетъ стоимость „мертваго труда", въ данномъ случаѣ, на сумму въ 6000. Лишь только „пламя живого труда", по стоимости не превышающее 3000, „охватитъ" полу-

ченный по наслѣдству „мертвый трудъ", это столь небольшое „пламя" не только создаетъ свое вещественное выраженіе въ видѣ предметовъ потребленія на сумму въ 3000, но и „возмѣщаетъ" стоимость 6000 въ натуральномъ ея видѣ. Прибавлено „живого труда" лишь 3000, „трата человѣческихъ мышцъ, нервовъ и т. д." 3000, а получилось стоимости 9000. Развѣ это не чудо? Теорія „мертваго труда" обладаетъ, очевидно, присущимъ ей свойствомъ довольно безцеремонно обращаться съ живымъ трудомъ. Какъ просто, естественно исчезла вся реальность процесса „возмѣщенія натурою" въ капиталистическомъ хозяйствѣ потребленныхъ средствъ производства. Тотъ постоянно происходящій процессъ, который предоставляетъ рабочему лишь долю стоимости произведеннаго имъ продукта для поддержанія его рабочей силы, а всю остальную извѣстными путями переводитъ въ карманы счастливыхъ міра сего, какъ будто совсѣмъ не существуетъ при образованіи большей части общественнаго продукта (6000 единицъ стоимости постояннаго общественнаго капитала).

Неотъемлемость стоимости у продуктовъ „прошлаго труда" не есть, конечно, явленіе вѣчное. И теорія, усматривающая лишь нѣчто таинственное въ процессѣ „перехода", „возмѣщенія", „сохраненія" стоимости „мертваго труда" въ продуктѣ живого труда и видящая въ этой таинственности лишь непосредственный результатъ якобы общечеловѣческихъ условій труда, не есть вѣчная истина. Таинственность этого процесса слишкомъ достаточно объясняется „преходящими имущественными отношеніями" современнаго классового міра, которыя неизбѣжно должны создавать у владѣющаго человѣческимъ богатствомъ меньшинства стремленіе „сохранить" въ общей суммѣ продуктовъ труда ту сумму стоимости, которая была бы предназначена для „возмѣщенія" стоимости имѣющагося въ ихъ рукахъ „мертваго труда".

Это стремленіе, этотъ классовой интересъ столь же неизбѣжно долженъ создавать экономическія теоріи, которыя учили бы насъ о томъ, что большая часть стоимости продукта, полученнаго годичнымъ трудомъ, не создана въ текущемъ году, а „сохранена" лишь отъ прошлаго труда, безъ особой для этого „затраты человѣческихъ мышцъ, нервовъ и т. д." Поэтому марксистъ, даже наиболѣе радостно — по прочтеніи книги Бернштейна — настроенный по поводу того, что рабочіе всегда будутъ предъявлять лишь умѣренныя, „разумныя" и удобоисполнимыя требованія, долженъ быть приготовленъ къ тому, что пролетарій вопреки Марксу и въ борьбѣ съ его „учениками" заявитъ, наконецъ, что онъ затрачиваетъ „мышцы, нервы и т. д." на сумму всей стоимости продукта, а не лишь части его. Но чѣмъ же поможетъ ему это его познаніе, спроситъ читатель, разъ неоспоримъ тотъ фактъ, что большая часть произведеннаго продукта имѣется въ формѣ не подлежащихъ личному потребленію орудій труда? Тѣмъ поможетъ пролетарію познаніе того, что стоимость этихъ орудій производства приозведена обыкновенною затратою его труда, если натуральная ихъ форма не позволяетъ предъявлять требованій на личное

потребленіе всей ихъ стоимости? Читатель напоминаетъ намъ о другой истинѣ „новѣйшей" политической экономіи, неразрывной съ предыдущей и легшей въ основу Марксовой схемы общественнаго производства, о той истинѣ, которая озарила своимъ свѣтомъ политическую экономію и сразу удалила изъ этой науки всю „путаницу унаслѣдованную отъ Адама Смита", о той истинѣ, по которой стоимость общественнаго продукта далеко превосходитъ стоимость „общественнаго труда".

Пролетарій познавшій, что большая часть стоимости годичнаго продукта (6000) не лишь „сохранена" имъ безъ всякой съ его стороны затраты труда, а создана въ текущемъ году, какъ и остальныя 3000, самой обыкновенной тратой его рабочей силы, выиграетъ уже въ томъ отношеніи, что разбираемая новая истина предстанетъ передъ нимъ въ настоящемъ своемъ видѣ. Сведя обѣ вышеприведенныя схемы Маркса въ одну и выразивъ категоріи „постояннаго общественнаго капитала", „перемѣннаго общественнаго капитала" и „общественной прибавочной стоимости" въ доляхъ годового рабочаго дня всего рабочаго класса, который равенъ по стоимости 9000, равенъ стомости общестоеннаго годичнаго продукта, мы получимъ:

$$^2/_3\,(c) \;+\; ^1/_6\,(v) \;+\; ^1/_6\,(m) \;=\; 1$$

Какъ ни непріятно, а полученную схему нельзя иначе прочесть, какъ только слѣдующимъ образомъ: Рабочій (рѣчь идетъ о всемъ рабочемъ классѣ) въ большую часть, а именно втеченіи $^2/_3$ своего рабочаго времени, воспроизводитъ лишь тѣ орудія труда, которыми работаетъ; въ слѣдующей затѣмъ $^1/_6$ этого времени воспроизводитъ необходимыя для себя средства существованія и только въ „послѣднюю" $^1/_6$ своего рабочаго дня онъ производитъ прибавочную стоимость. Не правда ли, наша истина представляется въ очень интересномъ и немножко знакомомъ видѣ? Марксъ, раскрывающій въ „научныхъ исчисленіяхъ" Сеньера простой обманъ оплаченнаго слуги англійскихъ фабрикантовъ, при обзорѣ всего общественнаго производства самъ толкаетъ насъ въ объятія Сеньеровой истины. Не удивительно, что современые русскіе „ученики" Маркса находятъ каждый день другъ у друга мысли Сеньера и экономистовъ, „погруженныхъ въ товарный фетишизмъ" какъ напр. Богдановъ у Туганъ-Барановскаго, Филипповъ у Нежданова, Скворцовъ у Ильина.

Подобно тому, какъ за научными исчисленіями Сеньера скрывалась забота о кошелькѣ фабрикантовъ, такъ и за истиной „новѣйшей" политической экономіи скрывается забота о чьемъ то доходѣ. Доктрина Маркса объ автоматическомъ производствѣ стоимости „общественнаго" постояннаго капитала, прикрывшая отъ нескромныхъ взоровъ искуснымъ покрываломъ всю сумму человѣческаго труда, потраченнаго на это воспроизводство, тѣмъ же покрываломъ заслонила она отъ глазъ пролетарія прозведенную вслѣдствіе этого затраченнаго труда сумму предметовъ потребленія, „общественнаго дохода".

Въ началѣ промышленнаго года имѣлось „мертваго труда“ на сумму въ 6000 въ видѣ орудій труда. Всѣ эти орудія потрачены въ процессѣ производства текущаго года, онѣ сношены, уничтожены; отъ натуральнаго вида этихъ — прошлогодней выдѣлки — орудій не осталось ни слѣда. Такъ какъ никогда еще люди не затѣвали производства орудій труда, которыя бы въ концѣ концовъ не создавали извѣстнаго предмета, удовлетворяющаго потребности человѣческой личности (и никогда, конечно, такой остроумной выдумки затѣвать не станутъ), такъ какъ, значитъ, вся сумма труда, потраченнаго на созданіе потребленныхъ въ производствѣ орудій, имѣется въ суммѣ стоимости приготовленыхъ съ ихъ помощью предметовъ потребленія, то, коль скоро въ схемѣ Маркса потрачено 6000 единицъ стоимости средствъ производства, то вся эта сумма входитъ въ составъ стоимости имѣющихся предметовъ потребленія, т. е. „общественнаго дохода“ имѣется на сумму не въ 3000 (сколько затрачено на окончательную отдѣлку), а въ 9000. Затрачено труда въ данномъ году 9000 и на такую же сумму создано предметовъ личнаго потребленія.

Вышеполученная нами схема выражаетъ не только доли общественнаго рабочаго времени выпадающія на различныя марксистскія категоріи, но и статьи общественнаго потребительнаго фонда приравненнаго единицѣ:

$$^2/_3(c) + {}^1/_6(v) + {}^1/_6(m) = 1$$

Эта схема даетъ намъ окончательный отвѣтъ на проблему, затронутую Родбертусомъ по поводу I-го тома „Капитала“. Та доля богатства, которую капиталисты отнимаютъ у рабочаго (*m*, прибавочная стоимость) составляетъ лишь $^1/_6$ всего общественнаго богатства, всего общественнаго фонда. Только на эту $^1/_6$ заявляетъ отъ имени рабочихъ претензію „соціалдемократическая“ доктрина Маркса. Только за эту $^1/_6$ производитъ нападеніе на капиталистовъ въ пользу рабочихъ марксизмъ. Родбертусъ можетъ окончательно успокоиться: говоря его словами, у Маркса дѣло не въ томъ, что рабочій получаетъ не все что создаетъ, а въ томъ, что онъ получаетъ слишкомъ мало. Дѣло идетъ объ уступкѣ рабочему классу.

Только потребленіе $^1/_6$ общественнаго дохода признается марксизмомъ потребленіемъ паразитнымъ. Большая часть богатства, ($^2/_3$), поглощающая съ прогрессомъ техники весь ростъ производительности труда, обособлена какъ содержаніе спеціальнаго привиллегированнаго потребителя. Дальнѣйшее изслѣдованіе покажетъ, что этимъ потребителемъ является образованное общество. Доктрина Маркса, указывающая на неизбѣжность упраздненія „упономоченныхъ буржуазнаго общества“, класса капиталистовъ, т. е. на упраздненіе права получать доходъ въ силу только частнаго владѣнія средствами производства, не затрагиваетъ того владѣнія, которое находится въ рукахъ буржуазнаго образованнаго общества, т. е. его владѣнія всей цивилизаціей, всѣми человѣческими знаніями.

Съ Марксовой доктриной вполнѣ совмѣстима вся перспектива государственнаго соціализма. Весь доходъ, который получаетъ въ настоящее время образованное общество, въ качествѣ арміи умственныхъ рабочихъ, есть неотъемлемая его собственность.

Эту свою собственность, въ случаѣ упраздненія „уполномоченныхъ“, оно все таки передаетъ только своему потомству, удерживая въ полной силѣ права наслѣдственной собственности, оставляя такимъ образомъ при жизни классовое господство — государство. Права собственности на средства производства переходятъ въ руки государства. Послѣднее подъ видомъ „возмѣщенія“ все болѣе ростущаго „общественнаго постояннаго капитала“ отнимаетъ у рабочаго класса всѣ плоды развитія производительности труда и вручаетъ ихъ всѣмъ чинамъ арміи „умственныхъ рабочихъ“ въ видѣ вознагражденія за ихъ „особенные таланты и способности“.

Глава II

Ученіе Родбертуса о національномъ капиталѣ.

Въ то время, когда Марксъ былъ еще радикаломъ и издателемъ „Рейнской Газеты“, въ 42 г., Родбертусъ издалъ небольшую, но очень содержательную книжечку: „Къ пониманію нашихъ экономическихъ отношеній“. Сравненіе экономической теоріи, изложенной въ ней, съ теоріей Маркса очень поучительно. Въ высшей степени характерно уже само предисловіе.

Предлагаемое сочиненіе, говорится тамъ, „имѣетъ цѣлью содѣйствовать исцѣленію современнаго хозяйственнаго строя отъ его болѣзней пауперизма и кризисовъ“. Заключающіеся въ немъ планы, которые, какъ ниже увидитъ читатель, говорятъ объ „общественномъ ассоціаціонномъ хозяйствѣ“, безъ „денежнаго обмѣна,“ „безъ частной собственности на землю и капиталъ“, „рѣшительно отвергаютъ ... мысль о возвращеніи къ среднимъ вѣкамъ“, а равно и „головоломные скачки“ въ „несвязанныя съ современнымъ строемъ ... общественныя состоянія“. Эти планы „принимаютъ современный строй, какъ неизбѣжную исторически данную предпосылку *), и такъ мало затрагиваютъ

*) Не мѣшаетъ отмѣтить мимоходомъ, тотъ фактъ, что два элемента: русскій народническій, старомарксистскій субъективизмъ („исцѣленіе строя“) и неомарксистскій объективизмъ

собственность на землю и капиталъ, что даютъ ей скорѣе новую опору, именно тѣмъ, что дѣлаютъ ее менѣе угнетающей".

Передъ нами сразу выдвигается основной вопросъ: Можно ли частную собственность на землю и капиталъ упразднить такимъ образомъ, чтобы это упраздненіе дало лишь „новую опору собственности на землю и капиталъ"? Если марксистъ скажетъ, что это лишь парадоксальное представленіе и химерическая затѣя, то Родбертусъ приведетъ въ свое оправданіе не какія либо теоретическія соображенія, а факты, факты, доказывающіе, что представленіе, съ виду парадоксальное, вполнѣ осуществимо, а химерическая затѣя очень реальна. Эти факты — практика государственнаго соціализма, доказавшая, что устраненіемъ частнаго капитала изъ многихъ отраслей хозяйственной жизни создано не что иное, какъ именно „новая опора" капиталу.

Не мѣшаетъ поэтому взглянуть и на теорію Родбертуса.

„Должно отличать, читаемъ въ выше упомянутой книжкѣ, капиталъ въ тѣсномъ или собственномъ смыслѣ отъ капитала въ широкомъ смыслѣ или предпринимательскаго фонда. Первый обнимаетъ собою дѣйствительный запасъ орудій и матеріаловъ, второй весь фондъ нужный по современнымъ условіямъ раздѣленія труда, для веденія предпріятія". (Эти двѣ категоріи Родбертуса сводятся, очевидно къ Марксовымъ категоріямъ постояннаго капитала — c и затрачиваемаго капитала — $c + r$). „Постоянный капиталъ въ собственномъ смыслѣ, говоритъ далѣе Родбертусъ, слѣдуетъ изъ самой природы вещей, понятіе капитала въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ изъ случайныхъ условій историческаго строя, есть лишь преходящая форма капитала въ противоположность чистой сущности капитала".

Родбертусъ нападаетъ на вульгарныхъ экономистовъ за то, что они считаютъ ненарушимымъ весь капиталъ въ широкомъ смыслѣ и потому полагаютъ невозможнымъ увеличеніе фонда заработной платы „за предѣлы капитала", „не подрывая въ корнѣ всего національнаго производства и всего національнаго благосостоянія". Между тѣмъ, если вникнуть въ то, что ненарушимымъ долженъ оставаться лишь капиталъ въ собственномъ смыслѣ (Марксовъ общественный постоянный капиталъ), а фондъ заработной платы (Марксовъ общественный перемѣнный капиталъ) долженъ быть причисленъ не къ національному капиталу, а къ національному доходу, то очевидно, что фондъ заработной платы можетъ быть увеличенъ на счетъ ренты или, иначе, на счетъ предпринимательскаго фонда, можетъ быть увеличенъ даже до полнаго исчезновенія послѣдняго „безъ нарушенія капитала" (конечно „чистаго понятія капитала") и „не подрывая въ корнѣ національнаго производства и всего національнаго благосостоянія". Въ послѣднемъ случаѣ, по перенесеніи собственности на землю и капиталъ въ руки государства, исчезаетъ капиталъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. предпринимательскій фондъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и возможность взиманія дохода въ силу частнаго владѣнія капиталомъ, въ видѣ прибыли, исчезаютъ, конечно, и деньги, и не смотря на это, „остается неприкосновеннымъ національный капиталъ, вѣчный капиталъ, „чистая" его „сущность"

(„неизбѣжная предпосылка" и рѣшительное отрицаніе плановъ о возвращеніи къ прошлому), между которыми, по увѣреніямъ „настоящихъ" марксистовъ, лежитъ цѣлая пропасть, какъ между буржуазной и пролетарской идеологіями, прекраснѣйшимъ образомъ соединяются Родбертусомъ на одной и той же страницѣ.

Если марксистъ въ отвѣтъ на вышеприведенное повторитъ за Энгельсомъ, что всѣ разсужденія Родбертуса о фондѣ заработной платы и о томъ, берется ли онъ изъ капитала, или нѣтъ, ничего больше не представляютъ собою, какъ пустую схоластику, если онъ со свойственною марксизму самоувѣренностью скажетъ, что мечтанія о ненарушимости капитала при упраздненіи частнаго капитала, не болѣе какъ утопическія бредни, то мы, съ своей стороны, замѣтимъ пока лишь слѣдующее: если бы Родбертусъ имѣлъ возможность взглянуть на разсмотрѣнныя нами въ предыдущей главѣ схемы Маркса, онъ несомнѣнно нашелъ бы въ нихъ доводъ въ пользу вѣчности своего капитала. Перемѣнный общественный капиталъ, фондъ заработной платы, равный въ настоящее время, при существованіи класса капиталистовъ, 1500, — съ упраздненіемъ уполномоченныхъ, т. е. съ упраздненіемъ товарнаго производства, возрастетъ до высоты 3000, т. е. поглотитъ всю „національную прибавочную стоимость"; тѣмъ не менѣе остается неприкосновенной стоимость въ 6000, въ видѣ орудій и „матеріаловъ", а стало быть въ видѣ Родбертусова „капитала въ собственномъ смыслѣ", „чистой сущности капитала", независимой отъ „преходящихъ историческихъ условій".

Марксисты-ортодоксы, конечно, не считаются съ тѣмъ фактомъ, что Марксъ никогда даже и не подумалъ о томъ, чтобы свести счеты съ Родбертусомъ, что онъ никогда не давалъ прямого отвѣта на то, относится ли онъ отрицательно или нѣтъ къ вѣчности національнаго капитала, проповѣдуемой Родбертусомъ. Поэтому его ортодоксальные ученики (Ильинъ) выставляютъ „общественный постоянный капиталъ" Маркса въ качествѣ какого то пролетарскаго амулета, даже не подозрѣвая, что это амулетъ Родбертусова государственнаго соціализма, даже не замѣчая того, что, заучивая и популяризируя II-ой томъ „Капитала", они лишь принимаютъ и пропагандируютъ слѣдующую истину Родбертуса:

„Капиталъ самъ по себѣ, національный капиталъ, имѣетъ абсолютное значеніе, которое онъ заимствуетъ изъ самой природы и процесса производства. Пока само національное произ-

водство не прекращается, всегда будутъ необходимы и будутъ существовать матеріалы и орудія, всегда національный продуктъ будетъ дѣлиться на готовые предметы дохода и на предметы, долженствующіе служить дальнѣйшему производству". („4-ое соціальное письмо" стр. 314.)

Родбертусъ отстаиваетъ вѣчность національнаго капитала по очень понятнымъ соображеніямъ, которыя онъ и высказываетъ зачастую довольно откровенно, ибо пишетъ онъ свою книгу не для подозрительнаго пролетарія, а для благороднаго ученаго міра. Прибыль можетъ существовать лишь при томъ условіи, если произведенный продуктъ не переходитъ цѣликомъ въ руки непосредственнаго производителя. Разъ капиталъ вѣченъ, т. е. разъ стоимость произведеннаго продукта не можетъ быть никоимъ образомъ распредѣлена цѣликомъ между производителями и опредѣленная доля ея неприкосновенна, какъ возмѣщеніе національнаго капитала, то этого вполнѣ достаточно для обезпеченія прибыли. Съ другой стороны, планъ общественнаго производства, предлагаемый Родбертусомъ „для исцѣленія современности отъ ея бѣдствій", обѣщаетъ каждому такую долю, какую онъ вноситъ въ производство своимъ трудомъ. Передъ Родбертусомъ является задача найти формулу трудовой стоимости, на основаніи которой было бы возможно и возмѣщеніе вѣчнаго капитала, безъ котораго производство обойтись не можетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ врученіе каждому столько стоимости, сколько онъ создалъ.

Родбертусова формула трудовой стоимости слѣдующая: стоимость всякаго товара, какъ и всего общественнаго продукта $= m + (n:o)$ т. е. она равна количеству труда, непосредственно затраченнаго на окончательную отдѣлку даннаго блага (m) + количеству прошлаго труда, заключающагося въ долѣ потраченныхъ на приготовленіе этого блага матеріаловъ и орудій $(n:o)$, причемъ n есть количество труда, затраченное на созданіе орудія, а o число экземпляровъ товара, приготовленныхъ съ помощью орудія.

Эта формула трудовой стоимости есть вмѣстѣ съ тѣмъ и формула Маркса. Но точка зрѣнія Родбертуса на осуществленіе и примѣненіе этой формулы въ жизни лишь отчасти сходится съ ученіемъ Маркса.

По ученію Родбертуса, эта формула въ современномъ строѣ осуществляется лишь въ общемъ; что касается отдѣльныхъ товаровъ, то ихъ стоимость, опредѣленная по этой формулѣ, никогда не совпадаетъ съ ихъ цѣною благодаря существованію предпринимательской прибыли и управляющаго ею закона равной нормы прибыли. Но когда, учитъ Родбертусъ исчезнетъ предпринимательская прибыль путемъ уничтоженія частной собственности на землю и капиталъ, когда стало быть, у рабочаго не будутъ отнимать ту долю его продукта, которая отнимается теперь его хозяиномъ, то вышеприведенная формула, къ которой въ настоящее время лишь тяготѣютъ цѣны товаровъ, осуществится во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Это обѣщаніе по адресу рабочаго, а вотъ

увѣреніе и обезпеченіе капитала, высказанное Родбертусомъ въ видѣ общей теоремы.

„Если бы стоимость отдѣльныхъ благъ равнялась только затратамъ, вычисленнымъ исключительно по труду, то въ ней несмотря на это, заключалась бы въ общемъ и земельная рента и рента на капиталъ, а также и возмѣщеніе капитала, предполагая, что производительность труда вообще достаточна для существованія ренты."

Такъ какъ въ предлагаемомъ Родбертусомъ коммунистическомъ строѣ „стоимость отдѣльныхъ благъ равняется затратамъ, вычисленнымъ исключительно по труду", и такъ какъ это вычисленіе производится по найденной Родбертусомъ вышеприведенной формулѣ, благодаря чему въ этой стоимости уже „заключается рента (прибавочная стоимость) и возмѣщеніе капитала", то съ помощью вышеприведенной теоремы Родбертусъ вполнѣ прозрачно заставляетъ заинтересованныхъ догадаться (такихъ вещей открыто не говорятъ), что подобно тому, какъ частный капиталъ исчезаетъ для того, чтобы создать національный капиталъ, подобно этому предпринимательская частная прибыль упраздняется для того, чтобы быть преобразованной въ національную прибыль, а не для того чтобы исчезнуть вообще.

Послушаемъ, какъ Родбертусъ болѣе детально разъясняетъ свое положеніе, что несмотря на упраздненіе частныхъ предпринимателей, капиталъ не перестаетъ существовать.

„Покажемъ распредѣленіе національнаго дохода и способъ, какимъ возмѣщается капиталъ въ такомъ строѣ, гдѣ нѣтъ частной собственности, приносящей ренту, а блага составляютъ частную собственность лишь тогда, когда они становятся доходомъ.

„Для этого нужно представить себѣ раздѣленіе труда и соотвѣтственное ему установленіе національнаго капитала, исходя изъ современной дѣйствительности. Только на мѣсто нашего частнаго предпринимателя поставимъ въ каждомъ хозяйствѣ чиновника, назначаемаго обществомъ; представимъ себѣ далѣе, что имѣющаяся въ каждомъ современномъ хозяйствѣ часть національнаго капитала составляетъ собственность общества, а не предпринимателя." („Къ пониманію и т. д." стр. 119).

Въ предполагаемомъ строѣ „только рабочіе имѣютъ право на участіе въ національномъ доходѣ, ибо, такъ какъ земля и капиталъ принадлежатъ государству, никто ничего не можетъ получить въ силу одного своего владѣнія... Каждый получаетъ столько дохода, сколько онъ внесъ труда въ созданіе національнаго продукта. (стр. 123)".

Между тѣмъ какъ въ современномъ строѣ „собственники земли и капиталисты отдаютъ рабочимъ въ видѣ заработной платы удостовѣреніе только на часть продукта, а значитъ пра-

во на меньшее количество труда, чѣмъ то, которое капиталистамъ доставлено“, въ предполагаемомъ строѣ „государство выдаетъ рабочимъ удостовѣреніе во всемъ доставленномъ ими обществу количествѣ труда, а значить, оно даетъ имъ право на весь ихъ продуктъ“ (стр. 128).

Читатель непомѣрно удивленъ. Тотъ же Родбертусъ, который такъ рѣзко напалъ на Маркса за установленіе имъ права за рабочимъ на всю стоимость продукта, — чего Марксъ вовсе и не думалъ дѣлать, — тотъ же Родбертусъ въ своемъ „будущемъ строѣ“ отдаетъ рабочимъ весь ихъ продуктъ.

Полемика Родбертуса противъ Маркса, выдержки изъ которой приведены въ началѣ нашей первой главы, показываетъ самымъ нагляднымъ образомъ, что всѣ его вышеприведенныя увѣренія лишь пустыя фразы, формальныя заявленія ни къ чему не обязывающія, реклама, съ помощью которой предъявитель „будущаго строя“ восхваляетъ свой товаръ.

Почему же такія формальныя заявленія никого ни къ чему не обязываютъ? Потому, что предварительно непоколебимо установленъ „національный капиталъ“, какъ вѣчный институтъ. Это уже рѣшаетъ дѣло, достаются ли рабочему всѣ плоды его труда или нѣтъ. Для наивныхъ, которые этого не понимаютъ, экономистъ, установившій свой вѣчный капиталъ, можетъ расписывать какія угодно заманчивыя перспективы. Все дѣло сводится къ тому, чтобы рекламу („каждый получаетъ столько, сколько вноситъ“) привести въ согласіе съ тою доктриною, которая уже рѣшила, что рабочій получитъ лишь часть своего продукта. Для этого доктрина одѣвается въ научныя отвлеченныя понятія, не заключающія повидимому, ничего касающагося тѣхъ, у кого отнимаютъ, такъ что въ доктринѣ выступаютъ одни лишь вѣчные принципы общечеловѣческаго производства. Чѣмъ сильнѣе эта иллюзія вызванная экономистомъ, тѣмъ онъ большій „экономическій геній“.

Доктрина Родбертуса, имѣющая цѣлью установить вѣчность національнаго капитала, есть доктрина о вѣчной несоизмѣримости въ человѣческомъ хозяйствѣ общественнаго продукта съ общественнымъ доходомъ. Значитъ это вмѣстѣ съ тѣмъ и доктрина Маркса.

Въ самомъ дѣлѣ, если нижеслѣдующее мѣсто Родбертуса представить себѣ разросшимся въ цѣлую объемистую книгу, то получится II-ой томъ „Капитала“. Это мѣсто можетъ служить непосредственнымъ поясненіемъ разсмотрѣнныхъ выше схемъ Маркса и обратно. Мы помѣщаемъ въ текстѣ положенія Родбертуса, а въ примѣчаніяхъ указанія на соотвѣтствующія статьи Марксовой схемы.

„Національнаго продукта нельзя смѣшивать съ національнымъ доходнмъ *уже по ихъ натуральному виду*... Національный продуктъ есть продуктъ разсматриваемаго періода или результатъ всѣхъ работъ одновременно предпринятыхъ на различныхъ производственныхъ ступеняхъ.[1]) Напротивъ, масса непосредственныхъ благъ, которыя приготовлены на послѣдней производственной ступени, есть національный доходъ.[2]) Но изъ этого національнаго дохода только наименьшая часть есть продуктъ разсматриваемаго періода. Это лишь та часть, которую нужно разсматривать, какъ результатъ труда, предпринятаго на послѣдней ступени.[3]) Вся остальная часть по самому существу есть продуктъ предыдущихъ періодовъ или, для разсматриваемаго періода, *она служитъ капиталомъ*.[4]) Національный продуктъ своей большей частью становится капиталомъ, своею меньшею—доходомъ.[5]) Національный доходъ въ своей меньшей части есть продуктъ, въ большей части онъ былъ капиталомъ.[6]) Но и *стоимость* національнаго дохода не равна стоимости національнаго продукта; стоимость національнаго продукта заключаетъ въ себѣ во 1-хъ стоимость того всего продукта, который обрабатывается, какъ матеріалъ для благъ дохода одновременно на разныхъ ступеняхъ производства (стоимость состоящая изъ непосредственнаго труда + трудъ, использованный въ видѣ орудій), и во 2-хъ стоимости того продукта, который долженъ служить для возмѣщенія истраченныхъ орудій“.

---

[1]) Національный продуктъ состоитъ изъ стоимости, полученной въ 1-омъ подраздѣленіи, приготовляющемъ всѣ средства производства и равной 6000 ($4000\,c + 1000\,r + 1000\,m$), и изъ стоимости полученной во II-омъ подраздѣленіи, заготовляющемъ предметы потребленія и равной 3000 ($2000\,c + 500\,r + 500\,m$). Національный продуктъ, какъ результатъ всѣхъ общественныхъ работъ, равняется по стоимости 9000.

[2]) Національнымъ доходомъ нужно считать только стоимость полученную тамъ, гдѣ заготовляются непосредственно предметы потребленія, т. е. во II-омъ подраздѣленіи. Національный доходъ равенъ по стоимости только 3000.

[3]) Изъ всей стоимости дохода въ 3000, — только $500\,r$ и $500\,m$ могутъ считаться продуктомъ разсматриваемаго промышленнаго періода.

[4]) Часть стоимости дохода, равная 2000, получена перенесеніемъ на доходъ стоимости произведенныхъ въ I-омъ подраздѣленіи средствъ производства. Эта часть стоимости — продуктъ предыдущихъ періодовъ, а для даннаго періода она служила капиталомъ ($2000\,c$ II).

[5]) Изъ всего продукта = 9000, — $^2/_3$ его стоимости (6000) будетъ капиталомъ и только $^1/_3$ — доходомъ.

[6]) Изъ стоимости дохода = 3000, — только $^1/_3$ продуктъ разсматриваемаго періода ($500\,r + 500\,m$). Большая часть дохода, $^2/_3$ его стоимости служила въ этомъ періодѣ капиталомъ ($2000c$).

Послѣднее изъ приведенныхъ положеній, а оно только говоритъ о стоимости дохода и продукта, вызываетъ одно лишь недоумѣніе. Стоимость продукта, гласитъ оно, превышаетъ стоимость дохода на стоимость орудій. Но вѣдь сама стоимость дохода заключаетъ въ себѣ стоимость орудій. Почему же заключающійся въ доходѣ трудъ, „использованный въ видѣ орудій" не покрывается заключеннымъ въ продуктѣ трудомъ, „долженствующимъ служить для возмѣщенія потраченныхъ орудій"? Вѣдь согласно одновременной цѣлесообразной работѣ во всѣхъ отрасляхъ, орудія возстановляются какъ разъ постольку, поскольку они снашиваются. Или существуетъ два отличныхъ другъ отъ друга вида орудій, причемъ особенность одного изъ нихъ въ томъ и состоитъ, что ихъ стоимость входитъ только въ стоимость продукта, не входя никогда въ стоимость дохода? Что же это за таинственныя орудія?

Всѣ положенія Родбертуса предшествующія послѣднему говорятъ только о различіи вещей. Если не принять этого во вниманіе, если вообразить, что о различіи въ стоимостяхъ мы можемъ судить по различію въ натуральномъ видѣ вещей, какъ это сдѣлалъ Родбертусъ (доказательствомъ чему служитъ между прочимъ введеніе имъ втихомолку въ разсужденіе слова „капиталъ"), то покажется, что послѣднее положеніе о неравенствѣ стоимости продукта и дохода доказано именно съ помощью предшествующихъ ему положеній. Такъ мы видѣли, что отдѣльныя статьи Марксовыхъ схемъ — въ данномъ случаѣ лишь постольку различаются въ числовыхъ отношеніяхъ, поскольку онѣ иллюстрируютъ различія вещей. Неудивительно, что онѣ „поясняютъ" положеніе о неравенствѣ стоимости продукта и дохода. Дѣйствительно, онѣ иллюстрируютъ и тѣ два вида средствъ производства, различіе между которыми Родбертусомъ не объяснено. Изъ всего общественнаго капитала стоимостью въ 6000, только 2000 *c* II-го подраздѣленія входятъ въ продуктъ и доходъ, а 4000 *c* I-го подраздѣленія войдутъ только въ стоимость продукта.

Но неужели различіе въ натуральномъ видѣ вещей даетъ хотя бы малѣйшій доводъ въ пользу различія и въ стоимостяхъ этихъ вещей? Имѣетъ ли какой нибудь смыслъ классическое: „уже по натуральному виду продуктъ отличается отъ дохода"? Это вѣдь невѣроятная нелѣпость, если для того, чтобъ указать на различіе въ стоимостяхъ холста и сюртука, сослаться на то, что уже по натуральному виду холстъ отличается отъ сюртука.

Поставивши заранѣе цѣлью сохранить категоріи „вѣчнаго капитала", Родбертусъ забылъ о томъ простомъ фактѣ, что стоимость есть отвлеченіе отъ натуральнаго вида вещей, что различіе натуральнаго вида вещей есть обыкновенный случай равенства ихъ стоимости (ибо безъ этого различія получается лишь равенство ариѳметическихъ, а не экономическихъ величинъ); онъ не сообразилъ, что различіе продукта и дохода какъ вещей, нисколько не мѣшаетъ имъ оставаться равными въ своихъ стоимостяхъ, что всѣ его соображенія, раскрывающія различія въ вещахъ, не представляютъ собой никакого доказательства въ пользу неравенства общественнаго продукта и дохода, что конструированіе этого неравенства есть лишь декретъ, слѣдующій исключительно изъ его благочестивыхъ пожеланій удержать на вѣки вѣчные капиталъ въ человѣческомъ обществѣ.

Указанное Родбертусомъ соотношеніе между общественнымъ продуктомъ и доходомъ, какъ слѣдующее изъ „природы вещей", существуетъ одинаково какъ въ современномъ строѣ, такъ и въ строѣ безъ частной собственности на средства производства. И потому онъ побѣдоносно восклицаетъ: благодаря упраздненію частныхъ предпринимателей, всякій получаетъ столько, сколько внесъ и національный капиталъ ненарушимъ; превышеніе общественнаго продукта надъ доходомъ будетъ обеспечивать возмѣщеніе національнаго капитала.

Предположимъ, что Родбертусово обѣщаніе — „всякій получаетъ столько, сколько вноситъ", осуществляется въ дѣйствительности, и взявъ это за исходную точку, посмотримъ какое будетъ въ этомъ случаѣ соотношеніе общественнаго продукта и дохода.

Стоимость создается только трудомъ. Общество располагаетъ 9000 единицъ труда, изъ которыхъ 6000 оно прилагаетъ въ сферѣ приготовленія всѣхъ средствъ производства, а остальныя 3000 на „окончательную отдѣлку" предметовъ дохода, на приготовленіе непосредственныхъ предметовъ потребленія. Члены общества, затратившіе своего труда въ сферѣ приготовленія средствъ производства на сумму 6000, получаютъ по условію вознагражденія за трудъ, предметовъ потребленія на сумму въ 6000 единицъ. Члены общества, приготовляющіе предметы непосредственнаго потребленія, затрачиваютъ труда 3000 и получаютъ изъ всей приготовленной ими суммы предметовъ потребленія часть, по величинѣ равную 3000 трудовыхъ единицъ. Сколько получено всего общественнаго продукта?

$$6000\ \mathrm{I} + 3000\ \mathrm{II} = 9000$$

На какую сумму выдано предметовъ дохода?

$$6000\ \mathrm{I} + 3000\ \mathrm{II} = 9000$$

Очевидно, что общество, желающее „отдать всякому столько, сколько онъ внесъ", должно прежде всего признать, что общественный доходъ по своей стоимости равенъ стоимости всего общественнаго продукта, количеству всего затрачиваемаго труда. Если оно пожелаетъ удовлетворить Родбертуса и обособить изъ произведенной стоимости часть, для „возмѣщенія національнаго капитала", оно должно у каждаго производителя отнять часть того, что онъ внесъ. И оно отнимаетъ тогда у рабочаго не средства производства, а предметы потребленія, доходъ для врученія его привиллегированныамъ классамъ: оно выдѣляетъ ренту, прибыль.

Родбертусъ рекомендуетъ упразднить частный капиталъ для того, чтобы обезпечить вѣчное существованіе національному капиталу. Это значитъ, онъ предполагаетъ преобразованіе процесса взиманія прибыли частными предпринимателями, уполномоченными буржуазнаго общества, — въ одно вѣчное національное пред-

пріятіе, исполняемое непосредственно государствомъ, которое и распредѣляетъ національную прибыль между всѣми своими составными частями, т. е. между всѣмъ господствующимъ и правящимъ образованнымъ обществомъ.

Показать, что основное положеніе Родбертуса о неравенствѣ общественнаго продукта и дохода, служащее у него источникомъ вѣчности капитала, есть неотразимая истина „чистой науки", политической экономіи, такова задача II-го тома „Капитала" Маркса. Истина Родбертуса покоится уже не на его туманныхъ образахъ, а на непоколебимыхъ основахъ „новѣйшей политической экономіи", которая еще вдобавокъ и „чисто пролетарская наука".

Глава III

Марксова теорія общественнаго постояннаго капитала

Классическая политическая экономія старалась разложить весь общественный продуктъ на доходы: заработную плату, прибыль и земельную ренту. Она могла безопасно заниматься разрѣшеніемъ этой задачи, ибо установила капиталъ, какъ естественный, вѣчный источникъ прибыли. Именно Сей, болѣе другихъ проповѣдывавшій вѣчность источника прибыли, смѣлѣе всего производилъ разложеніе общественнаго продукта на доходы. Марксъ, вскрывая въ ученіи о вѣчномъ источникѣ прибыли буржуазную проповѣдь, попутно и само разложеніе общественнаго продукта на доходы обозвалъ „буржуазной нелѣпостью", „буржуазнымъ догматомъ" вульгарныхъ экономистовъ, догматомъ, который просмотрѣлъ, что, какъ въ каждомъ товарѣ, такъ и во всемъ общественномъ продуктѣ, кромѣ доходовъ заключается и стоимость постояннаго капитала.

Но несомнѣнно, что „буржуазный догматъ" зародился въ головѣ Смита одновременно съ идеею о томъ, что „трудъ есть единственное мѣрило стоимости", ибо эта послѣдняя идея была для него просто немыслима безъ перваго. Пока Смитъ не разложилъ своего „основного капитала" на доходы, до тѣхъ поръ онъ и не могъ открыть того закона, что *всякая* стоимость, а значитъ и стоимость „основного капитала" есть опредѣленное количество труда. И всякій, кто принимаетъ теорію трудовой стоимости, принимаетъ, конечно, и „догматъ". Позднѣйшіе экономисты, сторонники трудовой теоріи стоимости, могли поэтому лишь видоизмѣнять этотъ „догматъ", но не упразднять его, ибо послѣднее означало бы одновременно и упраздненіе самой теоріи трудовой стоимости.

Самъ Марксъ признаетъ полную примѣнимость „буржуазнаго догмата", но лишь по отношенію къ одной части общественнаго продукта, и именно по отношенію къ той его части, которая со-

ставляетъ общественный доходъ, потребительный общественный фондъ, II-ое подраздѣленіе общественнаго производства (см. схемы въ I главѣ).

„Хотя для капиталистовъ II стоимость ихъ продукта и распадается на $c + v + m$, но *съ общественной точки зрѣнія* стоимость этого продукта можетъ распасться *только* на $v + m$... Вотъ это то обстоятельство побудило Адама Смита утверждать, что стоимость годичнаго продукта распадается на $v + m$. Это имѣетъ силу... только для той части годичнаго продукта, которая состоитъ изъ предметовъ потребленія" (Кап. II, стр. 322).

Нашъ разборъ имѣетъ цѣлью показать въ данномъ вопросѣ слѣдующее: Лишь только „новѣйшая политическая экономія" подъ давленіемъ „общественныхъ потребностей" принуждена была отвергнуть вѣчность источника прибыли и напасть на капиталистовъ подобно тому, какъ въ лицѣ физіократовъ она напала на феодаловъ, лишь только она признала капиталистовъ „излишними для нуждъ производства", она должна была, подтачивая одну форму владѣнія (частный капиталъ), тѣмъ сильнѣе такъ или иначе укрѣпить владѣніе господствующихъ классовъ вообще. Поучая о ненужности частнаго капитала и всего класса капиталистовъ, она должна была разъяснить необходимость „для производства" обособленія въ общей стоимости продукта опредѣленной, ростущей вмѣстѣ съ прогрессомъ техники, суммы, которая не можетъ подлежать потребленію и распредѣленію въ видѣ дохода, а должна играть роль *общественнаго капитала*. Эту необходимость доказывалъ Родбертусъ, какъ мы видѣли, вполнѣ откровенно. Онъ поэтому всегда считался правовѣрнымъ экономистомъ — ученымъ. Марксъ именно постольку оказалъ заслуги въ укрѣпленіи этой необходимости, поскольку въ настоящее время имѣетъ счастье быть общепризнаннымъ экономистомъ, и поскольку передъ Зомбартами стоитъ реальная задача отдѣлить у Маркса „агитаторскій хламъ" отъ того вклада, который войдетъ въ „вѣчное владѣніе" политической экономіи. Марксъ, борецъ противъ капиталистовъ, развилъ теорію трудовой стоимости, ученіе Смита и Рикардо, борцовъ противъ феодаловъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ ученіемъ объ общественномъ постоянномъ капиталѣ обезпечилъ за образованнымъ міромъ его владѣніе всѣмъ человѣческимъ наслѣдіемъ, всею цивилизаціею. Вотъ почему Зомбартъ съ увѣренностью предсказываетъ своимъ старымъ товарищамъ по профессіи, закоренѣвшимъ въ борьбѣ съ Марксомъ, что Марксъ, какъ экономистъ, *не опровергаемъ*, что въ его экономической теоріи заключено сокровище, которое они раньше или позже признаютъ („Научн. Обоз." 98 г., 4); вотъ почему онъ, *„какъ буржуа"* обожаетъ Маркса экономиста.

Подвергая критикѣ ученіе Смита, который готовъ сказать, что общественный продуктъ распадается только на двѣ части, на „доходъ" рабочаго класса и общественную прибыль (предпринимательская прибыль и земельная рента), Марксъ говоритъ:

„Первая ошибка Ад. Смита заключается въ томъ, что онъ отождествляетъ годичную стоимость продукта“ (9000, см. схемы Маркса) „со стоимостью произведенною впродолженіе года“ (3000). „Послѣдняя есть только продуктъ труда истекшаго года“ (1000v I + 1000m I + 500v II + 500m II); „первая же заключаетъ въ себѣ, кромѣ того всѣ элементы стоимости, употребленные для производства годового продукта, но притомъ такіе, которые были изготовлены въ предыдущемъ году и частью еще раньше“ (6000 c = = 4000 c I + 2000 c II), „именно средства производства, стоимость которыхъ только вновь проявляется, которыя. по отношенію къ своей стоимости, и не произведены и не воспроизведены трудомъ потраченнымъ въ текущемъ году. Вслѣдствіе такого смѣшиванія понятій, Ад. Смитъ совершенно выбрасываетъ вонъ постоянную часть стоимости годового продукта. Самое смѣшиваніе основывается на другой ошибкѣ его основного положенія. Онъ не различаетъ двойственности характера самого труда: труда, создающаго стоимость тратою своей рабочей силы, и конкретнаго, полезнаго труда, создающаго предметы потребленія (потребительную стоимость). Валовая сумма ежегодно изготовляемыхъ товаровъ, слѣдовательно весь годичный продуктъ, (9000) есть продуктъ полезнаго труда, дѣйствовавшаго въ истекшемъ году; всѣ эти товары имѣются только потому, что общественно употребленный трудъ затраченъ въ многорасчлененной системѣ полезныхъ родовъ труда: только поэтому въ валовой стоимости сохранилась стоимость средствъ производства (6000), потребленныхъ на изготовленіе ихъ, проявившись опять въ новой натуральной формѣ. Итакъ, годовой продуктъ есть результатъ полезнаго труда, потраченнаго впродолженіе года; но только часть стоимости продукта производится впродолженіе года (3000); эта часть есть стоимость, произведенная впродолженіе года, въ которой изображается сумма труда, потраченнаго впродолженіе истекшаго года“ (Кап., II, 283).

Пусть читатель припомнитъ прежде всего условіе разсматриваемой задачи — общественное производство, гдѣ, по замѣчанію самого Маркса, весь взятый въ разсчетъ постоянный капиталъ „одновременно возмѣщается натурою“ (см. выше, стр. 7-8), значитъ, средства производства, стоимостью въ 6000, возмѣщены натурою одновременно съ приготовленіемъ общественнаго потребительнаго фонда, т. е. эти средства производства созданы въ истекшемъ году. Но „пролетарское ученіе“ даетъ намъ болѣе глубокое познаніе: „эти средства производства... не произведены и не воспроизведены въ истекшемъ году“. Это безошибочное познаніе достигается, однако, лишь при помощи необыкновенной аналитической тонкости, которою такъ восхищаются въ Марксѣ и которая въ данномъ случаѣ заключается, повидимому, въ словахъ; „по отношенію къ своей стоимости“.

Выходитъ, что средства производства, стоимостью въ 6000 произведены, правда, въ истекшемъ году, но „не произведены въ истекшемъ году по отношенію къ своей стоимости.“

Къ несчастью, аналитическая тонкость въ данномъ случаѣ лишь ярче обнаруживаетъ насильственное смѣшеніе понятій, вполнѣ однородное съ тѣмъ, которое мы видѣли въ предыдущей главѣ у Родбертуса: грубое отождествленіе различія въ экономическихъ величинахъ съ различіемъ въ вещахъ. Ибо въ данномъ случаѣ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ утвержденію Маркса. Только какъ вещи, средства производства на сумму въ 6000 созданы въ предыдущемъ году; по отношенію къ ихъ стоимости, какъ стоимости, они созданы въ истекшемъ году. Для рубашки, полученной въ производствѣ истекшаго года, хлопокъ добытъ, положимъ, въ предыдущемъ году, но добытъ только хлопокъ, какъ вещь, а не какъ стоимость; стоимость добытаго въ предыдущемъ году хлопка создана въ истекшемъ году, и потому стоимость хлопка сообразуется не съ тѣмъ количествомъ труда, которое дѣйствительно было затрачено на пріобрѣтеніе той же самой, въ вещественномъ отношеніи, заключенной дѣйствительно въ рубашкѣ доли хлопка, а съ тѣмъ количествомъ труда, которое затрачивается въ истекшемъ году на пріобрѣтеніе равной по объему доли хлопка.

Ясно, что во всемъ вышеприведенномъ мѣстѣ Марксъ не анализируетъ общественнаго производства, не познаетъ его сущности, а лишь прилаживаетъ всѣ его звенья къ своей доктринѣ. Тамъ, гдѣ процессъ общественнаго производства не вмѣщается въ доктрину, приходится прибѣгать къ аналитическимъ тонкостямъ и софистикѣ, бьющей прямо по лицу теоріи трудовой стоимости.

Марксъ видитъ передъ собою два факта. Первый изъ нихъ таковъ: при началѣ производства стоятъ въ неоспоримой своей реальности фабрики, заводы, машины, лежатъ въ складахъ нужные для производства матеріалы. Отсюда онъ заключаетъ, что передъ нимъ — одноименная съ вещественной реальностью — реальная экономическая величина. Доктрина Маркса, давно законченная въ предѣлахъ индивидуальнаго хозяйства, рѣшаетъ дѣло просто и безповоротно: отъ прошлаго года имѣется стоимости на сумму въ 6000.

Въ связи съ этимъ фактомъ стоитъ другой: при окончаніи промышленнаго года въ результатѣ всего производства получаются двѣ неоспоримо различныя вещи: средства производства и предметы потребленія. Доктрина заставляетъ признать, что различія въ этихъ двухъ вещахъ влекутъ за собою обязательно и различія въ ихъ экономическихъ величинахъ. Общественный продуктъ есть сумма двухъ слагаемыхъ, двухъ различныхъ вещей. Стало быть, стоимость общественнаго продукта должна представлять собою сумму точь-въ-точь такихъ же двухъ слагаемыхъ, должна заключать въ себѣ такія же двѣ различныя экономическія величины.

Такимъ образомъ, установлены a priori два неоспори-

мыхъ экономическихъ данныхъ: отъ каждаго промышленнаго года остается для слѣдующаго за нимъ опредѣленная заранѣе сумма стоимости въ 6000, и каждый промышленный годъ создаетъ сумму, состоящую изъ двухъ слагаемыхъ, неоспоримыхъ экономическихъ величинъ, стоимости средствъ производства и стоимости предметовъ потребленія.

Къ этимъ двумъ продиктованнымъ доктриною „фактамъ" нужно свести во что бы то ни стало весь процессъ общественнаго производства. И вотъ получаемъ: хотя въ истекшемъ году средствъ производства произведено стоимостью въ 6000... pardon! — мы погрѣшили противъ аналитической точности, — хотя въ истекшемъ году произведены средства производства, которыя когда-то, въ будущемъ проявятъ свою стоимость, по величинѣ равную 6000, тѣмъ не менѣе въ истекшемъ году произведено стоимости только 3000; стоимость въ 6000, которую средства производства, созданныя въ истекшемъ году, пока „несутъ на себѣ" и лишь въ будущемъ „перенесутъ" на продуктъ, — эта стоимость въ настоящее время должна быть признана стоимостью лишь „перенесенной" со стоимости капитала, имѣвшейся отъ предыдущаго года. Такимъ образомъ, намъ обязательно нужно реальную трату рабочей силы, по величинѣ равную 6000, держать въ запасѣ и передать въ наслѣдство будущему году, помня, что

„ни одна часть общественнаго рабочаго дня ни въ I, ни во II подраздѣленіи, не служитъ къ тому, чтобы произвести стоимость помѣщеннаго въ эти двѣ крупныя отрасли производства, дѣйствующаго въ нихъ постояннаго капитала" (К. II, 223), что вся „новая стоимость, произведенная въ видѣ средствъ производства, не есть еще постоянный капиталъ. Ей предназначено только въ будущемъ играть роль постояннаго капитала". (I. c.)

Послѣ того, какъ мы при помощи такого пріема отложили въ запасъ отъ истекшаго года сгустокъ человѣческаго труда, мертвый трудъ, у насъ уже въ слѣдующемъ году само собою, будетъ въ наличности отъ предыдущаго года настоящая несомнѣнная стоимость въ 6000, и мы, волей неволей, принуждены будемъ считаться съ этимъ, какъ съ неоспоримымъ фактомъ; затѣмъ мы вынуждены будемъ опять продѣлать тотъ же точный анализъ, и съ его помощью мы опять собственноручно подготовимъ себѣ „неоспоримый фактъ" и на третій годъ, и т. д. Въ награду за это средства производства, стоимостью въ 6000, будутъ намъ ежегодно доставаться „повидимому безъ всякой затраты общественнаго рабочаго дня", будутъ какъ бы съ неба падать.

„Постоянная капитальная стоимость 6000 проявляется вновь въ продуктахъ, совершенно отличныхъ отъ предметовъ потребленія, именно въ средствахъ производства, между тѣмъ какъ на производство этого новаго продукта, повидимому, не потрачено ни единой части общественнаго рабочаго дня, весь же этотъ рабочій день состоитъ какъ будто даже только изъ такого рода труда, который проявляется не въ средствахъ производства, а въ предметахъ потребленія" (стр. 356).

Далѣе, такъ какъ мы не забудемъ, что имѣющаяся у насъ въ запасѣ „сохраненная" стоимость стоитъ передъ нами въ видѣ средствъ производства, которыя благодѣтельны не только тѣмъ, что безвозмездно („безъ всякой затраты общественнаго рабочаго дня") „переносятъ" свою стоимость, но еще сверхъ того передаютъ ее исключительно лишь такимъ, какъ и они, средствамъ производства, такъ что эта стоимость физически не можетъ быть потреблена лично, то „общественнаго дохода" окажется въ каждомъ году только 9000 — 6000 = 3000, какъ разъ столько, сколько изъ всей, полученной въ истекшемъ году, стоимости, слѣдуетъ признать стоимостью „произведенной въ истекшемъ году".

„Валовая стоимость предметовъ потребленія, произведенныхъ впродолженіе года полнымъ общественнымъ рабочимъ днемъ, равняется стоимости общественнаго перемѣннаго капитала (1000 v I + 500 v II) плюсъ общественная сверхстоимость (1000 m I + 5000 m II), равняется всему новому годичному продукту" (стр. 322).

Аналитическая точность требуетъ отличать „годичный продуктъ" отъ „новаго годичнаго продукта"... Другими словами, изъ году въ годъ мы будемъ затрачивать „I годовой рабочій день", а съ удовольствіемъ увидимъ, что

„во всемъ общественномъ годовомъ продуктѣ содержатся три годовые рабочіе дня. Выраженіе стоимости каждаго изъ этихъ рабочихъ дней будетъ 3000, слѣдовательно выраженіе стоимости валового продукта будетъ — — 3 × 3000 = 9000" (стр. 325)

Благодаря феномену „сохраненія" и „перенесенія" стоимости съ прошлаго труда на настоящій получается замѣчательный результатъ. Мы знаемъ, что въ истекшемъ году не только окончательно изготовленъ годичный потребительный фондъ (тратой труда въ размѣрѣ 3000), но и „возмѣщены натурою", т. е. созданы средства производства (тратою труда въ размѣрѣ 6000). Труда затрачено, значитъ, въ истекшемъ году 3000 + 6000 = 9000. Но Марксова теорія прошлаго труда говоритъ: Принимая во вниманіе, что трата труда на изготовленіе средствъ производства, равная 6000, проявится только въ будущемъ году, и что, съ другой стороны, затрата труда, проявляющаяся въ истекшемъ году въ средствахъ производства, не есть трата истекшаго года, а предыдущаго, въ виду этого, трата труда истекшаго года проявляется въ истекшемъ году только въ размѣрѣ 3000, т. е. стоимости, созданной въ истекшемъ году, имѣется въ этомъ году только на сумму въ 3000. Остальная стоимость, созданная въ истекшемъ году, проявится только въ будущемъ и опять таки подъ видомъ стоимости, не созданной въ этомъ будущемъ году, а перенесенной съ настоящаго. Соразмѣр-

но этому и вознагражденія труда, предметовъ дохода, должно быть только на сумму 3000.

По упраздненіи класса капиталистовъ и присоединеніи „всей прибавочной стоимости“ ($1000m$ I и $500m$ II) къ доходу рабочихъ, образованное общество, правящее теперь самолично, на основаніи марксистскихъ принциповъ, находитъ себя въ довольно пріятномъ положеніи, которое не особенно хуже капиталистическаго. Изъ году въ годъ рабочіе создаютъ ему стоимости въ 9000, а оно изъ году въ годъ при разсчетѣ доказываетъ рабочимъ „по Марксу“, что они произвели стоимости въ данномъ истекшемъ году только на 3000, и въ подтвержденіе ссылается на все наличное вознагражденіе: предметовъ потребленія нѣтъ больше, какъ только на сумму въ 3000.

Послѣ сдѣланной уступки, т. е. послѣ присоединенія „всей прибавочной стоимости“ ($1500\ m$) къ доходу „непосредственныхъ производителей“ положеніе становится вполнѣ тождественнымъ съ современнымъ капиталистическимъ. При ростѣ производительности труда растетъ стоимость средствъ производства, т. е. растетъ такая стоимость, которая можетъ лишь „сохраняться“ и „переноситься“ съ предыдущаго года на истекшій съ истекшаго на будущій, т. е. никогда не становится стоимостью, „произведенной въ истекшемъ году“, никогда не входитъ въ доходъ, вслѣдствіе чего вознагражденіе „непосредственнаго производителя“ отъ роста производительности труда вовсе не мѣняется.

* * *

Въ подтвержденіе того, что вышеразсмотрѣнные разсчеты не произвольное построеніе, а слѣдуетъ изъ самой „природы вещей“, Марксъ напоминаетъ о своей теоріи „двойственнаго характера“ человѣческаго труда и утверждаетъ, что стоимость средствъ производства величиною въ 6000, получена, не благодаря реальной затратѣ человѣческаго труда, а вслѣдствіе „полезности“ этого труда, никому ничего не стоющей (см. ниже).

Названная теорія, которую марксисты не считаютъ нужнымъ особенно популяризировать, можетъ быть потому, что чувствуютъ въ ней порядочную дозу чистой метафизики, хотя самъ Марксъ очень цѣнилъ ее и нѣсколько разъ упоминаетъ въ „Капиталѣ“ о томъ, что онъ впервые открылъ „двойственный характеръ труда“, — эта теорія изложена въ началѣ перваго тома и составляетъ результатъ „разсмотрѣнія труда въ его абстрактныхъ моментахъ, независимо отъ всякой общественной формы“ (стр. 131). Затѣмъ, при разсмотрѣніи отдѣльнаго капиталистическаго хозяйства, съ помощью этой теоріи были сдѣланы слѣдующіе выводы:

„Рабочее время, заключенное въ сыромъ матеріалѣ, и въ орудіяхъ труда, можно разсматривать совершенно такимъ же образомъ, какъ будто бы оно было издержано въ теченіе процесса пряденія, но только въ болѣе ранній его періодъ, чѣмъ то количество труда, которое истрачено на послѣдокъ въ формѣ пряденія“. (стр. 142)

„Стоимость средствъ производства сохраняется посредствомъ перенесенія ея на продуктъ... Работникъ не работаетъ вдвойнѣ въ одно и то же время: одинъ разъ чтобы прибавить къ хлопку посредствомъ своего труда новую стоимость, и другой разъ чтобы сохранить старую стоимость, или, что тоже самое, чтобы перенести стомость хлопка, который онъ обрабатываетъ, и стоимость веретена, которымъ онъ работаетъ, на продуктъ т. е. на пряжу. Но онъ сохраняетъ прежнюю стоимость посредствомъ прибавленія новой стоимости... Очевидно, что эта двойственность результата можетъ быть выяснена лишь двойственностью самого его труда“ (стр. 158).

„Въ силу своего абстрактнаго общаго свойства, т. е. какъ израсходованіе человѣческой рабочей силы, трудъ прядильщика прибавляетъ къ стоимостямъ хлопка и веретена новую стоимость; а въ силу своего конкретнаго, особеннаго, полезнаго свойства, какъ процессъ пряденія („работнику это свойство ничего не стоитъ“ — на стр. 160), онъ переноситъ стоимость этихъ средствъ производства на продуктъ и сохраняетъ такимъ образомъ эту стоимость на продуктѣ. Отсюда двойственность результата труда въ теченіе того же самаго времени“ (стр. 154).

Вслѣдъ за этими разсужденіями и въ непосредственной связи съ ними, устанавливаются категоріи перемѣннаго и постояннаго капитала. Послѣдній есть „та часть капитала, которая превращается въ средства производства“ и „не измѣняетъ величины въ процессѣ производства“ (стр. 182).

Какъ видно изъ вышеприведенной замѣтки противъ Смита, Марксъ заставляетъ примѣнять безъ малѣйшаго ограниченія изложенную теорію „двойственнаго характера труда“ для доказательства того положенія, что стоимость средствъ производства въ 5000 лишь „сохранена“ и „перенесена“ на общественный продуктъ полезною стороною труда, безъ всякой реальной затраты рабочей силы.

Дѣло какъ будто очень ясно и просто: какъ прядильщикъ „не работаетъ вдвойнѣ“ для того, чтобы, прибавляя къ стоимости хлопка новую стоимость, сохранить въ пряжѣ стоимость хлопка и веретена, подобно тому всему рабочему классу „ничего не стоитъ“, прибавляя къ стоимости средствъ производства прошлогодней выдѣлки новую стоимость въ 3000, сохранить и перенести на продуктъ стоимость средствъ производства на сумму 6000. Но эта простота явленія достигается лишь путемъ грубаго смѣшенія отдѣльнаго капиталистическаго предпріятія со всѣмъ капиталистическимъ производствомъ, смѣшенія, до такой степени полнаго, что для Маркса индивидуальное хозяйство является капиталистическимъ производствомъ въ миніатюрѣ. Дѣло въ томъ, что на прядильной фабрикѣ не „возмѣщаются натурою“ потраченные въ процессѣ пряденія хлопокъ и веретено, а во всемъ капиталистическомъ поизводствѣ всѣ средства производства „одновременно возмѣщаются натурою“.

Если прядильщику „ничего не стоитъ“ и онъ „не работаетъ вдвойнѣ“ для того, чтобы въ произведенной имъ пряжѣ „сохранить стоимость потраченныхъ имъ въ процессѣ труда средствъ производства“, то только потому, что одновременно другіе рабочіе „возмѣщаютъ натурою“ истрачиваемыя прядильщикомъ средства производства, и это имъ стоитъ какъ разъ такого количества труда, какое прядильщикъ „сохраняетъ“. Если бы хозяинъ потребовалъ отъ прядильщика не только изготовленія пряжи, но и „возмѣщенія натурою“ истрачиваемыхъ прядильщикомъ при этой работѣ средствъ производства, то прядильщику пришлось бы тратить своего труда, конечно, не только вдвойнѣ, но многимъ больше. Рабочій классъ, котораго Марксъ, конечно, не освобождаетъ отъ обязанности возмѣщенія натурою всѣхъ истрачиваемыхъ средствъ производства, работаетъ не вдвойнѣ, а многимъ больше того, что выходитъ по разсчетамъ Маркса, больше на всю ту сумму труда, которая требуется на „возмѣщеніе натурою“ все болѣе растущаго количества средствъ производства.

Послѣ того, какъ совершенно обособленное капиталистическое предпріятіе было принято за ту сферу, въ которой должны быть открыты всѣ законы классового капиталистическаго строя, процессъ „сохраненія“ отдѣльнымъ рабочимъ стоимости потребляемыхъ имъ при работѣ средствъ производства былъ совершенно оторванъ отъ процесса одновременнаго „возмѣщенія натурою“ этихъ снашиваемыхъ средствъ производства, и этимъ былъ отрѣзанъ всякій путь къ той мысли, что отдѣльнымъ рабочимъ сохраняется стоимость потребляемыхъ имъ орудій лишь постольку, поскольку они возмѣщаются натурою въ другомъ производствѣ. Сама стоимость средствъ производства не могла быть поэтому сведена на создающій ихъ одновременно въ соотвѣтственныхъ предпріятіяхъ живой трудъ и послужила лишь обоснованіемъ идеи о неотъемлемости стоимости у прошлаго, мертваго труда. Процессъ сохраненія стоимости отдѣльнымъ рабочимъ сдѣлался процессомъ таинственнаго перенесенія стоимости съ мертвато труда на продуктъ живого, процессомъ, не требующимъ никакой спеціальной затраты рабочей силы. Всѣ эти понятія и идеи закрѣплены доктриною такъ стойко и безповоротно, что затѣмъ, при обзорѣ всего общественнаго производства, кажется неотразимымъ выводомъ та невѣроятная мысль, будто средства производства возмѣщаются натурою въ общественномъ продуктѣ одною полезною стороною труда, никому ничего не стоющей.

Усердный ученикъ Маркса находится, по отношенію къ данному вопросу, въ очень незавидномъ положеніи. Если онъ чистосердечно повѣритъ Марксу въ томъ, что для созданія продукта, стоимостью въ 9000, нужно „абстрактнаго“, „создающаго стоимость“ труда только 3000, а остальные 6000 получаются благодаря „полезному труду“, не создающему стоимости, то онъ скоро очутится въ тупомъ переулкѣ и дойдетъ до величайшаго абсурда.

Возьмемъ нѣсколько періодовъ сряду. И въ прошломъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ году, и во всѣ слѣдующіе за ними

годы затрачивается труда только по 3000, а получается ежегодно въ результатѣ 9000 единицъ стоимости. Такъ какъ въ продуктѣ стоимость средствъ производства сохраняется постольку, поскольку они истрачиваются въ работѣ, и такъ какъ въ первый же годъ перешло на продуктъ стоимости средствъ производства на сумму всѣхъ 6000, то значитъ, въ первомъ же году сношено средствъ производства стоимостью въ 6000, въ первомъ же году уничтожены всѣ имѣвшіяся средства производства. Какимъ же образомъ народятся новыя орудія стоимостью въ 6000, разъ ежегодно затрачивается труда только 3000, а всѣ старыя орудія уничтожены? Придется предположить, что или наши орудія вѣчны и вѣчно переносятъ на продуктъ свою стоимость, не переставая отъ этого существовать, или, что стоимость въ 6000 создается „простымъ“ „полезнымъ“ трудомъ, который состоитъ въ томъ, что стоимости не создаетъ.

Послѣ всего выше сказаннаго понятно, почему Марксовы схемы, столь сильно вообще возлюбленныя „настоящими учениками“, служатъ Туг. Барановскому удобной почвой для раскрытія „основной ошибки“, благодаря которой Марксъ забылъ сказать, что стоимость создается не только трудомъ.

Итакъ, призванная на помощь теорія „двойственнаго характера“ дѣлу не помогаетъ. Фактъ остается фактомъ. Рабочій классъ изъ году въ годъ создаетъ 9000 единицъ стоимости. Доктрина Маркса имѣетъ цѣлью доказать, что онъ производитъ ежегодно только 3000. Теорія „двойственнаго характера труда“ служитъ лишь для того, чтобы ловчѣе было „сохранять“ и „переносить“ поглощающую весь ростъ производительности труда сумму въ 6000, такъ что она „по природѣ вещей“ не можетъ войти въ фондъ вознагражденія непосредственныхъ производителей.

* * *

Рѣшивъ открыть сущность капиталистическаго строя въ предѣлахъ обособленнаго индивидуальнаго хозяйства, Марксъ, какъ сказано выше, разъединилъ процессы „сохраненія“ стоимости средствъ производства и одновременнаго ихъ „возмѣщенія натурою“, т. е. стоимость средствъ производства отъ создающаго эту стоимость живого труда. Послѣ этого оказалось неизбѣжнымъ признать въ стоимости средствъ производства только прошлый мертвый трудъ, т. е, признать за прошлымъ трудомъ абсолютную стоимость. Вмѣстѣ съ тѣмъ между категоріями постояннаго и перемѣннаго капитала вырыта такая пропасть, какой въ дѣйствительности нѣтъ. Эти категоріи, какъ мы видѣли, приведены сверхъ этого въ связь съ „вѣчнымъ процессомъ труда“ независимо отъ формы общественнаго строя, съ „вѣчнымъ обмѣномъ матеріи между человѣкомъ и природою“. Эти категоріи, въ нѣкоторомъ родѣ, отраженія условій этого вѣчнаго процесса, отраженія въ капиталистическомъ мірѣ, въ соотвѣтственныхъ капиталистическихъ рамкахъ.

Благодаря такому возвеличенію капиталистическихъ категорій, марксизмъ самъ, собственноручно, a priori создалъ то противорѣчіе (несоотвѣтствіе въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ прибыли съ количествомъ примѣняемой въ нихъ живой рабочей силы), которымъ пользуются противники теоріи трудовой стоимости для ея опроверженія. Энгельсъ принужденъ былъ въ концѣ концовъ признать самымъ яснымъ образомъ, что законъ трудовой стоимости осуществляется лишь до среднихъ вѣковъ, а съ прогрессомъ капиталистическаго способа производства онъ все болѣе нарушается благодаря законамъ, управляющимъ прибылью. Это заявленіе есть, конечно, предпосылка для признанія необходимости пополненія другими теоріями теоріи трудовой стоимости, какъ несостоятельной. Ортодоксія оказывается безпомощной въ виду этой необходимости.

Марксизмъ, возвеличивая неподобающимъ образомъ капиталистическія категоріи, отрѣзываетъ одновременно всякій путь къ приведенію постояннаго капитала въ связь съ движеніемъ живой рабочей силы. Ортодоксы, желающіе подчеркнуть „натуралистическую", по выраженію Струве, сторону теоріи не могутъ этого дѣлать иначе, какъ подчеркивая одновременно абсолютную стоимость прошлаго труда. При этомъ они доходятъ до прямо ретроградныхъ выводовъ, въ родѣ объясненія Богданова въ „Научномъ Об.", по которому стоимость есть простое ариѳметическое среднее (!) всѣхъ дѣйствительно затраченныхъ количествъ труда въ различныхъ по степени техники, предпріятіяхъ.

По убѣжденію марксистовъ, постоянный капиталъ, повидимому, не причастенъ къ движенію рабочей силы даже въ той мѣрѣ, въ какой причастенъ денежный капиталъ. Въ отношеніи послѣдняго они, конечно, видятъ, что онъ даетъ прибыль потому, что приводитъ въ движеніе рабочую силу. Но они не въ состояніи увидѣть такого же дѣйствія со стороны постояннаго капитала.

Въ полемикѣ съ бернштейніанцами ортодоксы попадаютъ поэтому постоянно въ просакъ. Они, напр., воображаютъ, что врагъ скрывается подъ „условіями воспроизведенія" вмѣсто согласныхъ съ ортодоксіей „условій производства". Они защищаются, прибѣгая къ „мертвому труду". Они даже не предполагаютъ, что удержаніе и консеквентное проведеніе теоріи трудовой стоимости требуетъ сведенія Марксова „прошлаго труда" къ „живому". И вотъ получается интересное явленіе: О томъ, что „мертвый трудъ", а значитъ вещи, не обладаютъ абсолютной стоимостью, знаютъ не тѣ, кому, какъ они говорятъ о себѣ, нужно доказать, что стоимость создается только живымъ человѣческимъ трудомъ (ортодоксы), а тѣ, кто отвергъ теорію трудовой стоимости и замѣняетъ ее другими (Струве, Туг. Барановскій). Ортодоксы защищаютъ „мертвый трудъ" для того, чтобы „критическіе марксисты" имѣли возможность внести въ марксизмъ, вмѣсто „мертваго труда" — „рѣдкость", какъ источникъ прибыли. Или другими словами, „мертвый трудъ" исчезаетъ изъ марксизма постольку, поскольку вводится „теорія полезности".

При провѣркѣ Марксовой доктрины на всемъ капиталистическомъ производствѣ, гдѣ приходится имѣть постоянно въ виду, что всѣ потребляемыя средства производства одновременно „возмѣщаются натурою", категоріи постояннаго и перемѣннаго капитала, возвеличенныя Марксомъ до неподобающей имъ высоты, падаютъ съ нея и сводятся до надлежащаго своего значенія.

Именно: такъ какъ то, что у одного капиталиста является постояннымъ капиталомъ, у другого получается въ видѣ продукта, въ видѣ затраты перемѣннаго капитала, то эти категоріи существуютъ только съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталистическаго предпріятія. Притомъ, онѣ слѣдуютъ исключительно изъ „раздѣленія труда" между капиталистами. Перемѣнный капиталъ есть та часть капитала отдѣльнаго капиталиста, которую онъ затрачиваетъ на покупку рабочей силы непосредственно; постоянный капиталъ онъ затрачиваетъ также на рабочую силу, но посредствомъ своего товарища капиталиста, доставляющаго ему необходимыя средства производства. Вѣдь капиталистъ, покупая у другого капиталиста средства производства, дѣлаетъ тѣмъ самымъ заказъ на новые ихъ экземпляры, а, стало быть, поручаетъ пустить въ ходъ соотвѣтственное количество рабочей силы. Ясно, что онъ, виновникъ этого дѣйствія рабочей силы, долженъ быть соучастникомъ плодовъ ея эксплуатаціи, долженъ получать прибыль отъ труда рабочихъ, пущеннаго имъ въ ходъ какъ непосредственно, такъ и посредствомъ другаго предпринимателя. Категоріи постояннаго и перемѣннаго капитала не имѣютъ никакого примѣненія по отношенію ко всему капиталистическому производству. Онѣ здѣсь не существуютъ. (†)

(†) Указаніе Смита на то, что всякій постоянный капиталъ представляется состоящимъ изъ „доходовъ", если только переходить мысленно отъ одного хозяйства къ другому, Марксъ насмѣшливо называетъ рекомендаціей „ходить отъ Понтія къ Пилату" и говоритъ, что никто не повѣритъ Смиту на-слово до тѣхъ поръ, пока тотъ не представитъ такихъ предпріятій, въ которыхъ весь продуктъ дѣйствительно состоялъ бы только изъ доходовъ. Но какъ мы видѣли выше, Смитъ, по мнѣнію Маркса, вполнѣ правъ, поскольку дѣло касается потребительнаго фонда общества въ 3000. „Хотя, говоритъ Марксъ, для капиталистовъ II стоимость ихъ продукта распадается на $c + v + m$, но съ общественной точки зрѣнія, стоимость этого продукта можетъ распасться только на $v + m$".

Но развѣ здѣсь самому Марксу не приходится „ходить отъ Понтія къ Пилату"? И не принужденъ ли теперь его читатель „повѣрить Марксу на слово" въ томъ, что онъ дѣйствительно нашелъ то, чего требовалъ отъ Смита т. е. такія предпріятія, въ которыхъ продуктъ распадается только на $v + m$, нашелъ только въ производствѣ II подраздѣленія и что только открытіе такихъ

Благодаря указанному возвеличенію категорій индивидуальнаго капиталистическаго хозяйства и перенесенію ихъ цѣликомъ на все капиталистическое производство, общественный постоянный капиталъ получилъ отъ Маркса такое право на существованіе, какого у него нѣтъ. По Марксу, его наличность проистекаетъ изъ условій человѣческаго производства вообще, изъ условій „вѣчнаго обмѣна матеріи между человѣкомъ и природою", т. е. ему дано такое право на существованіе, какого требовалъ для него Родбертусъ.

Подобно тому, какъ въ частномъ капиталистическомъ хозяйствѣ, кромѣ перемѣннаго капитала, фонда заработной платы, капиталисту необходима сумма стоимости, воплощенная въ средствахъ производства, — подобно тому, по Марксу, во всемъ производствѣ, кромѣ общественнаго перемѣннаго капитала, имѣется сумма стоимости, не могущая „уже по своему натуральному виду", войти въ потребленіе, а постоянно заключенная въ средствахъ производства. Слѣдовательно, существованіе такого общественнаго постояннаго капитала обусловлено не современными имущественными отношеніями классового строя, а просто... природою вещей. И въ головѣ „ученика" несомнѣнно вырабатывается и закрѣпляется представленіе: такъ какъ человѣческое производство немыслимо безъ средствъ производства, то всякій строй долженъ обособить изъ своего богатства фондъ, не могущій никогда войти въ потребительный фондъ.

„Общественный постоянный капиталъ"! Марксистъ думаетъ, что онъ составилъ себѣ о немъ опредѣленное понятіе, за которымъ стоитъ такая осязательная реальность, какъ „средства производства" общества. Онъ ни разу не подумалъ о томъ, что, какое онъ ни вообразитъ „средство производства", оно окажется средствомъ производства лишь для частнаго или частныхъ капиталистическихъ предпріятій, но никогда для всего общественнаго производства. Ибо тутъ же, рядомъ въ другомъ капиталистическомъ предпріятіи это „общественное средство производства" есть продуктъ труда, продуктъ

предпріятій побудило его признать вѣрность Смитова ученія относительно общественнаго потребительнаго фонда?

Но почему, по мнѣнію Маркса, нельзя такимъ же образомъ разложить всего общественнаго продукта? Потому, что остальная стоимость и, въ особенности, $4000c$ I никогда въ стоимость, раскладывающуюся на „доходы", т. е. въ потребительный фондъ, войти не можетъ, какъ бы она ни возрастала. Критическое замѣчаніе Маркса, составляющее не болѣе, какъ красное словцо, закрывающее лишь несообразность его требованія, предъявленнаго Смиту, заставляетъ читателя предъявить самому Марксу очень основательное требованіе, чтобы онъ показалъ хоть одно такое орудіе труда, стоимость котораго не входитъ въ тотъ или иной предметъ личнаго потебленія; тѣмъ болѣе, что указанная особенность $4000c$ I играетъ, какъ сейчасъ увидимъ, очень важную роль.

затраты перемѣннаго капитала. Марксистъ никогда не подумалъ, не есть ли $4000c$ въ I подраздѣленіи этотъ, такъ сказать, абсолютный постоянный капиталъ, которому ужъ никогда не суждено имѣть ни малѣйшей связи съ v и съ m, не есть ли этотъ абсолютный капиталъ — чистая фикція, продуктъ воображенія. Но разъ эта фикція закрѣплена безповоротно въ научную теорію, покажется чистой нелѣпостью всякая мысль о томъ, что въ стоимости общественнаго годичнаго продукта нѣтъ ничего, кромѣ двухъ „доходовъ" $(v+m)$, т. е. стоимости необходимыхъ средствъ существованія рабочихъ и стоимости создаваемыхъ этими рабочими предметовъ потребленія для всѣхъ имущихъ классовъ.

А гдѣ же средства производства, гдѣ общественный постоянный капиталъ? — спрашиваетъ съ недоумѣніемъ обладатель фикціи.

„Представляется неразрѣшимой загадкой", читаемъ въ III т. „Капитала" на стр. 697: „какимъ образомъ,... когда стоимость всего продукта можетъ быть потреблена въ видѣ дохода, можетъ возмѣститься прежній капиталъ".

Марксъ, повидимому, совершенно забываетъ объ особенномъ свойствѣ одного изъ „доходовъ", — заработной платы. Потребленіе „дохода" — заработной платы есть нѣчто, совершенно отличное отъ потребленія другихъ доходовъ (споръ ведется съ классиками, значитъ рѣчь идетъ о 3-хъ доходахъ: заработной платѣ, прибыли и земельной рентѣ), и только въ очень переносномъ смыслѣ можно его ставить на одну доску съ послѣдними. Этотъ „доходъ" обладаетъ такимъ свойствомъ, что его потребитель, раньше полученія своего „дохода" предварительно воспроизводитъ долю капитала. Рабочіе, занятые въ сферѣ заготовленія необходимыхъ обществу орудій труда, получаютъ свой „доходъ" только въ томъ случаѣ, если каждый изъ нихъ воспроизведетъ опредѣленную долю этихъ орудій. Равнымъ образомъ рабочіе, занятые при добываніи сырыхъ матеріаловъ, не потребятъ своего „дохода", если не заготовятъ всѣхъ необходимыхъ производству сырыхъ матеріаловъ.

И разъ рабочіе получили свою заработную плату, свой „доходъ", разъ имъ выданъ весь, по терминологіи Маркса, „перемѣнный капиталъ", то это одно обстоятельство уже значитъ, что имѣются въ наличности всѣ нужныя обществу постройки, фабрики, машины, орудія труда, всякій сырой матеріалъ, однимъ словомъ весь марксистскій общественный постоянный капиталъ. Вотъ благодаря этому-то свойству „дохода" рабочаго класса, дѣлается разрѣшимой та неразрѣшимая для Маркса загадка, „какимъ образомъ можетъ возмѣститься прежній капиталъ," „когда стоимость всего продукта" будетъ „потреблена въ видѣ дохода". Не существуетъ никакая спеціальная операція для возмѣщенія „общественнаго постояннаго капитала". Всюду операція одна и та же: за доставленіе руками рабочаго содержанія его эксплуататорамъ, рабочему выдаются лишь необходимыя для поддержанія его ра-

бочей силы средства существованія. Не существуетъ никакого спеціал наго фонда, „не могущаго войти въ потребленіе“ и предназначеннаго для приготовленія средствъ производства: рабочіе, получившіе свой „доходъ“ уже „возмѣстили натурою“ марксистскій „постоянный капиталъ“.

Чего же домогается Марксова доктрина о необходимости выдѣленія изъ годичной стоимости большей ея части въ пользу „общественнаго капитала“?

* * *

Та реальность, которую пытается присвоить себѣ марксистскій постоянный капиталъ — средства производства въ ихъ натуральномъ видѣ, — не есть, какъ мы только что видѣли, его реальность. Средства производства, какъ вещи, составляютъ результатъ затраты перемѣннаго капитала. Въ связи съ этой реальностью именно какъ постоянный общественный капиталъ, марксистская категорія есть фикція.

Но если постоянный общественый капиталъ, какъ особый, не могущій войти въ личное потребленіе фондъ, есть фикція, то капиталъ, конечно очень осязательная реальность, гнетущая милліоны и приговаривающая массы къ нищетѣ и голодной смерти; но это реальность не вещей, а реальность „соціальнаго имущественнаго отношенія“.

„Новѣйшая политическая экономія“ защищаетъ не истину о вѣчномъ несоотвѣтствіи въ человѣческомъ производствѣ общественнаго продукта съ общественнымъ доходомъ, не принципъ „вѣчнаго обмѣна матеріи между человѣкомъ и природою“. Она защищаетъ право меньшинства на владѣніе человѣческимъ наслѣдствомъ, право господствующаго образованнаго общества на владѣніе всею цивилизаціею. Весь ростъ богатства она обособляетъ въ такую отвлеченную категорію — средства производства въ ихъ натуральномъ видѣ, — чтобы никакой общественный катаклизмъ не былъ въ состояніи перевести это богатство въ руки непосредственнаго производителя.

Обособленная Марксомъ въ недоступную категорію, сумма годичной стоимости въ 6000 „уже по своему натуральному виду“ не можетъ войти въ фондъ потребленія. Даже съ той точки зрѣнія, которая развита въ первыхъ главахъ I т. „Капитала“, это положеніе совершенно не состоятельно.

Продуктъ, который только въ опредѣленномъ натуральномъ видѣ (здѣсь въ видѣ средствъ производства) представляетъ извѣстную стоимость, еще не обладаетъ той стоимостью, о которой насъ тамъ учили. Та стоимость имѣла первымъ условіемъ своего существованія отвлеченіе отъ всякаго натуральнаго вида товара, ибо она выражала всеобщую общественную потребительную стоимость. Здѣсь же передъ нами появляется какая-то другая, несовершенная стоимость. Но слѣдовало предварительно создать такой видъ стоимости и открыть въ обращеніи товаровъ новый видъ орудій обмѣна, который бы имѣлъ силу только въ границахъ такой стоимости, ибо деньги, какъ извѣстно, всеобщій эквивалентъ, и никакой ихъ видъ не имѣетъ того свойства, чтобы служить эквивалентомъ только въ сферѣ средствъ производства.

Затронутая нами сторона вопроса ярче всего обрисовывается при разсматриваніи 4000*c*I, той Марксовой категоріи, которая, какъ мы сказали выше, представляетъ собою, въ нѣкоторомъ родѣ, „абсолютный постоянный капиталъ“. Эта категорія построена исключительно для того, чтобы пріютить въ безопасной гавани всю растущую долю отнимаемыхъ у рабочаго класса плодовъ его труда, все растущее богатство, поглащаемое привиллегированнымъ обществомъ. Она очень надежное убѣжище, ибо она конструирована какъ хранилище, въ которомъ современное человѣчество накопляетъ богатства, производительныя силы для будущаго соціалистическаго строя. Это основа всего русскаго „неомарксизма“ и источникъ того товарнаго фетишизма, который давитъ на Скворцовыхъ, по ихъ собственному признанію, со всѣхъ сторонъ, со стороны каждаго русскаго марксиста, и котораго они всетаки усмотрѣть не могутъ.

Чтобы показать всю фантастичность построенія этой статьи Марксовыхъ схемъ, мы прежде всего припомнимъ то, что сказали выше. Процессъ созданія стоимости средствъ производства на сумму въ 6000 нужно такъ или иначе себѣ представить, ибо въ противномъ случаѣ доходишь или до абсурда, или до настоятельной потребности призвать на помощь теорію рѣдкости. Значитъ, и 4000*c*I должны такъ или иначе создаваться реальной затратой рабочей силы. Марксисту можно лишь „переносить“ моментъ этого процесса съ предыдущаго года на данный, съ даннаго на будущій. Но ежегодно эти орудія труда должны быть создаваемы, ибо если ихъ не заготовить въ любой годъ, то въ слѣдующемъ году не окажется капитала на сумму въ 6000.

Согласно принятому предположенію, норма эксплуатаціи 100%, т. е. рабочая сила, создающая стоимость въ 2, требуетъ для удержанія ея при жизни предметовъ потребленія на сумму въ 1. Созданіе стоимости 4000*c*I требуетъ, согласно Марксову условію, предметовъ потребленія на сумму 2000. Но откуда же ихъ взять, если весь „общественный перемѣнный капиталъ“ = 1500, и притомъ онъ уже цѣликомъ ушелъ на приготовленіе общественнаго потребительнаго фонда, стоимостью въ 3000? Даже еслибъ заставить эксплуататоровъ голодать для спасенія Марксовой схемы, то всетаки на имѣющійся потребительный фондъ общества стоимостью въ 3000, можно доставить общественнаго продукта, лишь на сумму въ 6000. Между тѣмъ создаватъ нужно ежегодно 9000: 3000 для потребленія въ истекшемъ году, а 6000 для „перенесенія“ на слѣдующій годъ.

Если прочесть во II т. параграфъ, имѣющій цѣлью разъяснить сущность „абсолютнаго“ постояннаго капитала (стр. 319 — 322), то за исключеніемъ положеній, уже многократно высказанныхъ раньше и разсмотрѣнныхъ нами выше, все содержаніе

этого параграфа сведется къ повторенной тамъ нѣсколько разъ фразѣ: „Продукты эти" (4000c I) „просто перемѣщаются" между различными отраслями, заготовляющими ихъ. Конечно, на бумагѣ все очень просто перемѣщается. Реальность жизни, однако, не представляется столь простою.

Рабочіе, создавшіе „абсолютный постоянный капиталъ", стоимость котораго (4000), согласно Марксу, уже абсолютно никогда не можетъ войти въ фондъ потребленія, получаютъ какъ вездѣ, за свою работу денежную плату, получаютъ извѣстную сумму денегъ, свидѣтельствующую о томъ, что они произвели предметы личнаго потребленія. Именно такимъ пародоксальнымъ языкомъ говоритъ ихъ денежная плата, вопреки тому очевидному факту, что они произвели машины, потребить которыя лично нѣтъ возможности. Тоже самое говоритъ и другая часть произведеннаго ими продукта, прибыль фабриканта, вырученная имъ въ денежной формѣ, которая въ любой моментъ можетъ превратиться въ какіе угодно предметы потребленія. Итакъ, рабочая сила, дѣйствующая въ сферѣ приготовлеія средствъ производства, создаетъ, однако, средства потребленія. Если въ этой области будетъ затрачено труда меньше, положимъ на 100, то какъ разъ настолько же уменьшится стоимость общественнаго потребительнаго фонда. Съ увеличеніемъ затраты труда въ этой области, увеличеніемъ, конечно, цѣлесообразнымъ, растетъ въ такой же мѣрѣ стоимость потребительнаго фонда. Однимъ словомъ, сколько затрачивается общественно-необходимаго труда во всѣхъ отрасляхъ производства, на такую сумму имѣетъ общество предметовъ потребленія. Вся стоимость годичнаго продукта, произведенная рабочимъ классомъ, сверхъ удѣляемой ему доли для поддержанія его рабочей силы, преподносится господствующему образованному обществу въ видѣ предметовъ личнаго потребленія, въ видѣ, соотвѣтствующемъ, конечно, его многосложному и утонченному вкусу.

Какимъ образомъ, спрашиваетъ Марксъ, если каждый товаръ состоитъ изъ $r + m + c$, сумма всѣхъ товаровъ можетъ состоять изъ $r + m + 0$? (Кап., III, 697).

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ: c есть категорія индивидуальнаго предпріятія; r другого индивидуальнаго предпріятія, имѣющаго хозяйственную связь съ первымъ, обособляется у перваго въ форму c, которая по отношенію ко всему капиталистическому производству лишена всякаго содержанія.

Марксову вопросу противостоитъ другой вопросъ. Если въ частномъ капиталистическомъ предпріятіи рабочій создаетъ только $r + m$, то гдѣ же и кѣмъ создается еще какая то особая стоимость, общественное c? Такой стоимости нѣтъ.

Какъ въ индивидуальномъ хозяйствѣ, такъ и во всемъ капиталистическомъ производствѣ создается лишь r и m; средства производства въ ихъ натуральномъ видѣ уже являются результатомъ движенія r, результатомъ дѣйствія рабочей силы оплачиваемой изъ r. Общественный капиталъ есть только экономическое отношеніе, опредѣляющее это дѣленіе всей произведенной стоимости межъ r и m, отношеніе, въ силу котораго у рабочаго изъ произведенной стоимости отнимается часть, заключающая всѣ плоды роста производительности труда и вручается въ видѣ прибыли владѣющему обществу.

Возмѣщеніе стоимости общественнаго капитала и есть врученіе національной прибыли всѣмъ эксплуататорамъ рабочаго класса.

Это не два явленія, которыя можно разъединить; нельзя уничтожить одно изъ нихъ — прибыль эксплуататоровъ, оставляя при жизни другое — общественный постоянный капиталъ.

Выводить изъ условій человѣческаго производства необходимость фонда средствъ производства, не могущаго войти въ потребленіе, значитъ доказывать необходимость эксплуатаціи для существованія человѣческаго общества.

Возмѣщеніе стоимости общественнаго капитала обезпечивается признаніемъ стоимости за прошлымъ трудомъ. Предоставленіе господствующимъ классамъ національной прибыли, т. е. фонда для ихъ паразитной жизни, или возмѣщеніе стоимости капитала господствующаго общества есть не что иное, какъ выдѣленіе изъ стоимости плодовъ живого труда опредѣленной суммы для возмѣщенія признанной стоимости прошлаго труда, которымъ владѣетъ господствующее образованное общество.

Въ доктринѣ Маркса за прошлымъ трудомъ признана стоимость a priori. Сообразно съ этимъ, для раскрытія эксплуатаціи и была выбрана такая сфера, гдѣ стоимость прошлаго труда могла быть удержана при жизни — индивидуальное предпріятіе. И доктрина поспѣшила связать свои недостаточные выводы съ принципами „вѣчнаго обмѣна матеріи между человѣкомъ и природою". При анализѣ всего капиталистическаго хозяйства доктрина неизбѣжно должна была прибѣгать къ софистикѣ и впадать въ противорѣчіе съ теоріей трудовой стоимости, ибо этотъ анализъ неумолимо выдвигалъ все одинъ и тотъ же фактъ, а именно: **стоимость создается только живымъ трудомъ, „прошлый трудъ" считается стоимостью только по праву классового строя, только ради обезпеченія владѣнія господствующихъ классовъ.**

Марксъ, приступая къ анализу всего капиталистическаго производства, говоритъ: имѣется стоимости прошлаго труда на сумму 6000. Марксъ не замѣчаетъ, что онъ признаетъ стоимостью вещь. Предвзятая доктрина отрѣзала всякій путь къ познанію того, что имѣющіяся отъ прошлаго средства производства, получатъ стоимость лишь постольку, поскольку ихъ придется возмѣстить натурою, поскольку будетъ затраченъ на ихъ воспроизведеніе живой трудъ. И вотъ онъ проповѣдуетъ: эта стоимость создана „годомъ раньше и еще раньше". Когда господствующее общество опредѣляетъ свое имущество въ 6000, — что оно опредѣляетъ: трудъ ли дѣдовъ и прадѣдовъ настоящаго поколѣнія,

который оно можетъ увидѣть „овеществленнымъ“ въ своихъ зданіяхъ, корабляхъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. п.? Нѣтъ, оно опредѣляетъ количество живого труда, живой рабочей силы своихъ рабовъ, размѣръ вполнѣ свѣжихъ плодовъ ихъ труда, которые достаются ему потому, что оно владѣетъ вещами, прошлымъ трудомъ.

Уничтоженіе эксплуатаціи, превращеніе человѣческаго наслѣдія въ общую собственность, есть лишеніе „прошлаго труда“ его стоимости, защищаемой всѣми орудіями господства.

Глава IV

Государственный соціализмъ

Развитіе капиталистическаго способа производства является, по ученію классиковъ, развитіемъ націочальнаго богатства, ростомъ „чистаго дохода націи“, „чистой національной прибыли“. Размѣрами послѣдней опредѣляется и „могущество страны“ и ея культура; она представляетъ фондъ, доставляющій содержаніе всему непроизводительному труду, т. е. всему образованному обществу.

Казалось бы, что, поскольку рѣзче и ярче вскрывается источникъ прибыли, постольку рельефнѣе должна выступить „чистая національная прибыль“. Однако „научный соціализмъ“, при помощи разобранныхъ въ предъидущихъ главахъ предвзятыхъ теоретическихъ предпосылокъ, поставилъ дѣло совершенно иначе.

Во всѣхъ экономическихъ сочиненіяхъ Маркса мы не найдемъ установленной классиками категоріи „чистой національной прибыли“. Она безслѣдно исчезла.

Прибыль въ качествѣ потребительнаго фонда привиллегированныхъ классовъ, по марксистскому ученію, существуетъ лишь, какъ потребленіе „относительно небольшого числа капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ“, и составляетъ только долю той стоимости, которая отнимается у рабочаго класса. Остальная часть накопляется капиталистами и и превращается въ общественный постоянный капиталъ, все болѣе ростущее количество средствъ производства, какъ выраженіе свойственаго капитализму стремленія къ безпредѣльному развитію производительныхъ силъ, въ чемъ и заключатся его прогрессивная сторона.

Богатство страны не выражается, значитъ, въ ростѣ „чистой національной прибыли“, какъ потребительнаго фонда всего привиллегированнаго общества, а въ ростѣ производительныхъ силъ страны, не справляющемся ни съ чьимъ потребленіемъ. Поэтому нерѣдко національное богатство растетъ, а „національное“ потребленіе падаетъ. Капитализмъ попадаетъ такимъ образомъ самою своею прогрессивною стороною въ вопіющее противорѣчіе, которое предполагаетъ его неизбѣжное паденіе.

Это своеобразное противорѣчіе капитализма между національнымъ производствомъ и „національнымъ потребленіемъ“ констатировано научнымъ соціализмомъ не вчера только. И однако съ этимъ вопіющимъ противорѣчіемъ капитализмъ преспокойно живетъ и преуспѣваетъ. И что самое главное, тѣ, кто предвѣщалъ капитализму скорую гибель отъ этого противорѣчія, чѣмъ дальше, тѣмъ больше приходятъ къ убѣжденію въ жизнеспособности капитализма, обѣщающей ему еще продолжительное существованіе. Самыя горячія русскія головы констатируютъ фактъ, что въ Россіи нѣтъ ни малѣйшей силы, способной поколебать капиталистическій строй (Бельтовъ). Самыя горячія русскія сердца съ восторгомъ восклицаютъ: Капитализмъ выведетъ насъ на свѣтъ божій“ („Новое Слово“). Эта проповѣдь ведется въ Россіи одновременно съ повальными голодовками. Очевидно, послѣднія или не выражаютъ точно противорѣчія между капиталистическимъ производствомъ и потребленіемъ, или онѣ еще слишкомъ ничтожны и не достигли еще той степени развитія, которая была бы въ состояніи преодолѣть всю „прогрессивность капиталистическихъ противорѣчій“.

Тѣ, кого капитализмъ не думаетъ „выводить на свѣтъ божій“ начнутъ, наконецъ, задаваться вопросомъ, почему капиталистическое „прогрессивное“ противорѣчіе и не думаетъ проявлять своего дѣйствія, своей „исторической миссіи“. Почему оно ничуть не оказывается „источникомъ безпрерывной неутомимой смѣны общественныхъ формъ“.

Разъ капиталистическое противорѣчіе такъ превосходно компенсируется своею прогрессивностью, то, очевидно, послѣдняя удовлетворяетъ какіе то реальные интересы людей. Научный соціализмъ поясняетъ, что прогрессивность капитализма состоитъ въ развитіи имъ производительныхъ силъ до ихъ несовмѣстимости съ капиталистическимъ строемъ, въ создаваніи имъ предпосылки для болѣе справедливой общественной формы. Стало быть, эта капиталистическая прогрессивность удовлетворяетъ, повидимому, общечеловѣческіе интересы. Но человѣчество еще не дошло до такого состоянія, чтобы видѣть дѣйствія такого рода интересовъ. До сихъ поръ реальными силами остаются только классовые интересы.

Ростъ капиталистическаго прогресса не мыслимъ безъ роста образованнаго общества, и интеллигенціи, арміи умственныхъ рабочихъ. Даже тѣ, которымъ интересно называть этотъ клссъ неимущими, образованнымъ пролетаріатомъ, не могутъ скрыть того факта, что интеллигенція по своему жизненному

уровню приближается къ буржуазіи (Каутскій), т. е. что она такъ же, какъ и буржуазія, пользуется привиллегированнымъ доходомъ. Стало быть, ростъ капитализма означаетъ ростъ „новаго средняго сословія“, достигающаго съ его развитіемъ своего буржуазнаго уровня жизни.

По мѣрѣ того, какъ выставляемое марксизмомъ капиталистическое „прогрессивное“ противорѣчіе все болѣе будетъ проявлять свое бездѣйствіе, пролетарій все болѣе будетъ приходить къ познанію, что это противорѣчіе не приводитъ къ гибели капитализма именно потому, что прогрессивная его сторона удовлетворяетъ реальные экономическіе интересы образованнаго общества. Прибыль, взъимаемая капиталистами, обезпечиваетъ паразитное существованіе не только „горсти капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ“. Она даетъ возможность всему образованному обществу обладать буржуазнымъ уровнемъ жизни. Образованное общество, вся армія умственныхъ рабочихъ есть потребитель „чистой національной прибыли“.

По мѣрѣ этого познанія передъ пролетаріемъ будетъ обнаруживаться все болѣе та общественная сила, которая до сихъ поръ самымъ старательнымъ образомъ скрывала свою природу отъ его глазъ и отождествляла себя съ нимъ,—у м с т в е н н ы й р а б о ч і й. Пролетарій познаетъ, что онъ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ этой силѣ, которая нападаетъ вмѣстѣ съ нимъ на капиталъ, но по своимъ соображеніямъ. Ибо нападеніе умственнаго рабочаго означаетъ требованіе „справедливаго“ распредѣленія національной прибыли между образованнымъ обществомъ, которому наноситъ обиды горсть плутократовъ, „промышленныхъ феодаловъ“. Оно означаетъ у интеллигенціи стремленіе къ достиженію своего законнаго положенія въ классовомъ строѣ, какимъ всегда пользовались въ немъ ученые и всѣ, обладающіе знаніями. По мѣрѣ того, какъ пролетарій перестанетъ окончательно смотрѣть на армію умственныхъ рабочихъ, какъ на союзные „пролетарскіе баталліоны“, и посмотритъ на нее, какъ на привиллегированный, господствующій надъ нимъ классъ, по мѣрѣ этого и тѣмъ же самымъ видоизмѣнится и то соціалистическое ученіе, которое зародилось въ періодъ полнаго довѣрія къ „умственному рабочему“. Ясно, что въ этотъ періодъ борьбы, когда врагъ признавался другомъ, и эксплуатація рабочаго класса, и основа классового господства, и цѣль борьбы могли быть раскрываемы лишь постольку, поскольку это не мѣшало спеціальнымъ интересамъ умственнаго рабочаго.

* * *

Цѣль пролетарской борьбы научный соціализмъ установилъ какъ преобразованіе товарнаго производства въ соціалистическое путемъ п е р е в о д а в ъ о б щ е с т в е н н у ю с о б с т в е н н о с т ь з е м л и и в с ѣ х ъ с р е д с т в ъ п р о и з в о д с т в а.

У Каутскаго во многихъ мѣстахъ читатель найдетъ поясненіе, что соціалистическая мысль лишь послѣ продолжительныхъ блужданій по дебрямъ утопизма пришла къ тому научному вы-

воду, по которому уничтоженіе эксплуатаціи не требуетъ изъятія изъ сферы частной собственности предметовъ потребленія, какъ думаетъ грубый первобытный коммунизмъ, а только средствъ производства. Нужно предполагать, что, согласно этому взгляду, и „Коммунистическій Манифестъ“, провозгласившій просто упраздненіе частной собственности вообще, не высказалъ еще „конечной цѣли“ въ ея наиболѣе совершенномъ видѣ.

Насколько вышеприведенная формула имѣетъ въ виду спеціальные интересы умственнаго рабочаго? Прямыхъ разъясненій этого вопроса нельзя, конечно, искать въ соц.-дем.-ской литературѣ, которая предназначается для пропаганды въ средѣ рабочаго класса. Съ нея довольно и тѣхъ заслугъ, что въ этой пропагандѣ она сумѣла скрыть передъ глазами пролетаріата спеціальные интересы умственныхъ рабочихъ, объявляя ихъ несуществующими, поучая о томъ, что интеллигенція не причастна къ эксплуатаціи и живетъ реализаціей своей умственной рабочей силы, популяризируя ту абстрактную экономическую доктрину, которая заключаетъ въ себѣ обезпеченіе владѣнія образованнаго общества.

Но „безошибочная“ формула научнаго соціализма есть вмѣстѣ съ тѣмъ соціалистическая формула Родбертуса. Послѣдній, правда, предпочитаетъ употреблять выраженіе — „переходъ въ руки *государства* собственности на *капиталъ*“ вмѣсто — „перехода въ руки *общества* собственности на *средства производства*“, но читатель найдетъ у него, на ряду съ первыми, и послѣднія выраженія. Такъ какъ Родбертусъ объясняетъ соціалистическую формулу образованному обществу, то у него мы найдемъ непосредственныя указанія, на сколько эта формула можетъ удовлетворить спеціальные интересы умственнаго рабочаго.

Во „Второмъ соціальномъ письмѣ“ читаемъ на стр. 114:

...„Судья,.. врачъ,.. учитель.. получаютъ доходъ, при созданіи котораго они не затратили своего труда, который, несомнѣнно составляетъ продуктъ не ихъ труда. Но всѣ эти лица получаютъ свой доходъ изъ того, что экономисты назвали „вторичнымъ раздѣленіемъ богатствъ“, изъ дохода другихъ, кто участвуетъ въ „первоначальномъ распредѣленіи богатствъ“. Первые получаютъ доходъ отъ послѣднихъ или непосредственно, или посредствомъ государства въ качествѣ вознагражденія з а с т о л ь ж е т я ж е л ы я, к а к ъ и н е о б х о д и м ы я и л и п о л е з н ы я услуги, оказываемыя ими обществу. Но есть въ обществѣ лица, которыя участвуютъ въ первоначальномъ распредѣленіи богатствъ и изъ него получаютъ свой доходъ, не участвуя въ его приготовленіи и не оказывая взамѣнъ его никакихъ услугъ... Здѣсь участвуетъ въ доходѣ землевладѣлецъ, который ничего не дѣлаетъ взамѣнъ за свой доходъ, который отдаетъ лишь свой кусокъ земли другому для воздѣлыванія и прячетъ въ карманъ получаемую ренту. Тамъ капиталистъ получаетъ тотъ же удобный доходъ въ видѣ процентовъ. Предприниматель даже можетъ управлять своимъ предпріятіемъ при помощи оплачиваемыхъ имъ директоровъ“.

Можетъ иному соц-д-ту будетъ непріятенъ стиль этого мѣста. Но онъ долженъ признать, что содержаніе его въ точности передаетъ смыслъ Эрфуртской программы, по которой „нерабочіе" въ современномъ обществѣ только капиталисты и крупные земельные собственники, и совершенно согласно съ общимъ ученіемъ соц-д-іи, по которому интеллигенція непричастна къ эксплуатаціи и живетъ реализаціей своей рабочей силы. На стр. 212 по этому же вопросу говорится слѣдующее:

„Если я утверждаю, что институтъ частной собственности на землю и капиталъ есть причина того, что у рабочихъ отнимается часть ихъ продукта, то я этимъ не хочу, однако, сказать, что умѣющіе при помощи извѣстнаго капитала занять производительно большое число рабочихъ, не должны получать вознагражденія за эту ихъ общественную услугу. Здраваго человѣческаго смысла нельзя въ этомъ отношеніи ввести въ заблужденіе. Нужны не только знанія, но и нравственная сила и дѣятельность для того, чтобы въ опредѣленномъ производствѣ съ успѣхомъ руководить большимъ числомъ рабочихъ... Этого рода услугъ, однако, производительный рабочій самъ не оказываетъ и по природѣ своего занятія не въ состояніи оказать. Но эти услуги абсолютно необходимы въ національномъ производствѣ. Поэтому, доколѣ всякая общественная услуга можетъ заявлять притязаніе на вознагражденіе, никто не станетъ сомнѣваться, что капиталисты и земельные собственники, предприниматели и руководители предпріятій могутъ требовать своего вознагражденія за вышеуказанныя полезныя и необходимыя услуги съ такимъ же правомъ, какъ всякій другой за услуги другого рода,... какъ напримѣръ министръ торговли или общественныхъ работъ, предполагая, что онъ выполняетъ свою обязанность. Далѣе эти услуги, также какъ и услуги судей, учителей, врачей и т. д. могутъ получить свое вознагражденіе только изъ продута рабочихъ, ибо нѣтъ другого источника матеріальнаго богатства".

Родбертусъ, исходя изъ основного положенія соц-д-іи о томъ, что интеллигенція непричастна къ капиталистической эксплуатаціи, взявъ за руку соц-д-та, доводитъ его консеквентно до защиты... трудолюбивыхъ предпринимателей. Но грѣшитъ ли Родбертусъ противъ научной стороны научнаго соціализма? Ни въ коемъ случаѣ. Его соціалистическая наука отличается такою же точностью какъ и всякая наука. Въ данномъ случаѣ наука защищаетъ ту истину, что отнятіе средствъ производства у собственниковъ земли и капитала не значитъ отнятіе у нихъ, какъ у умственныхъ рабочихъ, плодовъ ихъ умственнаго труда. Предприниматель — эксплуататоръ, поскольку онъ взваливаетъ управленіе предпріятіемъ на своего директора. Но если онъ лично завѣдуетъ предпріятіемъ и потребляетъ доходъ не выше, напр. „товарища" Миллььерана, онъ — умственный рабочій, реализующій свои особенные таланты и

способности, какъ говоритъ Каутскій, или свое умѣнье управлять толпою рабочихъ, какъ грубо выражается Родбертусъ.

Если это разъясненіе помогаетъ мирному рѣшенію „соціальнаго вопроса" между „предпринимателями" и „пролетаріями"-Миллььеранами, то оно, очевидно, совсѣмъ не касается того соціальнаго вопроса, который занимается положеніемъ „производительнаго рабочаго", положеніемъ, благодаря которому послѣдній, не смотря на всѣ соціалистическія преобразованія является „неспособнымъ по природѣ своего занятія" оказывать такія „услуги", какія оказываютъ „товарищи" Миллераны. Государственному социализму Родбертуса, „требующему труда отъ всякаго" члена общества, читатель предъявитъ вѣскія возраженія съ точки зрѣнія пролетарскаго соціализма лишь тогда, когда онъ затронетъ ту эксплуатацію, которой подверженъ пролетарій, т. е. рабочій физическаго труда, со стороны образованнаго общества, т. е. со стороны умственнаго рабочаго.

Въ „4-омъ соціальномъ письмѣ", на стр. 86, говорится объ этомъ же вопросѣ слѣдующее:

„На ту часть національнаго продукта, которая подлежитъ распредѣленію въ видѣ дохода, имѣетъ право не только рабочій, шлифующій, напр., безпрестанно кончикъ иголки, но и всякій, кто занимается научными или художественными работами, кто исполняетъ постоянныя или мѣняющіяся общественныя функціи, называемыя въ настоящее время должностью. Ибо въ общемъ раздѣленіи труда послѣдній является такимъ же сотрудникомъ, какъ и первый, и если производители матеріальныхъ благъ пользуются произведеніями ученыхъ и художниковъ, — и потому вѣдь только они и въ состояніи заниматься исключительно производствомъ матеріальныхъ благъ — то и ученые и художники могутъ взять на себя исключительно созданіе умственныхъ и художественныхъ сокровищъ только потому, что они пользуются предметами потребленія, которыя создаются другими. Къ потребленію всего призваны всѣ, но производство предметовъ потребленія, трудъ остается спеціальностью."

О великомъ счастьѣ шлифовальщика содѣйствовать, благодаря своей спеціализаціи раба, развитію наукъ и искусствъ, о великой для него чести участвовать благодаря той же спеціализаціи, въ трогательномъ сотрудничествѣ съ учеными и художниками, обо всемъ этомъ экономистъ, признающій „обобществленіе", говоритъ съ такою же грубой откровенностью и нахальствомъ, какъ классики, считавшіе вѣчнымъ капиталистическій строй. Вотъ какъ истинная соціалистическая наука должна толковать соц-д-ое ученіе о томъ, что „знаніе — рабочая сила". Обладатели этой рабочей силы, ученые, доставляющіе шлифовальщику столько счастья и наслажденія произведеніями наукъ и искусствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ его сотрудники, товарищи въ раздѣленіи труда.

Къ вышеприведенному мѣсту Родбертусъ дѣлаетъ слѣдующее интересное примѣчаніе:

Это отношеніе дало поводъ къ ошибочному стремленію расширить область политической экономіи и на всеобщее раздѣленіе труда (въ обществѣ) и унизить такимъ образомъ нематеріальныя блага до уровня хозяйственныхъ благъ. Но... хотя область политической экономіи и обнимаетъ тѣ матеріальные продукты, которые предназначены производителямъ нематеріальныхъ благъ, однако, она не обнимаетъ собою услугъ, оказываемыхъ взамѣнъ послѣдними".

Это опредѣленіе политической экономіи признаетъ, конечно, не только Родбертусъ; его признаютъ и всѣ экономисты; его признаютъ фактически также и тѣ, которые, по остроумному замѣчанію того же Родбертуса, говорятъ въ предисловіяхъ своихъ книгъ о равнозначности, въ экономическомъ отношеніи, труда физическаго и умственнаго для того, чтобы всѣмъ содержаніемъ этихъ книгъ, не заключающихъ ни слова о произведеніяхъ умственнаго труда, доказать противное. Это замѣчаніе можетъ относиться и къ Марксову трактату, поскольку вѣрно утвержденіе Зомбартовъ и Ратнеровъ, что Марксъ считалъ „производительнымъ" трудъ умственный, наравнѣ съ физическимъ. Съ другой стороны, единственная постоянная величина, которой обусловлено существованіе политической экономіи, есть стоимость рабочей силы. Разсчеты экономистовъ реальны, ибо реально постоянство этой величины, размѣръ заработной платы, удерживаемой господствующими классами на томъ уровнѣ, который они соблаговолятъ признать необходимымъ для поддержанія жизни рабочей силы. Эта постоянная величина получается, однако, только потому, что экономисты, слѣдуя опять таки за реальной дѣйствительностью, ограничили ея существованіе только въ области производства „матеріальныхъ" благъ т. е. въ области физическаго труда. Такимъ образомъ наука — политическая экономія своею научною основою, значитъ всею своею общепризнанною сущностью, протестуетъ противъ всякой попытки „униженія нематеріальныхъ благъ до уровня хозяйственныхъ благъ", протестуетъ противъ всякой попытки униженія производителей нематеріальныхъ благъ до такой степени, чтобы къ нимъ можно было примѣнять категорію „стоимости рабочей силы", противъ всякаго требованія у нихъ какого либо отчета въ томъ, сколько они „оказываютъ услугъ взамѣнъ" за получаемый ими въ видѣ матеріальныхъ благъ доходъ.

Спрашивается, можетъ ли научный соціалистъ, постоянно жалующійся на то, что капиталисты безповоротно лишили интеллигенцію ея господства, которымъ она обладала въ другихъ общественныхъ формаціяхъ, можетъ ли онъ указать намъ хотя бы одно покушеніе капиталистическихъ экономистовъ на существованіе политической экономіи, такъ краснорѣчиво протестующей противъ „униженія интеллигентовъ". Нѣтъ, лишь призраки рисуетъ ему его пылкое воображеніе, столь впечатлительное къ страданіямъ интеллигентовъ, воспитанныхъ для теплыхъ мѣстечекъ и, однако, вслѣдствіе анархіи производства ихъ не получившихъ.

Вышеприведенныя обстоятельныя разъясненія, даваемыя Родбертусомъ образованному обществу, занимаютъ въ его первомъ трудѣ 42 г. очень мало мѣста и сводятся къ слѣдующему:

„Чѣмъ больше сумма ренты (прибавочной стоимости), тѣмъ большее число людей можетъ, не прибѣгая къ производительному (въ хозяйственномъ отношеніи) труду, жить и посвящать себя другимъ занятіямъ. Но величина суммы ренты зависитъ... отъ степени производительности труда. Отсюда понятно, насколько глубоко затронуты высшія области государственной жизни въ хозяйственной жизни. Чѣмъ больше производительность, тѣмъ богаче можетъ быть умственная и художественная жизнь націи; чѣмъ меньше первая, тѣмъ бѣднѣе вторая".

Какъ ни откровенно это мѣсто, не старающееся пустить въ глаза того марксистскаго тумана, по которому отъ накопленія прибыли возрастаютъ лишь средства производства, не могущія быть никѣмъ потреблены, оно, однако, избѣгаетъ ставить въ непосредственную связь ренту съ умственною жизнью націи, ибо констатированіе этой связи могло бы вызвать у читателя слѣдующую обнаженную отъ всякихъ прикрасъ картину: Чѣмъ выше національная прибыль, тѣмъ больше потребительный фондъ привиллегированнаго образованнаго общества. Не только капиталисты заинтересованы въ эксплуатаціи пролетарія и размѣрахъ прибыли, но и все образованное общество. Ибо рабочій эксплуатируется не для праздной жизни лишь горсти капиталистовъ, а для паразитнаго существованія всего образованнаго общества, производителей „нематеріальныхъ благъ". Жизненный уровень рабочаго сводится къ минимуму средствъ существованія для того, чтобы „умственные рабочіе" не находили никакихъ предѣловъ при „реализаціи" въ формѣ дохода „своихъ особенныхъ талантовъ и способностей". Рабочій не можетъ пользоваться никакими плодами роста производительности своего труда, ибо этотъ ростъ долженъ увеличить лишь комфортъ жизни привиллегированнаго образованнаго общества.

Если на развитыхъ Родбертусомъ принципахъ, которые въ сущности являются „строго научнымъ" выводомъ изъ Эрфуртской программы, построить схему коммунистическаго общества, то получится слѣдующая картина:

„Этотъ строй совсѣмъ не необходимо долженъ быть коммунистическимъ до такой степени, чтобы вообще онъ исключалъ всякую собственность. Собственность исключается совершенно лишь въ томъ случаѣ, если при раздѣленіи національнаго дохода общественный распредѣлительный принципъ зависитъ исключительно отъ одной общественной воли, руководимой только соображеніями цѣлесообразности". Индивидуальная собственность, напротивъ, существуетъ, если распредѣлительный принципъ „независимъ отъ такой одной общественной воли", а „напротивъ происте-

каетъ изъ нѣкотораго правового принципа, т. е. изъ принципа, связаннаго съ соучастіемъ воли индивидуума. Въ первомъ случаѣ необходимъ коммунистическій „распредѣлитель", все равно, представляется ли онъ въ видѣ С. Симонистскаго папы, диктатора рабочихъ, или въ видѣ общественной директоріи, во второмъ случаѣ его не нужно. А именно, можно представить коммунизмъ во владѣніи землею и капиталомъ націи, безъ коммунизма по отношенію къ распредѣленію. Въ такомъ случаѣ упраздняется лишь собственность, приносящая ренту, а не собственность вообще. Напротивъ, она тогда именно сводится къ своему принципу, къ труду, и состоитъ въ индивидуальной собственности рабочаго на всю стоимость его продукта". (IV Соц. письмо, стр. 115, 116.)

Соц-д-ія подъ видомъ того, что всякіе разговоры о „будущемъ строѣ" сверхъ общаго требованія о переходѣ въ руки общества земли и средствъ производства, были бы лишь утопическими мечтаніями, уклоняется отъ разсмотрѣнія не только деталей этого „будущаго строя" (такое занятіе, конечно, совсѣмъ непродуктивно), но и отъ разбора того „правового принципа", который „соціалистическое" образованное общество хочетъ видѣть положеннымъ въ основу предстоящимъ обобществленіямъ. Предоставляя рабочимъ дома, про себя одѣвать въ самыя прекрасныя мечты „будущій строй", она на дѣлѣ все болѣе съуживаетъ свои соціалистическіе планы, свой „соціалистическій идеалъ" сообразно съ интересами образованнаго общества, и такимъ образомъ получаетъ „научный идеалъ". Мы уже упоминали, что требованіе „Манифеста" — „упраздненіе частной собственности", съузилось вмѣстѣ съ развитіемъ научнаго соціализма до требованія обобществленія только средствъ производства. Не потому ли, что даже такой несоц-дем-ій ученый, какъ Родбертусъ, признаетъ необходимость именно такого обобществленія — вѣдь такимъ образомъ идеалъ несомнѣнно, становится научнымъ. Родбертусъ, судя по вышеприведенному, очень горячо рукоплескалъ бы Девилю, заявлявшему въ 97 г. въ палатѣ, что возмутительную клевету распространяютъ про соціалистовъ тѣ, кто упрекаетъ ихъ въ желаніи уничтожить частную собственность. Родбертусъ, несомнѣнно, призналъ бы своею мыслью слѣдующее заявленіе Кауцкаго въ его „Аграрномъ вопросѣ":

„Цѣль соц-дем-іи не уничтоженіе частной собственности, а уничтоженіе капиталистическаго способа производства. Къ уничтоженію первой она стремится лишь постольку, поскольку оно средство къ уничтоженію послѣдняго".

Ясно, что тотъ правовой принципъ, который Родбертусъ кладетъ въ основу своего коммунистическаго строя, есть лишь общій выводъ изъ того его ученія, о „различныхъ общественныхъ услугахъ", съ которымъ мы познакомились выше. Это ученіе защищаетъ въ виду абсолютной необходимости и полезности услугъ врача, учителя, судьи, министра, абсолютное ихъ право на получаемые ими нынѣ доходы. Оно показываетъ абсолютную невоз-

можность доставленія этихъ услугъ самимъ „производительнымъ рабочимъ" и возможность существованія наукъ и искусствъ лишь при соотвѣтственной на другомъ полюсѣ общественной жизни спеціализаціи шлифовальщика.

Если Родбертусъ говоритъ, что въ его коммунистическомъ строѣ „общественное право рѣшаетъ не только о томъ, какія общественныя потребности должны быть удовлетворены, но и сколько отдѣльные производители внесли для этого удовлетворенія" (тамъ же, 136), то ясно, что это общественное право при этихъ разсчетахъ никогда не „унизитъ дохода производителей нематеріальныхъ благъ до уровня дохода производителей благъ матеріальныхъ". Если его строй „сводитъ собственность къ ея принципу, къ труду", если этотъ принципъ заключается въ „индивидуальной собственности рабочаго на всю стоимость его продукта", то „правовой принципъ" предварительно рѣшилъ, что весь доходъ, получаемый въ настоящее время всѣми „умственными рабочими", т. е. всѣмъ образованнымъ обществомъ, есть неотъемлемая его собственность, какъ неоспоримое вознагражденіе за его трудъ, за его „особенные таланты и способности". Однимъ словомъ, этотъ „правовой строй съ коммунизмомъ на землю и капиталъ и съ частной собственностью индивидуума на стоимость его продукта" (стр. 116) есть классовой строй съ непосредственнымъ — безъ участія уполномоченныхъ — господствомъ образованнаго, владѣющаго всею культурою общества надъ всѣмъ остальнымъ большинствомъ, обреченнымъ на природную неспособность оказывать „нематеріальныя услуги". Вѣковая неволя большинства человѣчества, обреченнаго на пожизненный ручной трудъ, ничуть не разрушается. Однако, капиталистическій строй не существуетъ, капиталистовъ-эксплуататоровъ нѣтъ, „товарный обмѣнъ неизбѣжно прекращается" (стр. 121). Если вамъ этотъ, вполнѣ возможный случай удастся, говоритъ, повидимому, Каутскій въ вышеприведенномъ его заявленіи, мы согласны, ибо мы „стремимся уничтожить частную собственность лишь постольку, поскольку это необходимо для упраздненія капиталистическаго способа производства".

Какимъ образомъ осуществить этотъ соціалистическій идеалъ образованнаго общества?

„Въ такомъ обществѣ раздѣленіе труда можетъ сохранить тотъ видъ, какой оно приняло въ настоящее время, при собственности на землю и капиталъ... Всѣ современныя предпріятія производили бы тѣ же товары, что въ настоящее время, предполагая, что преобразованіе собственности на землю и капиталъ въ общественную собственность послѣдовало бы такимъ образомъ, что ренты не были бы отняты у современныхъ ихъ собственниковъ, а переведены въ общественный бюджетъ. Ибо, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ собственность на землю и капиталъ не упразднялась бы безъ вознагражденія, а выкупалась, то вначалѣ продолжалось бы прежнее по виду и размѣрамъ пот-

ребленіе товаровъ. И только постепенно и по мѣрѣ того, какъ повышался бы ростъ національнаго дохода и потребленіе трудящихся классовъ, національная продукція приняла бы видоизмѣненное содержаніе. Въ противномъ случаѣ, при упраздненіи собственности на землю и капиталъ безъ вознагражденія, т. е. при внезапной, полной гибели ренты, все національное производство подверглось бы разрушительному замѣшательству" (стр. 117).

Такимъ образомъ, такъ какъ при „внезапномъ полномъ упраздненіи частной собственности на землю и капиталъ" подвергается большой опасности національная прибыль, которая, кто знаетъ, могла бы быть доведена до полной гибели, то единственно возможнымъ и спасительнымъ путемъ осуществленія соціалистическаго идеала является постепенный переходъ собственности въ руки общества съ вознагражденіемъ собственниковъ, ибо въ этомъ случаѣ прибыль не упраздняется, а сохраняется, изъ частной переходитъ въ національную, и ея существованіе обезпечивается всею силою закона и государственной власти.

Съ тѣхъ поръ, какъ Энгельсъ гдѣ то заявилъ, что Марксъ очень часто въ разговорѣ съ нимъ, высказывалъ мнѣніе, что дешевле всего обойдется „обобществленіе" путемъ расплаты съ бандой капиталистовъ, многіе соц.-дем.-ы „не желая быть больше папистами, чѣмъ самъ папа" (этому принципу соц-д-ія слѣдовала задолго до того времени, какъ Бернштейнъ его фомулировалъ), стали окончательно склоняться къ единственно научному методу обобществленія посредствомъ выкупа. Каутскій, напр., говоритъ въ своей „Эрфуртской программѣ", что „неизвѣстно" и „нельзя предсказать", наступитъ ли обобществленіе путемъ выкупа или путемъ конфискаціи. Это „неизвѣстно" значило, однако, уже тогда — „все равно". Дѣйствительно, въ своей полемикѣ съ Бернштейномъ, который требуетъ яснаго по этому дѣлу отвѣта, а именно что „дѣло не касается ни въ коемъ случаѣ всеобщей, одновременной и насильственной экспропріаціи, а только постепенной смѣны, путемъ организаціи и закона", Каутскій съ напускной наивностью ребенка отвѣчаетъ, что „для капиталистовъ не будетъ составлять никакой разницы, будутъ ли они экспропріированы одновременно или одинъ за другимъ, и произойдетъ ли это при посредствѣ организаціи и закона или другимъ путемъ, это ихъ также будетъ мало интересовать".

Такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя предположить у Каутскаго такой громадной тупости ума, которая позволила бы считать его наивность искреннею, то, очевидно, весь его пріемъ полемики является въ данномъ случаѣ своеобразнымъ выраженіемъ той мысли, что, такъ какъ, на его взглядъ нѣтъ никакой разницы между обобществленіемъ путемъ насильственной экспропріаціи или путемъ „постепенной смѣны силою организаціи и закона", или даже путемъ выкупа, то по этому вопросу не можетъ быть никакого серьезнаго различія во мнѣніяхъ между Бернштейномъ и Каутскимъ.

Итакъ, въ то время, какъ рабочему предоставляется сколько угодно мечтать о томъ, какъ соц.-дем.-ія, по достиженіи своей цѣли, превратитъ человѣческое общество въ одну семью, гдѣ будутъ господствовать братскія коммунистическія отношенія, соц.-дем.-ая наука вырабатываетъ такой безошибочный, строго научный путь обобществленія, благодаря которому въ „будущемъ строѣ" „потребленіе трудящихся массъ, остается въ общемъ въ прежнихъ размѣрахъ, повышаясь лишь медленно и постепенно"

Сохраненная вышеописаннымъ способомъ національная прибыль попадаетъ при обобществленіи средствъ производства въ соціалистическомъ строѣ Родбертуса въ руки законныхъ ея собственниковъ.

„Какъ сказано раньше (Родбертусъ имѣетъ въ виду свою теорію стоимости, по которой стоимость всѣхъ благъ равняется непосредственно затраченному труду + прошлый трудъ, использованный въ средствахъ производства), земельная рента и прибыль на капиталъ есть не только продуктъ того, кто въ текущемъ году воздѣлываетъ поле, но она также, въ томъ или другомъ отношеніи, продуктъ труда того, кто много лѣтъ до того времени провелъ ровъ на этомъ полѣ, не только того, кто сегодня управляетъ мельницей, но и тѣхъ, кто много лѣтъ тому назадъ эту мельницу выстроилъ. Споръ ведется лишь о слѣдующемъ: во 1-ыхъ, не получитъ ли земельной ренты или прибыли на капиталъ такое лицо, которое не прокопало въ дѣйствительности рва и не выстроило мельницы, или которое не является зоконнымъ наслѣдникомъ тѣхъ, кто это сдѣлалъ; (я устанавливаю тутъ же наслѣдственное право и прочее свободное распоряженіе правами законной собственности). Во 2-ыхъ споръ идетъ о томъ, составляетъ ли земельная рента и прибыль на капиталъ надлежащее вознагражденіе за трудъ проведенія рва и постройки мельницы" (II-ое Соціальное письмо, стр. 109).

На стр. 225 того же сочиненія Родбертусъ говоритъ: „Наслѣдственное право... является передъ лицомъ закона такимъ же священнымъ, какъ и сама собственность".

Врядъ ли когда нибудь неприкосновенность, вѣчность наслѣдственнаго права провозглашалась громче и торжественнѣе, чѣмъ въ вышеприведенныхъ словахъ „ученаго, признающаго возможнымъ обобществленное хозяйство". И не смотря на это марксисты, столько разъ старавшіеся отдѣлить Родбертуса отъ Маркса, никогда не давали никакого отвѣта по вопросу о „святости" наслѣдственной собственности. Имъ даже и въ голову не приходитъ, что та „королевская прусская казарма" въ видѣ которой представляется соціалистическій строй Родбертуса, есть непосредственное и неизбѣжное послѣдствіе признанія ненарушимости наслѣдственной собственности. Ибо неприкосновенность наслѣдственнаго права при обобществленіи средствъ производства означаетъ не что иное, какъ неприкосновенность въ этомъ „обобществленномъ хозяйствѣ" возвышающихся одна надъ другою привил-

легій образованнаго общества, неприкосновенность іерархіи государственныхъ чиновниковъ и правителей и необходимость казарменнаго режима рабочихъ массъ, вознаграждаемыхъ „по тарифу наемной платы, устанавливаемой властями“. (Каутскій о Родбертусѣ).

Требованіе „упраздненія наслѣдственной собственности“, которое было выставлено Коммунистическимъ Манифестомъ и которое предстоитъ для уничтоженія неволи формулировать какъ упраздненіе семейной собственности, это требованіе для марксистовъ, очевидно просто „устарѣло“, подобно неопредѣленному и не научному требованію уничтоженія частной собственности вообще; и въ настоящее время никакая марксистская партія уже не будетъ столь утопичной, чтобы воскрешать это требованіе. Противъ такого воскрешенія возставала бы между прочимъ практическая дѣятельность самого Маркса въ Интернаціоналѣ. Марксъ проводившій на конгрессахъ Интернаціонала резолюціи о необходимости перехода въ общественную собственность земли, рудниковъ, путей сообщенія, считалъ нужнымъ отклонить на Базельскомъ конгрессѣ (69 г.) резолюцію Бакунина о необходимости упраздненія наслѣдственнаго права. Онъ мотивировалъ это тѣмъ, что Бакунинъ хотѣлъ своей резолюціей лишь воскресить ученіе Сн. Симона (отчетъ Гаагской коммиссіи о дѣлѣ Бакунина). Но ясно, что отклоненіемъ резолюціи Бакунина не столько былъ пораженъ Сн. Симонистскій утопизмъ, сколько обрадованъ Родбертусъ, дрожавшій за свою священную наслѣдственную собственность.

Въ настоящее время марксизмъ, въ лицѣ напр., Каутскаго, учащаго, что соціализмъ требуетъ уничтоженія частной собственности лишь настолько, насколько это необходимо для перехода средствъ производства въ руки общества, предоставляетъ своимъ ученикамъ смотрѣть какъ имъ угодно, на неприкосновенность семейной собственности.

* * *

Марксисты, раздѣляя вмѣстѣ съ Родбертусомъ его основной взглядъ, что соціализмъ отрицаетъ лишь частную собственность на землю и средства производства, имѣя. стало быть вмѣстѣ съ нимъ въ большей или меньшей степени общій „соціалистическій идеалъ“, принуждены въ его практической дѣятельности отличавшейся, какъ извѣстно, очень сильнымъ консерватизмомъ видѣть лишь отступленіе отъ идеала, непослѣдовательность съ точки зрѣнія познанной имъ истины, остатокъ классовыхъ интересовъ его аристократической среды, котораго онъ, несмотря на свой соціализмъ, не былъ въ силахъ отбросить. Марксисты, совершенно не въ состояніи понять, что этотъ „твердый, какъ скала“, въ своихъ убѣжденіяхъ ученый построилъ свои соціалистическіе планы, свой соціалистическій идеалъ сообразно тѣмъ классовымъ интересамъ привиллегированнаго общества, которые онъ будто бы, какъ думаютъ марксисты, защищалъ только на практикѣ.

„При всемъ своемъ стремленіи къ безпристрастію“ писалъ Валентиновъ въ 82 г. въ От. Зап. „онъ Родбертусъ никогда не могъ возвыситься до того возвышеннаго безпристрастія, которое заставляетъ окончательно разорвать съ отжившими и осужденными исторіей традиціями“.

„Не смотря на глубокій теоретическій смыслъ“, „теоретическую проницательность“, несмотря „на свое теоретическое признаніе возможности обобществленнаго хозяйства“, говоритъ Каутскій, „Родбертусъ оставался слишкомъ консерваторомъ, для того, чтобы признать дѣло безхозяйнаго производителя своимъ собственнымъ дѣломъ“.

Санинъ, почувствовавшій историческое призваніе углубить марксистскую классовую точку зрѣнія дальше, чѣмъ это сдѣлали всѣ жившіе до него марксисты, процитировавъ (въ Научномъ Обоз., 99 г.,) вышеприведенное мѣсто, остается недовольнымъ не только Валентиновымъ, но Каутскимъ, ибо послѣдній, прибѣгая при сужденіи о Родбертусѣ къ „теоретическому смыслу“, уклоняется отъ послѣдовательнаго проведенія чисто классовой точки зрѣнія. Онъ, Санинъ, объясняетъ колебанія Родбертуса между „соціалистическимъ идеаломъ“ и буржуазными стремленіями, положеніемъ всего класса феодаловъ въ буржуазномъ строѣ. „Углубленная классовая точка зрѣнія“ даетъ слѣдующую оцѣнку Родбертуса:

„Хотя“ идеалъ Родбертуса „и напоминаетъ немного королевско-прусскую казарму,... но все таки это идеалъ построенный на идеѣ „обобществленія“; во всякомъ случаѣ, тутъ (въ идеалѣ) въ высшей степени ярко выступаетъ безусловно отрицательное отношеніе Родбертуса ко всѣмъ видамъ присвоенія прибавочного труда и его стремленіе устранить всѣ отношенія, которыя порождаютъ или по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ возможной эксплуатацію.... Однако же мысль Родбертуса не можетъ удержаться на головокружительной для идеолога феодальнаго собственника высотѣ этого утопическаго антибуржуазнаго идеала и обнаруживаетъ неудержимое стремленіе къ паденію изъ заоблачныхъ сферъ на грѣшную землю чисто буржуазныхъ формъ жизни“.

Читатель, вѣроятно, не разъ замѣчалъ, что отъ углубленія марксистской классовой точки зрѣнія русскими учениками фатально получалась лишь болѣе ловкая игра фигляра съ шарами, носящими надписи: „классовая борьба“, „пролетарская точка зрѣнія“ и пр. Такъ и въ данномъ случаѣ. „Болѣе поверхностная классовая точка зрѣнія Каутскаго напоминаетъ намъ, по крайней мѣрѣ, что соціалистическій идеалъ Родбертуса, не смотря на „обобществленіе“, всетаки „казарма“; болѣе же „глубокая классовая точка зрѣнія“ Санина ужъ прямо заявляетъ: это идеалъ безусловнаго „отрицанія“ эксплуатаціи и всѣхъ видовъ присвоенія прибавочного труда.

Головокруженіямъ, о которыхъ говоритъ Санинъ, очевидно подверженъ не Родбертусъ, а марксисты. Родбертусъ безъ устали тыкаетъ пальцемъ въ ту эксплуатацію, на который онъ строитъ свой со-

ціалистическій идеалъ, а „ученики“, „находящіеся на высотѣ европейской науки“, ошеломленные выставляемой Родбертусомъ перспективой исчезновенія кулаковъ, производятъ съ „пролетарской точки зрѣнія“ оцѣнку: несомнѣнно, „тутъ безусловное отрицаніе эксплуатаціи и присвоенія прибавочнаго труда“.

„Наслѣдственная собственность столь же священна, какъ и индивидуальная собственность“. Соціалистическій строй Родбертуса принимаетъ этотъ вѣчный институтъ человѣческаго общества, какъ свою исходную точку. При полномъ обобществленіи средствъ производства всѣ частные капиталы исчезаютъ, но только для того, чтобы превратиться въ общественный національный капиталъ. Это значитъ: частныя лица передаютъ въ руки государства свое право взымать прибыль съ своего капитала, т. е. функція удерживанія рабочей платы на уровнѣ необходимыхъ для поддержанія рабочей силы средствъ жизни исполняется теперь организованной въ государственный законъ волей господствующаго надъ рабочими общества, уполномоченными котораго являлись до тѣхъ поръ частные капиталисты. Постоянное возмѣщеніе общественнаго капитала означаетъ постоянную наличность въ рукахъ управляющаго общества - государства всей той суммы производимаго въ каждый данный моментъ богатства, которая остается послѣ выдачи всей рабочей платы „производителямъ матеріальныхъ благъ“, т. е. той суммы, которая безпрестанно растетъ какъ разъ настолько, на сколько растетъ производительность труда.

Но въ обществѣ нѣтъ болѣе капиталистовъ и ихъ наемниковъ, „уничтожена всякая возможность эксплуатаціи“. Управляющее общество состоитъ теперь только изъ однихъ рабочихъ, изъ арміи умственныхъ рабочихъ, у которыхъ нѣтъ другого способа полученія своего дохода, какъ только затрата „своей рабочей силы“. Эта ихъ рабочая сила, поясняетъ Каутскій, это ихъ знанія, ихъ особенные таланты и способности. Это такая рабочая сила, о стоимости которой не смѣетъ говорить грубая политическая экономія, это рабочая сила, которая не можетъ подлежать никакому учету.

Индивидуальная собственность священна, и, стало быть, неприкосновенна сумма дохода, получаемая умственнымъ рабочимъ отъ реализаціи его „особенныхъ талантовъ и способностей“. Растущая съ каждымъ шагомъ развитія техники національная прибыль распредѣляется „по волѣ народа“ между всѣмъ образованнымъ обществомъ, въ видѣ гонораровъ и почетныхъ жалованій, создавая цѣлую іерархію государственныхъ чиновъ.

Наслѣдственная собственность священна. Впрочемъ уже въ силу элементарнаго прирожденнаго человѣку чувства, которое заставляетъ его любить и заботиться о своихъ дѣтяхъ, образованное общество свои особенные таланты и способности, всѣ свои знанія передаетъ только своему потомству, — въ этомъ Родбертусъ не сомнѣвается. Образованное общество, безъ сомнѣнія, воспроизведетъ свое потомство только въ видѣ такой же, какъ оно, арміи умственныхъ рабочихъ, все столь же умныхъ, способныхъ и талантливыхъ, все столь же всецѣло сосредоточившихъ въ себѣ всѣ человѣческія знанія.

Напротивъ, всѣ остальные милліоны будутъ воспроизводить потомство, которое уже по природѣ невѣжественно, лишено всякихъ талантовъ и совсѣмъ „неспособно оказывать человѣческому обществу, нематеріальныя услуги“. Всѣ эти милліоны окажутся изъ поколѣнія въ поколѣніе способными лишь исполнять ручной трудъ лишь работать и восхищаться великими талантами и геніями, рождающимися только въ высшемъ господствующемъ надъ ними обществѣ, окажутся обреченными на пожизненный рабскій, механическій трудъ.

Соціалистическій строй Родбертуса такъ далекъ отъ того, что приписываютъ ему марксисты, т. е. отъ полнаго отрицанія эксплуатаціи, что онъ представляетъ намъ въ чистомъ видѣ лишь ту основу господства и рабства, на которой покоится современный классовой строй. Именно поэтому то Родбертусъ и говорилъ, что онъ рисуетъ свой коммунистическій строй не для того, чтобы противупоставить современному строю лучшій, но для того, чтобъ на этомъ коммунистическомъ строѣ лучше познать сущность современнаго.

Цѣль пролетарской міровой борьбы есть уничтоженіе той основы современнаго господства, которую признаетъ священною государственный соціализмъ, той экономической основы классового строя, которая передаетъ все наслѣдіе человѣчества въ руки господствующаго образованнаго общества, предоставляя ему воспитывать изъ поколѣнія въ поколѣніе лишь свое потомство, какъ наслѣдственныхъ владѣльцевъ всѣмъ человѣческимъ знаніемъ, всею цивилизаціею и культурой, а всѣ остальные милліоны, обращаетъ въ наслѣдственныхъ рабовъ, обреченныхъ на каторжный физическій трудъ.

Пролетаріатъ путемъ своей міровой конспираціи и диктатуры достигнетъ господства надъ государственной машиной не для того, чтобы выводить изъ затрудненія, изъ анархіи и банкротства хозяйственный строй, который не можетъ справиться съ переросшими его тѣсныя имущественныя рамки производительными силами... Онъ будетъ стремиться къ господству надъ властью для того, чтобы захватить имущество господствующаго образованнаго общества, имущество ученаго міра, для того, чтобы вырвать наслѣдіе человѣчества изъ рукъ владѣющаго имъ меньшинства. И упраздняя наслѣдственную семейную собственность и всѣ частные фонды и средства воспитанія, онъ принудитъ употребить конфискованное имущество на организацію общественнаго воспитанія, на „обобществленіе знаній“. Только это завоеваніе достигнутое путемъ „деспотическаго нападенія пролетаріата на право частной собственности“, путемъ насильственнаго проявленіи его воли, уничтожитъ тотъ, защищаемый милліонными арміями основной законъ классоваго строя, въ силу котораго всѣ члены привиллегированнаго меньшинства еще до своего рожденія предназначаются для господства, а все потомство большинства обрекается на рабство.

* * *

Переходъ средствъ производства въ руки общества безъ нарушенія всѣхъ остальныхъ священныхъ правъ собственности есть

соціалистическій идеалъ „умственныхъ рабочихъ“, образованнаго общества. Къ этому то идеалу соц-д-ія въ своемъ развитіи сводитъ цѣль пролетарской борьбы, превращая этимъ свой соціализмъ въ государственный соціализмъ. Экономическая доктрина Маркса, какъ мы показали въ предыдущей главѣ, вполнѣ приноровлена къ этой цѣли.

„Научный соціалистическій идеалъ“, по увѣреніямъ радикальнаго соціалистическаго образованнаго общества, осуществляется уже въ настоящее время въ западно-европейскихъ демократіяхъ въ видѣ „мунипализаціи“ и „національзаціи“ тѣхъ предпріятій которыя „приносятъ самую большую прибыль“, которыми уже въ настоящее время „удобно завѣдывать государству“, или которыя какъ говорятъ марксисты, „подготовлены самимъ капиталистическимъ строемъ“ для соціалистическаго хозяйства.

Ортодоксально-марксистская соц-д-ія отклоняетъ отдѣльные случаи національзаціи въ Германіи, ибо здѣсь, по ея мнѣнію, они „служатъ лишь цѣлямъ фиска“ и „соединяя въ однѣхъ рукахъ политическій и экономическій гнетъ“, только укрѣпляютъ современный строй. Но въ такихъ странахъ, какъ Англія, Швейцарія, „отдѣльные случаи національзаціи“, несомнѣнно, ослабляютъ существующій порядокъ, его гнетъ и эксплуатацію (статьи Каутскаго въ Neue Zeit за 93 г. о государственномъ соціализмѣ. Тамъ нѣтъ мѣста для государственнаго соціализма, какъ увѣряетъ насъ ортодоксальный марксизмъ, и на совершающуюся въ настоящее время въ „истинныхъ демократіяхъ “муниципализацію и національзацію нужно, повидимому, смотрѣть, какъ на первыя ступени „постепеннаго обобществленія средствъ производства“.

Но именно практика современныхъ національзацій во Франціи, Англіи, Швейцаріи показываетъ, что чѣмъ меньше рабочіе восторгаются этимъ „соціализмомъ“ (по мнѣнію „соціалистической интелигенціи“, недостаточная восторженность рабочихъ къ ея „соціализаціямъ “свидѣтельствуетъ о политической незрѣлости рабочаго, который даже въ демократической школѣ не можетъ дойти до пониманія „соціалистическаго идеала“) — чѣмъ болѣе безразлично относятся рабочіе къ достиженію этихъ „соціалистическихъ ступеней“, тѣмъ для нихъ лучше, ибо тѣмъ большую реальную уступку получатъ они въ условіяхъ своего труда отъ новаго владѣльца (націи, муниципалитета), который, водворяясь по волѣ народа, нуждается, для своего введенія во владѣніе, въ голосѣ рабочаго. Но послѣ своего водворенія онъ сдѣлается столь же недоступнымъ какъ и прежній хозяинъ.

„Отдѣльные случаи націоналазаціи“ укрѣпляютъ современный классовой строй въ Швейцаріи совсѣмъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Германіи. И тамъ и здѣсь они обозначаютъ одно и то же явленіе — переводъ источника прибыли изъ частныхъ рукъ въ собственность націи, т. е. привиллегированнаго общества, — укрѣпленіе капитала и эксплуатаціи, охраняемой теперь новымъ непосредственнымъ господиномъ — „волею народа“. И если соц-д-ія считаетъ одинъ и тотъ же случай „національзаціи“ въ Германіи средствомъ фиска, а въ Швейцаріи уменьшеніемъ эксплуатаціи.

то только потому, что въ Германіи увеличенный данною національзаціею государственный доходъ поступаетъ прежде всего въ собственность высшихъ сферъ привиллегированнаго общества, въ Швейцаріи же онъ распредѣляется „справедливѣе“ между всѣмъ привиллегированнымъ образованымъ обществомъ. Именно поэтому, по ученію Каутскаго, одна и та же реформа — въ Германіи укрѣпляетъ классовой строй, а въ Швейцаріи подрываетъ.

Соц-д-ія заявляетъ, что въ демократіи нѣтъ мѣста государственному соціализму въ духѣ Родбертуса, или другими словами соціалистическая практика соц-д-іи совпадаетъ въ демократическомъ государствѣ съ практикою государственнаго соціализма. (отвѣтъ Каутскаго Фольмару въ упомянутыхъ статьяхъ). Значитъ, соціализмъ соц-д-тіи есть **государственный соціализмъ**, осуществляемый въ **демократіи**. Это подтверждаютъ своею тактикою англійскіе, французскіе, швейцарскіе марксисты, отвергающіе всякій незаконный путь борьбы и формулирующіе свою цѣль, какъ постепенное огосударствленіе отдѣльныыъ отраслей производства по мѣрѣ возможности, по мѣрѣ того, какъ производство само концентрируется. Этимъ они привлекаютъ въ свои ряды радикаловъ, соціалистовъ — шовинистовъ и отъявленныхъ антиреволюціонныхъ фабіанцевъ, создавая изъ всѣхъ этихъ элементовъ „чисто-пролетарскую“ соц.-д.-ію.

По мѣрѣ того, какъ соц.-д.-ія дѣлаетъ свой „соціалистическій идеалъ“ все болѣе „научнымъ“, этотъ идеалъ проявляется все болѣе, какъ „соціалистическое“ распредѣленіе національной прибыли между всѣмъ образованнымъ обществомъ, арміею умственныхъ рабочихъ.

Рабочіе не понимаютъ этого идеала въ силу своихъ **классовыхъ интересовъ**. Пролетарское движеніе есть защита людей обреченныхъ на рабскій физическій трудъ. Его цѣль — освобожденіе отъ этого рабства. Пролетарскій соціализмъ является поэтому классовою противоположностью соціализму умственнаго рабочаго, состоящему въ обобществленіи капитала, въ преобразованіи его изъ частнаго въ соціалистическій, національный, постоянный общественный капиталъ.

Глава V

Марксизмъ въ Россіи

Та общественная сила, скрыть которую составляетъ первую задачу марксизма, — классовой интересъ образованнаго общества въ моментъ развитія крупной промышленности, интересъ класса привиллегированныхъ наемниковъ, умственныхъ рабочихъ въ капиталистическомъ государствѣ, — выступаетъ со своеобразною яркостью и силою въ буржуазной Россіи.

Русское революціонное движеніе за послѣднее тридцатилѣтіе прошло черезъ двѣ, съ виду прямо противоположныя крайности: отъ самыхъ яркихъ надеждъ и самыхъ широкихъ плановъ полнаго общественнаго преобразованія оно дошло до самыхъ крайнихъ предѣловъ соціалдемократическаго поссибилизма, покоющагося на томъ убѣжденіи, что полному общественному преобразованію предстоитъ осуществиться лишь „въ дали вѣковъ".

Русскій національный соціализмъ 70 г. г., хотя и дошелъ до самой невѣроятной утопіи, которую и оставилъ въ наслѣдство отъявленнымъ ретроградамъ, позднѣйшимъ русскимъ народникамъ, былъ, тѣмъ не менѣе, непосредственнымъ выводомъ изъ той соціалистической идеи, которая проповѣдывалась рабочему классу на Западѣ. Если русскій національный соціализмъ сводился къ дѣлу преобразованія общины въ соціалистическую организацію, то это свое утопическое предпріятіе онъ выводилъ прямо изъ той проповѣди Интернаціонала, которая призывала деревенское населеніе къ образованію коммунистическихъ ассоціацій, изъ тѣхъ резолюцій марксистовъ, которые требовали отъ государства передачи общинныхъ, церковныхъ государственныхъ земель въ руки рабочихъ ассоціацій и запрещенія продажи ихъ частнымъ лицамъ, (Резолюція конгресса марксистовъ-соціалдемократовъ въ Штутгартѣ 70 г. См. Мейеръ въ „Эмансипаціонной борьбѣ четвертаго сословія").

Наконецъ, научный соціализмъ, въ лицѣ Маркса непосредственно призналъ возможной и умѣстной попытку русскаго соціализма преобразовать общину въ соціалистическую ассоціацію, попытку „русскихъ людей найти для своего отечества отличный отъ западно-европейскаго путь развитія" (въ письмѣ въ редакцію „От. Зап." и въ предисловіи къ русскому изд. Ком. Маниф. 82 г.)

Если соціалисты 70-хъ г. г. мечтали о достиженіи соціалистическаго строя путемъ борьбы русскаго передового общества, русской интеллигенціи, то опять таки эта утопія вполнѣ согласовалась съ проповѣдью Интернаціонала, призывавшаго къ пролетарской борьбѣ всѣхъ „умственныхъ рабочихъ", въ томъ числѣ даже поповъ и офицеровъ (Ум. Раб. ч. I, ст. 80, изд. 905 г.), вполнѣ согласовалась съ идеей нѣмецкихъ марксистовъ того времени, идеей достиженія общими усиліями рабочихъ и „бюргерства" — „соціалдемократической республики", какъ „общей имъ цѣли". (тамъ же, с. 71)

Стало быть, грѣхи русскаго національнаго соціализма являются вмѣстѣ съ тѣмъ, и грѣхами научнаго соціализма. Поэтому Р. С. Р. П., несознающая этого грѣха, но желающая быть вѣрной ученицей научнаго соціализма, заявляетъ въ своемъ Манифестѣ 98 г., что она, „какъ направленіе соціалистичекое, продолжаетъ традиціи всего предшествовавшаго движенія въ Россіи" (тамъ же, стр. 51)

Если на Западѣ разсматриваемыя утопическія мечтанія совсѣмъ не воплощались въ жизнь, то не потому, чтобы у научныхъ соціалистовъ былъ недостатокъ въ этихъ утопическихъ стремленіяхъ, а потому, что реальная жизнь, реальная общественная сила - интересъ пролетарія, развиваясь, попросту выбрасывала за бортъ всѣ эти утопическія мечтанія.

Въ Россіи же соціалистическіе идеи и планы воспринимались очень широко, но лишь для того, чтобы создать нѣкую нужную для общества фикцію, фикцію „единаго русскаго соціалистическаго народа", долженствующую заглушать ту реальную общественную силу, которой этой басней кормить нельзя.

Отсюда, конечно, слѣдуетъ тотъ прямой выводъ, что научный соціализмъ вовсе не опередилъ своимъ ученіемъ общественнаго развитія до такой степени, что всѣмъ его сторонникамъ приходится ждать, пока послѣднее достигнетъ той высоты, до которой дошли гиганты мысли, — всѣ „ученики". Наоборотъ, научный соціализмъ лишь черепашьимъ шагомъ тянется вслѣдъ за общественнымъ развитіемъ; соглашается на утопію тамъ, гдѣ дѣло слишкомъ сложно, а затѣмъ, простымъ отреченіемъ отъ этой утопіи, безъ познанія ея сущности, сразу достигаетъ всей своей „научной безошибочности".

Русское образованное общество въ 60—хъ г. г. мечтало о своемъ освобожденіи изъ подъ азіатскаго режима такимъ же путемъ, какимъ это освобожденіе долгое время совершалось въ западноевропейскихъ передовыхъ странахъ, т. е. путемъ простой демократизаціи государства для защиты „правъ человѣка", причемъ „соціальный вопросъ" совершенно не затрагивался. Но въ эту эпоху вражда между образованнымъ обществомъ и его уполномоченными, капиталистами, достигла уже въ цивилизованномъ мірѣ высокой степени развитія. Въ продолженіе нѣсколькихъ всего лѣтъ по уничтоженіи крѣпостного права, эта вражда, это „капиталистическое противорѣчіе" дало о себѣ знать и въ Россіи. Подъ охраной и съ помощью сильной власти, здѣсь быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо, происходила фаза „первоначальнаго накопленія" и выростало безчисленное множество кулаковъ. Съ другой стороны, не медленнѣе капиталистическаго прогресса, выростали многочисленные ряды интеллигенціи, умственныхъ рабочихъ. Азіатскій режимъ и господство кулака не могли удовлетворить передового общества: ему преподносились слишкомъ ужъ простыя явства, а кулакъ наносилъ интеллигенту однѣ лишь обиды. Русская передовая интеллигенція въ 70—хъ г. г. широко начинаетъ воспринимать западно-еврепейскій соціализмъ.

„Всѣ плоды гигантскаго развитія производительныхъ силъ присваиваются относительно небольшимъ числомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ... Классъ капиталистовъ становтся въ рѣзкое противорѣчіе съ обществомъ".

Никто не оказался столь воспріимчивымъ къ этимъ положеніямъ марксизма, являющимся еще до сихъ поръ аксіомами въ соц.-д.-хъ программахъ, какъ народники-соціалисты. Русскіе народники такъ глубоко и послѣдовательно продумали эти аксіомы, что въ результатѣ получился полнѣйшій абсурдъ и извѣстныя народническія утопіи „о мертворожденности капитализма въ Россіи."

„Увеличеніе потребленія", поясняетъ В. В. соц.-дем.-скую аксіому: „совершается только въ средѣ кучки богатѣющихъ

фабрикантовъ и аферистовъ всякаго рода.“ (Судьбы капитализма, стр. 15)

„Кучка фабрикантовъ и землевладѣльцевъ, командующихъ среди необъятнаго пространства (напр. Россiи), представляетъ до того нелѣпую и безобразную картину,... что мы должны отвергнуть... необходимость для каждой страны достигнуть развитiя общественной формы труда непремѣнно капиталистическимъ путемъ“ (тамъ же ст. 21).

Научный соцiализмъ постоянно проповѣдуетъ:

„Капиталъ все болѣе становится общественной силой, которая, какъ вещь и какъ власть капиталиста при помощи этой вещи, противопоставляется обществу. Противорѣчiе становится все болѣе вопiющимъ и подразумѣваетъ уничтоженiе этихъ отношенiй“. (Кап., III)

Это безошибочное познанiе Николай-онъ поясняетъ такъ:

„Это совершенно равносильно тому,... когда общество, видя разрушительное влiянiе обезлѣсенiя, сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр., не можетъ оставаться равнодушнымъ и относиться „объективно“ къ разрушительному проявленiю стихiйныхъ силъ, а стремится урегулировать проявленiе ихъ настолько, чтобы онѣ не оказывали разрушительнаго влiянiя“.

Сводя господствующiе классы къ „горсти“, которая въ Россiи оказывалась настолько меньше, насколько не развился еще классъ капиталистовъ, западно-европейскiй соцiализмъ позволялъ объединить все остальное населенiе Россiи въ такую цѣльную массу, которая представлялась враждебной по отношенiю къ имѣющему, по теорiи, только наступить господству капиталистическихъ эксплуататоровъ и которая являлась „единымъ русскимъ народомъ“, неразъединеннымъ никакими имущественными неравенствами, тѣмъ самымъ демократическимъ народомъ, борьба котораго на Западѣ, подъ руководствомъ буржуазныхъ демократовъ, вручала господство передовому буржуазному обществу.

Задавшись цѣлью свести дѣло пролетарiата, дѣло захвата имъ имущества владѣющихъ классовъ, къ дѣлу преобразованiя способа производства, западно-европейскiй соцiализмъ внушилъ русскимъ соцiалистамъ мысль о томъ, что всѣ бѣды на Западѣ проистекаютъ изъ того, что люди тамъ трудятся врозь, а не ассоцiацiями, что въ этомъ отношенiи Россiя счастливѣе вслѣдствiе своей отсталости, вслѣдствiе того, что въ ней удержалось первобытное коммунистическое владѣнiе землею, что эту форму владѣнiя остается лишь развить въ соцiалистическое производство. И научный соцiализмъ не только не возставалъ противъ всѣхъ утопическихъ выводовъ, а напротивъ одобрялъ ихъ и припоминалъ, что Россiя можетъ „лишиться самаго прекраснаго случая, который когда-либо предоставляла народу исторiя, чтобы избѣжать всѣхъ перипетiй капиталистическаго строя“. (Изъ письма Маркса въ Отеч.Зап.)

Научному соцiализму никогда, до окончательнаго пораженiя народниковъ - революцiонеровъ, и въ голову не приходило призывать ихъ къ тому, чтобы поднять въ Россiи знамя пролетарiата. Онъ такъ же, какъ и народники, былъ убѣжденъ въ томъ, что въ Россiи къ тому времени пролетарiй еще не народился. Когда передъ бунтарями - народниками, вопреки ихъ волѣ и ожиданiямъ выростали рабочiе баталлiоны въ крупныхъ центрахъ, научный соцiализмъ и не думалъ объяснять имъ, что это и есть та переворотная сила, которой революцiонеръ никакъ не могъ открыть въ Россiи, что это и есть тотъ классовой интересъ, который ведетъ къ революцiи и къ которому и должно свести все движенiе. Нѣтъ, эта сила все должна была выступать какъ частица „единаго соцiалистическаго народа“, не смѣющая разрывать его и долженствующая подчиняться волѣ „единаго народа“ до тѣхъ поръ, пока онъ не потерпитъ окончательнаго фiаско.

Коммунизмъ Маркса не предохранилъ пролетарiя въ эпоху Февральской революцiи отъ того, чтобы онъ не былъ обманутъ буржуазiей. Скорѣе онъ создалъ возможность этого, опредѣляя коммунистамъ задачу завоеванiя демократiи и соединенiя демократическихъ силъ.

По отношенiю къ прошлому движенiю въ Россiи научный соцiализмъ допустилъ и одобрилъ попытку образованнаго общества достигнуть своей свободы и господства путемъ борьбы „единаго народа“, незнающаго пролетарiевъ, благодаря существованiю общины, этого по признанiю царскихъ министровъ (Витте) „оплота самодержавiя и противовѣса противъ переворотныхъ стремленiй“.

Русскiе соц.-д.-ы начали свое дѣло тѣмъ, что разбили народническую утопiю. Но они пришли къ отрицанiю ея такимъ же путемъ, какъ и народовольцы, народоправцы и современная интеллигенцiя вообще, т. е. они познали въ народничествѣ его „вредныя для освободительнаго движенiя предразсудки“, — и только. Соц.-д.-ы осудили народническiе предразсудки, какъ таковые, какъ слѣдствiе недомыслiя и заблужденiя. Они не понимали что такого рода предразсудки существуютъ не только въ силу человѣческаго незнанiя, а прежде всего въ силу интересовъ руководящихъ привиллегированныхъ классовъ, у которыхъ и нѣтъ другой возможности господствовать надъ волею массъ, какъ только при помощи внушаемыхъ имъ предразсудковъ. Уничтожая народническiе предразсудки, какъ таковые, соц.-д.-ы не вскрыли классового интереса, создавшаго ихъ, и потому дали возможность этому интересу, по отреченiи отъ старой народнической утопiи, создать новую, болѣе соотвѣтствующую видоизмѣнившимся условiямъ; такимъ образомъ, марксисты сами сдѣлались выразителями новаго „ученiя“, необходимаго для непознанной ими общественной силы, выступавшей раньше подъ видомъ народничества. Эта непознанная сила — интересъ привиллегированныхъ „наемниковъ“, состоящiй въ томъ, чтобы растущая нацiональная прибыль не оставалась въ рукахъ „горсти магнатовъ“, а „справедливѣе“ распредѣлялась по всѣмъ карманамъ образованнаго общества.

Стремленіе русскаго образованнаго общества — не давать растущей безпрерывно прибыли сосредоточиваться въ рукахъ „горсти“ и охраняющаго ее абсолютизма — создало народническую утопію и всѣ ея „предразсудки“, имѣющіе цѣлью вывести на борьбу за интересы образованнаго общества „единый русскій соціалистическій народъ“. Утопія состояла въ томъ, что интересъ интеллигенціи, которая живетъ на счетъ эксплуатаціи рабочаго класса и стремится установить въ полномъ размѣрѣ это свое право въ классовомъ строѣ, былъ признанъ силой соціалистической, желающей гибели классовому строю. И вотъ эту утопію марксизмъ исповѣдуетъ до сихъ поръ въ полномъ ея размѣрѣ, не смотря на то, что уничтожилъ народническіе предразсудки. Хотя соц-д.-ія и принуждена признать, что, съ развитіемъ капиталистическаго строя, интеллигенція пытается отказаться отъ революціи, или, какъ говоритъ Каутскій, образованный пролетаріатъ становится „вслѣдствіе своей разрозненности неспособнымъ къ борьбѣ съ капитализмомъ“, но не смотря на это, по основному марксистскому положенію (знанія есть рабочая сила), интеллигенція не причастна къ эксплуатаціи. Марксизмъ, такимъ образомъ, обезпечилъ интеллигенціи полный просторъ для внушенія рабочему классу своихъ стремленій, въ видѣ безошибочныхъ аксіомъ научнаго соціализма.

Вотъ почему Манифестъ Р. С. Д. П. съ полнымъ правомъ могъ сказать о русской соц.-д.-іи, что она продолжаетъ прежнее соціалистическое движеніе. Сила обуздывающая соціальную революцію, — непознанная, — господствуетъ, въ настоящее время не менѣе, чѣмъ въ эпоху народничества. Тогда она обуздывала переворотную, революціонную силу — пролетарское движеніе подъ предлогомъ невозможности въ Россіи капитализма, въ настоящее время она обуздываетъ ее подъ предлогомъ недоразвитія русскаго буржуазнаго строя.

Народничество разъ навсегда отрѣзало прошлому революціонному движенію всякій путь къ тому, чтобы оно перешло въ непосредственную революціонную борьбу русскаго пролетарія. Въ эпоху послѣдовавшей затѣмъ реакціи оно удерживало всѣми силами русскаго революціонера отъ всякаго соприкосновенія съ пролетаріемъ при помощи страшнаго обвиненія въ отреченіи отъ идеаловъ отцовъ. Въ настоящее время марксизмъ не позволяетъ пролетарію даже призадуматься о непосредственномъ своемъ стремленіи къ соціальному перевороту, доказывая всею силою своего научнаго авторитета неосуществимость подобнаго стремленія въ современной Россіи и необходимость предварительной парламентской выучки.

Революціонная интеллигенція 70-хъ г. г. могла призывать къ революціи, къ всенародному возстанію, къ низверженію государственной власти и установленію вмѣсто нея свободной, неимѣющей съ властью существующей ничего общаго—народной воли, могла отвергать всякіе либеральные палліативы и компромиссы и отрекаться отъ оффиціальнаго общества, могла доводить свою борьбу до крайнихъ предѣловъ, потому что народилась она, какъ

отрицаніе пролетарской борьбы, только потому, что предохранила себя отъ пролетарской революціи всей народнической утопіей. Но стоило только русскимъ революціонерамъ отречьс отъ этой народнической утопіи и признать движеніе рабочаго класса въ Россіи единственной революціонной силой, какъ весь демократическій революціонизмъ народника, стремившагося къ немедленному общественному перевороту, моментально, въ силу интересовъ образованнаго общества, переродился въ соц.-дем.-кій поссибилизмъ.

Послѣ признанія дѣйствительной переворотной силы—пролетарскаго интереса — интересы образованнаго общества, его освобожденіе не можетъ быть иначе достигнуто, какъ только установленіемъ этаповъ пролетарской борьбы. Рабочему нужно внушить безошибочную истину научнаго соціализма, что для его освобожденія необходима такая ступень общественнаго развитія, которая для образованного общества означала бы достиженіе имъ своего господства.

Въ моментъ зарожденія русскаго соц.-дем.-изма, въ русской Польшѣ существовала партія „Пролетаріата“. Она, исходя изъ марксистскаго ученія, пыталась выразить рабочую борьбу въ революціонныхъ формахъ, не устанавливая переходныхъ ступеней политическаго развитія, она пропгандироваала захватъ власти рабочимъ классомъ, не принимая въ разсчетъ національныхъ рамокъ.

По мнѣнію русскихъ соц.-д.-овъ, это направленіе никоимъ образомъ не могло быть союзникомъ для русскаго марксизма. Плехановъ нападаетъ на партію „Пролетаріата“ за ея зловредный бланкизмъ, т. е. по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ теперь Бернштейнъ нападаетъ на Плеханова. Даже то обстоятельство, что „польскіе бланкисты“ назвали свой органъ органомъ *международнаго соціализма*, свидѣтельствовало, по мнѣнію Плеханова, объ ихъ доктринерствѣ и пренебреженіи къ рамкамъ отдѣльныхъ государствъ. Завоеваніе пролетаріатомъ политической власти нельзя толковать такимъ образомъ, что рабочіе своею революціонною организаціей, независимо отъ національныхъ рамокъ достигнутъ господства надъ государственною машиною. Нѣтъ, соц-д-ое завоеваніе политической власти для пролетаріата достигается въ отдѣльныхъ странахъ, а именно: 1) завоеваніемъ демократіи и всѣхъ переходныхъ политическихъ ступеней и 2) постепеннымъ политическимъ воспитаніемъ рабочихъ массъ въ парламентской школы для ихъ господства. Партія „Пролетаріатъ“ въ Польшѣ, какъ незаконорожденный видъ марксизма, не освободившійся отъ бланкистскихъ идей, должна была погибнуть. Къ травлѣ, которой подвергся „Пролетаріатъ“ за свой „космополитизмъ“ со стороны всего шовинистскаго польскаго общества, присоединились нападки первыхъ русскихъ марксистовъ, повидимому, за тотъ же космополитизмъ.

Зато, какъ радостно встрѣтили русскіе марксисты польскихъ соц-д-овъ, мечтающихъ о тред-юніонистскомъ движеніи въ русской Польшѣ! Когда же къ соц.-д.-му движенію польскіе патріоты при-

соединили свой лозунгъ: „возстановленіе Польши отъ моря до моря“ и движеніе стало строго соблюдать національныя рамки, тогда оно сразу было признано настоящимъ польскимъ марксизмомъ и только тогда завоевало у Плеханова полное одобреніе и благоволеніе.

Все ученіе народниковъ о положеніи капитализма, хотя и было осмѣяно, однако не исчезло, а послужило въ рукахъ соц.-д.-іи доказательствомъ недоразвитости русскаго капитализма и слѣдующей отъ сюда необходимости переходныхъ ступеней экономическаго и политическаго развитія.

Соц.-д.-ія въ лицѣ „Группы Освобожденія Труда“ надѣялась еще, что достаточно одной проповѣди въ рабочихъ организаціяхъ необходимости конституціоннаго строя для русскаго пролетаріата, чтобы было продолжено революціонное движеніе и террористическая борьба. Когда эта надежда обманула, что было для соц.-д.-іи доказательствомъ неспособности русскаго рабочаго отозваться прямо на проповѣдуемый ему соціализмъ и нужную для его осуществленія политическую свободу, соц.-д.-ія приступаетъ къ систиматическому воспитанію рабочихъ въ духѣ соціализма. Но и изъ этой работы не получилось политическаго движенія рабочихъ; въ результатѣ кропотливой работы получились отдѣльные рабочіе, воспитанные въ такихъ же интеллигентовъ какъ и соц.-д.-іе пропагандисты, т. е. оторванные отъ рабочей массы и не оказывающіе на нее никакого вліянія. Тогда русская соц-д-ія (см. брош. „Объ Агитаціи“), ставящая себѣ задачею развить сознаніе рабочихъ о необходимости политической свободы, познала необходимость предварительно *„заинтересовать рабочихъ въ политикѣ“*, развивая борьбу за ихъ насущныя нужды, борьбу, которая тутъ же столкнется съ полиціей и правительствомъ и покажетъ рабочимъ наглядно, насколько невозможно болѣе значительное завоеваніе при существованіи абсолютизма. Такъ какъ борьба за нусущныя нужды рабочаго есть такимъ образомъ лишь средство для того, чтобы „заинтересовать“ его въ политикѣ, то очевидно, дѣло пойдетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ мельче требованія рабочихъ, чѣмъ они понятнѣе для маасы, чѣмъ справедливѣе въ глазахъ всякаго человѣка.

Всѣ эти фазы развитія русской соц.-д.-іи отражаются въ собственной головѣ ея въ очень интересномъ видѣ. Марксистская интеллигенція всегда, конечно, желала достинуть для рабочаго класса *всего что было можно*. Кто могъ бы въ этомъ сомнѣваться? Всѣ трудности, какія она встрѣчаетъ при своихъ усиліяхъ овладѣть рабочимъ движеніемъ и направить его въ сторону, желательную для себя, т. е. для „умственнаго рабочаго“, представляются ей, какъ суровая экономическая дѣйствительность, какъ недоразвитость капитализма, влекущая за собой невѣжество рабочихъ, и все болѣе внушаютъ ей убѣжденіе въ необходимости *постепеннаго* развитія буржуазнаго строя.

Наконецъ, соц.-д.-ія въ Россіи достигаетъ цѣли и Лондонскій конгрессъ, выслушавъ отчетъ о петербургской стачкѣ, провозглашаетъ, что русскій пролетаріатъ проснулся. Но вѣдь стачечное

рабочее движеніе давнымъ давно существуетъ въ Россіи. Почему же только Петербургская стачка 1896 г. могла засвидѣтельствовать фактъ пробужденія русскаго пролетарія? Рабочее движеніе 70-хъ г. г. могло свидѣтельствовать лишь о томъ, что русскій *народъ* проснулся, ибо пролетарію не разрѣшалось тогда существовать въ Россіи. Хотя стачки происходили и въ 80-хъ годахъ и въ началѣ 90-хъ, но онѣ не могли, однако, свидѣтельствовать о возникновеніи *классоваго* сознанія у русскихъ рабочихъ, ибо это сознаніе, олицетвореніемъ котораго служила, конечно, тогдашняя русская соц.-д.-ія, стачками вообще не интересовалось, а сводило въ то время все къ тому, что „первой задачей рабочаго движенія въ Россіи является борьба съ абсолютизмомъ“. (Проэктъ программы 85 г., цит. по Аксельроду).

Русская соц.-д.-ія, опредѣлившая такимъ образомъ, сообразно интересамъ интеллигенціи моментъ и форму пробужденія русскаго пролетаріата, — выдаетъ это дѣло своихъ рукъ за неумолимые законы капиталистическаго развитія, создавая себѣ одновременно возможность выставлять всѣ дальнѣйшія перспективы рабочаго движенія (парламентская школа), какъ такую же законосообразную, неумолимую неизбѣжность.

* * *

По скольку русская соц.-д.-ія встрѣчала непреодолимыя трудности въ „невѣжествѣ русскихъ рабочихъ“, постольку она все болѣе и болѣе чувствовала свою побѣду надъ мыслью русской интеллигенціи. Препятствіемъ служили лишь пагубные народническіе предразсудки, которые такъ трудно было вытравить изъ умовъ передового общества. Но соц.-дем.-ія была увѣрена, что разъ это удалось, ея господство надъ мыслью радикальнаго общества обезпечено, цѣлыя массы русской интеллигенціи сдѣлаются чисто - марксистскими, а стало быть, и сразу чисто - пролетарскими. Истребленіе народническихъ предразсудковъ являлось первою обязанностью и этому дѣлу нужно было помогать всѣми силами, помогать безусловно, кѣмъ и какъ это истребленіе ни производилось бы. Поэтому, когда „Критическія Замѣтки“ подали сигналъ къ нападенію на народниковъ, ортодоксы - марксисты даже и не предполагали, что имъ нужно бы позаботиться объ „отдѣленіи пролетарскихъ интересовъ“ отъ интересовъ г. Струве. Такимъ образомъ, публицистъ, которому вскорѣ предстояло самымъ безцеремоннымъ образомъ лягнуть ногой весь „діалектическій матеріализмъ“, теорію трудовой стоимости и всѣ другія „доктринерскія ученія ортодоксіи“, сдѣланъ былъ, по переведеніи его на „строго-классовую точку зрѣнія“, отцомъ современнаго русскаго марксизма.

Русскій марксизмъ, благополучно миновавъ всѣ ошибочныя формы марксизма, въ родѣ марксистскаго бланкизма партіи „Пролетаріата“, счастливо достигъ своего настоящаго, безошибочнаго выраженія. И оказалось, что это безошибочное выраженіе — не подпольная революціонная доктрина, а оффиціальное теченіе передовой русской публицистики и науки, способное развить всѣ свои основныя положенія на глазахъ царскихъ цензоровъ.

Марксизмъ, по изслѣдованію Струве, есть прежде всего объективная истина, свѣтомъ которой могутъ и должны пользоваться, какъ затѣмъ сказалъ Novus (тотъ же Струве) въ „Нов. Словѣ", различные общественные интересы.

„Можно быть марксистомъ, не будучи соціалистомъ.... Прогнозъ Маркса для марксиста-ученаго необязателенъ"... Напротивъ, „марксизмъ подрѣзываетъ крылья пламеннымъ мечтаніямъ соціализма". (Крит. Зам.)

Вотъ по какимъ мотивамъ сдѣлался Струве отцомъ русскаго марксизма. Такой марксизмъ съ безпощаднымъ реализмомъ доказываетъ одно основное положеніе, которымъ заканчивается книга, что на русской почвѣ „обобществленіе труда большая утопія, нежели крѣпостное право". Выводъ этотъ скоро подтвердилъ и ортодоксъ Бельтовъ, поучая, что въ Россіи нѣтъ никакой „фактической внутренней силы, способной сдвинуть ее съ того пути, на который она вступила въ 61 г."(стр 257). Этимъ поученіемъ не столько, конечно, была поражена народническая утопія, сколько было обрадовано и успокоено все русское господствующее общество.

Изъ строго научнаго марксизма Струве слѣдуетъ, что всѣ бѣдствія Россіи проистекаютъ изъ недоразвитія въ ней капитализма, изъ бѣдности страны. Повальныя голодовки являются результатомъ того, что русскій „крестьянинъ производитъ очень мало хлѣба", примѣняя первобытныя орудія. Необходимо развитіе земледѣльческой культуры, которая будетъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія для всего русскаго крестьянства. Въ сравненіи съ рессурсами страны, съ „емкостью ея территоріи", слишкомъ недостаточною, благодаря существованію натуральнаго хозяйства, въ Россіи слишкомъ силенъ ростъ населенія, и, какъ его неизбѣжный результатъ, является перенаселеніе, котораго никоимъ образомъ нельзя признать капиталистическимъ перенаселеніемъ. (Основному закону Мальтуса Марксъ, по изслѣдованію Струве, вовсе не противорѣчитъ.)

Такъ какъ „соціальный прогрессъ" неизбѣжно слѣдуетъ за „экономическимъ", то основнымъ указаніемъ для „разумной политики" должно быть слѣдующее: „Изъ капиталистической бѣдной страны Россія должна сдѣлаться богатой капиталистической страной и авторъ всею своею книгою противополагаетъ народническимъ планамъ направленія политики сообразно самобытнымъ основамъ, свою политику западничества, безусловной европеизаціи Россіи.

Ортодоксъ Тулинъ въ „Матеріалахъ" взялся доказать, что всѣ недоразумѣнія, которыя вызываютъ „Критическія Замѣтки", проистекаютъ изъ того, что авторъ не договариваетъ своихъ положеній, въ основѣ своей, несомнѣнно, марксистскихъ. До основныхъ выводовъ Струве о желательности и законности капитализма можно дойти и не сходя съ консеквентной классовой точки зрѣнія. И вотъ Тулинъ „договариваетъ до конца", „дополняетъ" мысли Струве, такъ чтобы въ результатѣ получилась изъ нихъ ужъ несомнѣнная „идеологія безхозяйнаго производителя". На

примѣръ, требуется доказать, что безусловно нужно стремиться къ прогрессу земледѣльческой культуры. Нельзя говорить, что она благодѣтельна для „крестьянства", ибо крестьянство состоитъ изъ двухъ классовъ, изъ сельской буржуазіи и пролетаріевъ экспропріируемыхъ „однолошадныхъ". Первой нечего показывать благодѣтельность капиталистическаго прогресса; что касается вторыхъ, то съ классовой точки зрѣнія слѣдуетъ сказать такимъ образомъ: этотъ прогрессъ для нихъ желателенъ, ибо дѣлая изъ нихъ „вольныхъ какъ птица пролетаріевъ", онъ проясняетъ ихъ умъ („и его идеолога-народника") и раскрываетъ передъ нимъ дѣйствительныя общественныя отношенія.*) И вообще желательность и законность капитализма нужно доказывать не ради его самого, а ради того, что онъ создаетъ своихъ могильщиковъ и составляетъ предпосылку для болѣе совершеннаго общественнаго строя.

Въ первой части своей статьи Тулинъ, процитировавъ народника 78 г., который жалуется на то, что „народъ" сдѣлался либеральнымъ паспортомъ, съ горечью смѣется надъ безпомощностью народниковъ. Тулинъ не замѣчаетъ, что всею своею статьею онъ создалъ лишь *марксистскій паспортъ* съ подробнымъ поясненіемъ, какъ можно имъ пользоваться. Отнынѣ всякій, кому желательна, по какимъ бы то ни было мотивамъ, „европеизація Россіи" и „капитализмъ", свободно можетъ заявлять, что ему это нужно только, какъ „предпосылка коммунистическаго строя".

Струве, получивъ надежное свидѣтельство того, что классовая точка зрѣнія и идеологія „безхозяйнаго производителя" въ Россіи состоитъ въ томъ, чтобы „дополнять" его (Струве) ученіе, по которому мужикъ голодаетъ потому, что мало производитъ хлѣба, а сильно размножается, рѣшилъ смѣло и консеквентно „стать на классовую точку зрѣнія". Въ своемъ отвѣтѣ: „Моимъ Критикамъ", слѣдующемъ за статьей Тулина въ тѣхъ же „Матеріалахъ", онъ принялъ окончательно точку зрѣнія „безхозяйнаго производителя", причемъ не понадобилось исключать ни одного изъ основныхъ положеній „Критическихъ Замѣтокъ". Такъ въ своемъ отвѣтѣ критикамъ онъ еще разъ заявляетъ, что „производство недостаточно по отношенію къ растущему

---

*) Не мѣшало бы Тулину ближе разсмотрѣть положеніе превращающихся въ „вольныхъ, какъ птица", пролетаріевъ, тѣмъ болѣе, что они чаще всего становятся таковыми въ видѣ босяковъ и люмпенпролетаріевъ, которыхъ Тулинъ, какъ марксистъ, несомнѣнно, не долюбливаетъ. Что касается „идеологовъ-народниковъ", то Тулинъ до сихъ поръ еще не видитъ въ ихъ народническомъ упорствѣ *интересовъ* и предполагаетъ, что благородный умъ русскихъ профессоровъ и публицистовъ помрачался, къ несчастью, народническими предразсудками только потому, что дѣйствительно слишкомъ мало въ Россіи „вольныхъ, какъ птица пролетаріевъ", до того мало, что многимъ русскимъ идеологамъ совсѣмъ нѣтъ возможности замѣтить ихъ существованіе.

населенію“, .. что „крестьянство раззоряетъ не капитализмъ, а техническая нераціональность земледѣлія“, и прибавляетъ, что „объяснять фактъ перенаселенія классовымъ расчлененіемъ было бы совершенно противно духу ученія Маркса“.

Струве сталъ на классовую точку зрѣнія, и всѣ марксисты въ Россіи пришли къ согласію въ вопросѣ о причинахъ русскихъ повальныхъ голодовокъ: въ нихъ совершенно не виновенъ капиталистическій классовой строй. Даже въ отчетѣ русскихъ соц.-д.-овъ Лондонскому конгрессу говорилось между прочимъ, что совершенно реакціонно видѣть причину русскихъ голодовокъ въ развитіи капиталистическаго строя. Обстоятельное объясненіе голодовокъ „съ классовой точки зрѣнія“ мы находимъ въ сентябрьской книжкѣ „Новаго Слова“.

„Одни, какъ Николай -онъ“, говорится тамъ: „видятъ причину упадка крестьянскаго хозяйства въ развитіи капиталистической формы производства вообще и въ области земледѣлія, въ частности. Какъ будто капитализмъ создалъ тѣ отсталые способы производства, ту рюриковскую еще соху, которая во всей неприкосновенности унаслѣдована нами отъ крѣпостнаго права. Какъ будто капитализмъ былъ причиной той экспропріаціи крестьянства, которая легла въ основу освободительнаго акта. Какъ будто капитализмъ создалъ тотъ ростъ населенія, который обозначается въ нашей литературѣ — довольно эвфемистически — именемъ малоземелія, и который побуждаетъ земледѣльческое населеніе бѣжать изъ своихъ домовъ, куда глаза глядятъ: въ городъ, на фабрику, въ Сибирь. Мы имѣемъ здѣсь частью естественныя причины (ростъ населенія), частью историческія причины — наслѣдіе крѣпостного права, которыя предстоитъ осилить еще развитію земледѣльческаго капитализма... Россію тогда перестанутъ посѣщать голодовки, когда она станетъ страной настоящаго развитого капитализма и утратитъ образъ и подобіе „натурально - хозяйственной страны“. (стр. 268 - 269).

Еслибъ редакторы „Новаго Слова“, которые говорятъ о себѣ въ той же статьѣ, что для нихъ рѣшающимъ моментомъ являются интересы „представителей труда т. е. городского и сельскаго пролетаріата“, если бы они развивали свою неоцѣнимую дѣятельность на Западѣ, то они, вѣроятно, сказали бы въ духѣ вышеприведеннаго: Какъ будто капитализмъ оставляетъ при жизни домашнюю промышленность съ ея устарѣлыми орудіями. Какъ будто капитализмъ создалъ тотъ ростъ населенія, который даетъ излишекъ, не находящій себѣ работы и помѣщающійся, по необходимости, въ рабочихъ домахъ, тотъ избытокъ населенія, который въ Италіи приведенъ къ отчаянному положенію, доводящему его до бунтовъ. Пусть читатель не думаетъ, что мы дѣлаемъ слишкомъ рискованныя предположенія. Итальянскіе корреспонденты Neue Zeit доказываютъ во многихъ статьяхъ этого органа, что отчаянное положеніе итальянскихъ рабочихъ массъ — результатъ не капитализма, а его недоразвитія.

Для „настоящаго“ марксиста „капитализмъ“ не есть современный капиталистическій строй, а нѣчто идеальное — „крупная капиталистичская промышленность“ сама по себѣ, вся же остальная общественная жизнь, внѣ ея совершающаяся, характеризуется некапиталистическими отношеніями. Очевидно, народники, обособлявшіе капиталистическое производство отъ народнаго производства, создали своеобразнымъ путемъ предпосылку для „настоящаго марксиста“, и ихъ научные труды пригодились.

Но настоящіе марксисты не всегда бываютъ такъ наивны, какъ въ вышеприведенныхъ словахъ, гдѣ приходится отвѣчать на такой щекотливый вопросъ, какъ — кто виновникъ русскихъ повальныхъ голодовокъ. Въ другихъ случаяхъ они, конечно, умѣютъ думать реальнѣе. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. г. Струве въ статьяхъ „Научнаго Обозрѣнія“ противъ Ильина, обращаютъ вниманія своихъ товарищей не важный вопросъ, *достаточно ли рабочихъ рукъ* имѣетъ для своего развитія русскій капитализмъ, ибо отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ рѣшеніе другой проблемы, нужны ли Россіи внѣшніе рынки. Струве рѣшаетъ послѣднюю въ томъ смыслѣ, что настоящее положеніе русскаго крестьянства вполнѣ замѣняетъ внѣшній рынокъ, доставляя капитализму достаточное число рабочихъ рукъ освобожденіемъ излишняго земледѣльческаго населенія.

Стало быть, всѣ тѣ условія, которыя статья „Новаго Слова“ выставляетъ, какъ причины русскихъ голодовокъ: „малоземелье чрезмѣрность населенія, бѣгство въ городъ, на фабрику, въ Сибирь“, составляютъ необходимую потребность русскаго капитализма, не недоразвившагося капитализма, а того идеальнаго капитализма, за который стоитъ „Новое Слово“. При отсутствіи внѣшнихъ рынковъ, эти недоразвившіяся условія просто спасеніе для капиталистическаго прогресса. Эти условія счастье и для г. Струве въ томъ смылѣ, что не будь ихъ, онъ окончательно согласился бы съ Ратнеромъ въ необходимости внѣшняго рынка и признавая недостатокъ рабочихъ рукъ въ Россіи, въ согласіи со всѣмъ патріотическимъ русскимъ обществомъ, указывалъ бы кому слѣдуетъ на настоятельную необходимость массового привлеченія трудолюбивыхъ кули, къ русской промышленности. Такимъ образомъ, тѣ народныя бѣдствія, которыя доводятъ до повальныхъ голодовокъ, есть явленіе неразлучное съ капиталистическимъ прогрессомъ въ Россіи.

„Избавленія отъ нихъ (голодовокъ) можно ждать, говоритъ „Новое Слово“... только отъ дальнѣйшаго развитія капитализма, которое обозначаетъ и развитіе производительныхъ силъ, т. е. ростъ производительности земледѣльческаго труда, который теперь не въ состояніи прокормить земледѣльца“. (тамъ же стр. 270).

„Настоящіе“ марксисты съ помощью формулъ научнаго соціализма производятъ такой туманъ, гдѣ явленія, смыслъ которыхъ ясенъ даже для ребенка, обращаются на пользу всеспасительнаго капиталистическаго прогресса.

Если остановиться на томъ вопросѣ, въ состояніи-ли трудъ современнаго русскаго „земледѣльца“ прокормить его самого, то, прежде всего, конечно, увидишь тотъ фактъ, что Россія это страна, вывозящая хлѣбъ. Россія вывозитъ хлѣбъ и во время повальныхъ голодовокъ, т. е. „Россія“ заявляетъ, что если сотни тысячъ русскихъ земледѣльцевъ, не имѣя хлѣба, умираютъ съ голоду, то это еще не значитъ, что она произвела меньше хлѣба, чѣмъ ей нужно; напротивъ, въ то время, когда тысячныя массы русскихъ „земледѣльцевъ“ по недостатку хлѣба, гибнутъ съ голоду, у „Россіи“ имѣется излишекъ хлѣба, который она должна обмѣнять на другой видъ богатства, такой, въ которомъ „Россія“ дѣйствительно нуждается. Какое же это богатство и кто его потребитель? Вотъ для того, чтобы русская „мыслящая личность“ не слишкомъ безпокоилась разсмотрѣніемъ смысла „народныхъ бѣдствій“, „настоящій марксизмъ“ создаетъ слѣдующую извѣстную, успокаивающую совѣсть „мыслящей личности“ формулу: цѣлью капиталистическаго производства является не потребленіе, а производство, развитіе производительныхъ силъ, которое только и создастъ для будущаго возможность болѣе справедливаго общественнаго строя.

„Настоящій марксизмъ“ забываетъ прежде всего, что капиталистическій строй есть строй классовой, въ виду чего только призванная оправдать этотъ строй наука можетъ говорить объ одномъ общественномъ, національномъ потребленіи. И даже такія ужасы, какъ русскія голодовки, не въ состояніи напомнить ему о томъ основномъ законѣ классового господства, который прежде всего установилъ на всѣ времена классового строя два вида „общественнаго потребленія“ — потребленіе эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Этотъ законъ состоитъ въ слѣдующемъ: *Во всякой формѣ классового строя производство имѣетъ цѣлью потребленіе господствующихъ классовъ.* Капиталистическая форма, доводя классовое господство до его апогея, доводитъ этотъ законъ до его совершенства. И тамъ, гдѣ до апогея доходятъ сами „капиталистическія противорѣчія“, т. е. въ Россіи, этотъ законъ обнаруживается въ видѣ такихъ ужасовъ, какъ повальныя русскія голодовки.

Согласно этому закону раньше, чѣмъ сохранить жизнь массы рабовъ, рабочую силу, нужно удовлетворить всѣ прихоти всѣхъ призванныхъ къ господотву, т. е. всего благовоспитаннаго общества.

Два міра, которые создавалъ этотъ законъ на всемъ протяженіи историческаго развитія классового господства, здѣсь проявляются въ наиболѣе совершенномъ видѣ. Въ одномъ изъ нихъ, въ мірѣ большинства, обреченнаго на рабство физическаго труда, человѣкъ, — какъ будто и не существовало всей вѣковой борьбы съ природой, — живетъ въ безвыходномъ и болѣе отчаянномъ положеніи, нежели дикарь на первой ступени общественной жизни. Другой изъ этихъ двухъ міровъ — высшее интеллигентное общество, отдѣляетъ себя отъ перваго такъ основательно, такою все болѣе углубляющеюся пропастью, что иногда ему кажется, будто тотъ со всѣми своими ужасами помѣщенъ совсѣмъ не на земномъ шарѣ. Здѣсь всѣ человѣческія завоеванія, все человѣческое знаніе служатъ для того, чтобы удовлетворять самымъ утонченнымъ, самымъ прихотливымъ потребностямъ „мыслящей личности“.

При сравненіи Россіи съ Западомъ не трудно, конечно, констатировать недоразвитіе Россіи. Но „настоящій марксизмъ“ вообразилъ, что познаніе этого недоразвитія недоступно уму обыкновенныхъ смертныхъ, что оно достояніе лишь „пролетарскихъ идеологовъ“ — марксистовъ. Представляя себѣ всѣ руководящіе классы въ тискахъ народническихъ предразсудковъ, онъ воображаетъ иногда, что его лозунгъ „европеизація Россіи“ есть нѣчто такое, о чемъ никто никогда въ Россіи и не думалъ, откуда и проистекаютъ всѣ бѣдствія его „родины“. Онъ увѣренъ поэтому, что этотъ лозунгъ есть само „рѣшеніе соціальнаго вопроса“ въ Россіи, совершенно забывъ, въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ.

Ему совершенно въ голову не приходитъ, что русскій „соціальный вопросъ“ заключается именно въ томъ, почему такая прекрасная вещь, какъ „европеизація Россіи“, которой желаютъ, конечно, всѣ русскіе патріоты, можетъ осуществляться лишь путемъ ежегоднаго поголовнаго умерщвленія тысячъ человѣческихъ существъ.

„Отъ повальныхъ голодовокъ Россія избавится лишь съ развитіемъ западно-европейской культуры“, учитъ марксизмъ. Взглянемъ на „развитіе капиталистической культуры“ съ той стороны, куда не допускаютъ насъ марксистскіе шаблоны. Развитіе въ Россіи капиталистической культуры предполагаетъ развитіе въ Россіи отечественной науки, познаніе этою наукою всѣхъ натуральныхъ богатствъ страны и примѣненіе къ ихъ эксплуатаціи всѣхъ изобрѣтеній новѣйшей техники, стало быть пріобрѣтеніе русской націей соотвѣтствующихъ знаній. Но распространеніе и пріобрѣтеніе знаній въ классовомъ строѣ совсѣмъ не есть распространеніе знаній между людьми вообще. Культура составляетъ исключительную собственность господстующаго общества, благодаря чему оно и господствуетъ. Пріобрѣтеніе и распространеніе знаній капиталистической наукой влечетъ за собой, поэтому, нѣчто прямопротивоположное открытію тайнъ природы для человѣка. Оно доводитъ лишь до высшей точки развитія классовое расчлененіе націи, — лежащее въ основѣ современнаго господства, — на господствующее образованное общество съ одной стороны и на обреченное на рабство физическаго труда большинство съ другой. Чѣмъ развитѣе капиталистическая страна, тѣмъ это расчлененіе ярче, рѣзче и нагляднѣе. Съ развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства для рабочаго, сводимаго имъ къ роли придатка къ машинѣ, само производство, построенное теперь на научной техникѣ, становится такою же тайною, какою всегда были для него абстрактныя философскія науки и всѣ мистеріи политики и управленія. Эта тайна доступна лишь образованному меньшинству и его потомству.

Развитіе капиталистической культуры означаетъ ростъ арміи умственныхъ рабочихъ — привиллегированныхъ наемниковъ государства, ростъ образованнаго общества, которое въ классовомъ строѣ и немыслимо въ иномъ видѣ, какъ только классъ привиллегированный, господствующій, пользующійся всѣми плодами развитія производительности національнаго труда.

Капиталистическая культура или его носитель, образованное руководящее общество, въ дѣлѣ упраздненія русскихъ повальныхъ голодовокъ, даже по достиженіи высокой степени развитія, можетъ сдѣлать вообще лишь то, что для части своихъ рабовъ, гибнущихъ нынѣ съ голоду массами, оно найдетъ такое производительное примѣненіе, которое удержитъ при жизни ихъ рабочую силу; остальную же часть, по образцу Западной Европы, оставитъ въ томъ же положеніи, въ которомъ она находится въ настоящее время, для созданія „необходимой капиталистическому прогрессу постоянной резервной промышленной арміи". Но раньше, чѣмъ сыграть даже эту столь скромную роль, капиталстическая культура предварительно создаетъ *паразита*, ибо образованное общество и не является на свѣтъ иначе, какъ въ образѣ привиллегированнаго слоя, и первой его общественной „услугой" является потребленіе національной прибыли. Привиллегія образованнаго общества на всѣхъ ступеняхъ національной жизни, во всѣхъ рангахъ его іерархической организаціи должна быть безусловно удовлетворена въ каждую минуту, независимо отъ того, сколько голодныхъ смертей она требуетъ.

Обезпеченіе этого паразитизма образованнаго общества — основнее назначеніе современнаго государства, основная его обязанность. Очевидно русскому абсолютизму удалось выработать достаточно удовлетворительную систему обезпеченія привиллегіи образованнаго общества, и что еще важнѣе, онъ обѣщаетъ въ будущемъ еще болѣе полное удовлетвореніе, ибо онъ, какъ могущественная держава вполнѣ основательно надѣется на громаднѣйшій ростъ національнаго дохода. Поэтому самое передовое, самое радикальное теченіе русской литературы, современный марксизмъ желающій дальнѣйшаго усовершенствованія этой системы обезпеченія, учитъ всѣхъ смотрѣть на народныя бѣдствія, на повальныя русскія голодовки, какъ на явленіе, въ которомъ никто не повиненъ и которое вытекаетъ изъ неумолимыхъ законовъ естественнаго развитія, какъ на явленіе, упразднить которое не въ состояніи никакія человѣческія усилія, а, стало быть, и никакіе бунты эксплуатируемыхъ массъ.

Радостное ощущеніе испытываемое образованнымъ обществомъ отъ роста національнаго дохода, т. е. отъ роста средствъ для его паразитнаго существованія, отражается въ головѣ его передовыхъ представителей, „настоящихъ марксистовъ", какъ безусловно желательное дальнѣйшее развитіе капитализма въ Россіи несмотря на повальныя голодовки. И подобно тому, какъ субъективисткіе марксисты - народники отмѣчаютъ тщательнѣйшимъ образомъ малѣйшую фразу, высказанную когда либо Марксомъ въ пользу того взгляда, по которому образованное общество въ состояніи

уничтожить „противорѣчія капиталистическаго строя", а русское общество въ частности, можетъ ихъ предотвратить, подобно тому „настоящіе марксисты" не прозѣвали у „учителя" ни одной строчки, которая можетъ служить доказательствомъ законности капитализма.

Наряду со Струве, другимъ родоначальникомъ „настоящихъ марксистовъ" явился Туганъ - Барановскій; ему и принадлежитъ честь того открытія, что ученіе Маркса о распредѣленіи національнаго продукта, разсмотрѣнное нами въ предыдущихъ главахъ, можетъ служить прекраснѣйшимъ средствомъ успокоенія совѣсти русской „мыслящей личности" тревожимой повальными голодовками.

Разсмотрѣвъ различныя теоріи, стремящіяся раскрыть причину промышленныхъ кризисовъ, Туг. - Барановскій рѣшительно отвергаетъ тѣ, которыя видятъ эту причину въ недостаточномъ потребленіи массъ, и склоняется въ сторону ученія Сея и Рикардо, согласно которому общее перепроизводство немыслимо, а излишекъ однихъ товаровъ доказываетъ лишь, что другихъ товаровъ произведено недостаточное количество. Эту вѣрную, по убѣжденію Туганъ - Барановскаго мысль Сей и Рикардо не сумѣли, однако, доказать.

Но если разсмотрѣть общественное производство по схемамъ Маркса, которыя, по увѣреніямъ Туг. - Бар. „не заключаютъ въ себѣ никакихъ произвольныхъ допущеній", то окажется, что весь II - ой томъ Капитала доказываетъ лишь то, что Сей и Рикардо хотѣли, но не сумѣли доказать.

Если Николай - онъ утверждаетъ, что „вступившее на ложный путь" русское производство уменьшаетъ національное потребленіе, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ по законамъ капиталистическаго развитія богатство страны — ея постоянный капиталъ—можетъ рости, хотя національное потребленіе падаетъ.

„Числовой примѣръ" изъ „Промышленныхъ кризисовъ," который мы помѣщаемъ въ примѣчаніи, *) можетъ служить, по мнѣнію Туг. - Барановскаго иллюстраціей того своеобразнаго хода капиталистическаго развитія, при которомъ усиленный хозяйственный прогрессъ въ Россіи сопровождается ужаснѣйшими голодовками. Этотъ „числовой примѣръ" утверждаетъ, что національное потребленіе падаетъ, потому что національная прибавочная стоимость вмѣсто того, чтобы быть потребляемой цѣликомъ, какъ раньше, обращается капиталистами,—по причинѣ ихъ ненасытности въ накопленіи богатствъ,— въ новыя орудія для новаго производства.

*) ... Все потребленіе рабочихъ и капиталистовъ вмѣстѣ въ теченіи перваго года достигало 400 (=200+200, т. е. 200 единицъ стоимости въ предметахъ потребленія рабочихъ и 200 единицъ стоимости въ предметахъ потребленія капиталистовъ), а въ теченіи второго года — только 314 ... единицъ (=214+100, т. е. 214 единицъ стоимости въ предметахъ потребленія рабочихъ и 100 единицъ стоимости въ предметахъ потребленія капиталистовъ, или 100 единицъ прибавочной стоимости) — „Промышленные кризисы" стр. 415.

Отсюда ясно, сколь неоцѣнимы для Туг.-Барановскаго Марксовы схемы капиталистическаго развитія. Если допустить, что національное потребленіе въ настоящее время въ Россіи падаетъ, то вовсе не потому, что сокращается доходъ рабочаго класса; напротивъ, изъ „незаключающихъ въ себѣ никакихъ произвольныхъ допущеній" схемъ Маркса слѣдуетъ, что даже въ такіе моменты (русскія голодовки) доходъ рабочаго класа растетъ (см. примѣчаніе). Съ помощью Марксовыхъ схемъ Туганъ-Барановскій благополучно превратилъ русскія голодовки, на которыя указывалъ Николай-онъ, въ страданія сберегающихъ русскихъ капиталистовъ, которые обречены на эти страданія вслѣдствіе присущаго имъ порока - алчности, стремленія къ обогащенію, порока однако, столь цѣлесообразнаго съ точки зрѣнія всего историческаго развитія.

Открытія Т. Барановскаго не ограничиваются только вышеприведеннымъ. Помѣщенная на стр. 419 схема № 3 представляетъ „накопленіе капитала *при неизмѣнномъ числѣ рабочихъ* и неподвижномъ состояніи техники". Оказывается, что при такихъ условіяхъ капиталистическій строй успѣваетъ, однако, произвести новую стоимость. „Въ концѣ 2-го г. произведено всего продукта 800, а въ концѣ 3-го года... 834,1". Ясно, что стоимость въ 34,1 производится не трудомъ, не реальною тратою рабочей силы, а получается въ нѣкоторомъ смыслѣ... „автоматически".

Читатель видитъ, что у Туг. Барановскаго не только въ 99 г., въ моментъ его „измѣны марксизму" но и въ 94 г., въ моментъ его вступленія въ ряды „настоящихъ марксистовъ", всегда существовалъ такой „источникъ цѣнности", который съ тратой рабочей силы ничего общаго не имѣетъ. Въ послѣднее время, когда Туганъ-Барановскій громогласно заявилъ марксистскому міру о существованіи такой прибавочной стоимости, которая происходитъ не изъ эксплуатаціи рабочихъ, а изъ простого и во всякомъ человѣческомъ хозяйствѣ необходимаго учета „производительности орудій труда", „производительности силъ природы", изъ учета „рѣдкости благъ", ортодоксы, казалось, вступаютъ въ самую ожесточенную борьбу съ еретикомъ. Но не смотря на безконечное число критическихъ статей объ „измѣнѣ" Туганъ-Барановскаго, ни одинъ ортодоксъ даже мелькомъ не указалъ на главный козырь еретика. Этотъ козырь, которымъ онъ въ своей извѣстной статьѣ „Научнаго Обозрѣнія" (май 1899 г.) привелъ въ тревожное состояніе всѣхъ марксистовъ, состоитъ въ томъ, что *изъ Марксова ученія* о распредѣленіи общественнаго продукта (разобранныя нами схемы капиталистическаго воспроизводства) совсѣмъ „автоматически" проистекаетъ стоимость, которая не создается тратою труда, а получается, „полезнымъ его примѣненіемъ" „никому ничего нестоющимъ" (Марксъ), такая стоимость, которая лишь ждетъ пока не народятся бернштейніанцы и не скажутъ о ней, что это стоимость созданная машинами, природою или же „рѣдкостью благъ". Этотъ козырь остается въ рукахъ Туганъ-Барановскаго, и еретикъ хорошо знаетъ, что сами ортодоксы — его враги — позаботятся о томъ, чтобы козырь не былъ обнаруженъ и орудовалъ все такъ же успѣшно, какъ и до сихъ поръ.

Заподазривать Маркса? Ни за что! Ужъ лучше пусть исполнятся всѣ мечтанія бернштейніанцевъ, чѣмъ допустить сомнѣніе въ пролетарской чистотѣ и безгрѣшности Маркса. Ибо, не правда ли, господа ортодоксы? — что стало бы съ нашей собственной пролетарской чистотой, разъ послѣдняя подвергается сомнѣнію въ самомъ Марксѣ?

Итакъ другой отецъ настоящихъ марксистовъ, по преимуществу въ экономической области, достигъ этого званія не потому, что принялъ Марксову „натуралистическую" теорію трудовой стоимости, а лишь потому и постольку, поскольку убѣдился, что Марксова теорія стоимости не исключаетъ, а напротивъ оставляетъ мѣсто и для теоріи полезности, что Марксово ученіе о постоянномъ общественномъ капиталѣ доказываетъ то, что хотѣли, но не сумѣли доказать по вопросу о народныхъ бѣдствіяхъ Сей и Рикардо.

Ортодоксъ Ильинъ, не будучи въ состояніи понять всѣхъ операцій Тугана-Барановскаго, провозгласилъ его „настоящимъ ученикомъ" (въ статьяхъ „Новаго Слова" объ „Экономическихъ романтикахъ") и такъ былъ тронутъ его открытіями, помѣщенными въ „Промышленныхъ кризисахъ", что съ тѣхъ поръ сдѣлалъ задачею своей жизни популяризацію II-тома „Капитала" и изслѣдованія русской дѣйствительности съ развитой тамъ точки зрѣнія. Но такъ какъ онъ ортодоксъ, то слѣдуетъ ожидать, что онъ снабдитъ ученіе Т.-Барановскаго ортодоксальными фразами и перспективами.

Куда дѣнется въ Россіи вся растущая національная прибавочная стоимость, спрашиваютъ марксисты-народники. Вотъ недогадивый народъ, восклицаетъ Ильинъ съ презрѣніемъ. У него, какъ у неомарксиста ортодокса имѣется такой — для всѣхъ классовъ, для всей его родины — пріятный отвѣтъ на поставленный вопросъ, что за него неомарксисту полагается, повидимому, гораздо большая чѣмъ старому народническому ученику, благодарность со стороны потребителя національной прибавочной стоимости, со стороны русскаго буржуазнаго образованнаго общества, все паразитное существованіе котораго окутывается марксистскимъ ученіемъ, какъ непроницаемымъ покрываломъ. Національ. прибыль въ Россіи, какъ учитъ неомарксизмъ, превращается въ постоянный національный капиталъ, идетъ на пріобрѣтеніе новыхъ средствъ производства *), на развитіе предпосылки будущаго, болѣе справедливаго строя. Отвѣтъ неомарксиста такимъ образомъ соединяетъ въ себѣ вполнѣ корректно, какъ и всегда, высшее безпристрастіе и авторитетность объективной науки съ негаснущей пылкостью пролетарія.

---

*) Ильинъ упускаетъ изъ вниманія маленькую подробность, которой не объяснитъ II-ой томъ „Капитала". Если для отдѣльнаго капиталиста пріобрѣтать машины на накопленныя деньги — вещь весьма простая, то *всему классу* капиталистовъ *не у кого* ихъ *купить*: онъ ихъ *производитъ*. Ростъ „общественнаго постояннаго капитала" — это ростъ процесса *созиданія* новыхъ средствъ производства, это ростъ все того же процесса эксплуатаціи рабочей силы, это — все тотъ же ростъ *національной прибавочной*

Въ капиталистическомъ производствѣ, повторяетъ до безконечности нео-марксистъ, растетъ все болѣе противорѣчіе между расширяющимся производствомъ и немного, или вовсе не растущимъ потребленіемъ. Но это растущее противорѣчіе и служитъ доказательствомъ и залогомъ преходящаго характера капиталистическаго способа производства и залогомъ неизбѣжнаго его перехода въ высшую общественную форму. Такимъ образомъ, благодаря ортодоксіи Ильина, ученіе Т. Барановскаго разукрашено и окрылено. Въ такомъ видѣ оно, въ концѣ концовъ, сводится вотъ къ чему: повальныя русскія голодовки неизбѣжны потому, что въ неразвитой Россіи, въ интересахъ будущаго соціалистическаго строя, необходимо строить какъ можно больше фабрикъ и заводовъ.

Цѣлью капиталистическаго производства является развитіе производительныхъ силъ до высоты несовмѣстимой съ современными общественными отношеніями. Капиталистическое производство неуклонно стремится къ этой своей цѣли, къ переходу въ высшую общественную форму. Однако нельзя не признать, что по временамъ оно капризно сворачиваетъ съ надлежащей дороги.

Въ послѣдней своей полемической книгѣ противъ Бернштейна Кауцкій доводитъ до нашего свѣденія, что самая передовая капиталистическая страна — Англія, бывшая нѣкогда мастерской крупной капиталистической промышленности, гоняющейся по всему міру за рынками, для реализаціи своей прибавочной стоимости, и насаждающей такимъ образомъ повсюду капиталистическую культуру, эту необходимую предпосылку соціалистическаго строя, что изъ такой мастерской Англія вдругъ превратилась въ простой торговый домъ, денежное хранилище, и, — что еще важнѣе — изъ мастерской, не находящей у себя потребителя національной прибыли, вдругъ превратилась въ своего рода Thiergartenviertel (аристократическая часть Берлина) по отношенію къ своимъ колоніямъ т. е. въ потребителя прибавочной стоимости, взымаемой не только съ острововъ Великобританіи, но и со всѣхъ ея колоній. Эта поправка въ характеристикѣ исторической роли капитализма ограничивается, понятно, у Кауцкаго исключительно одной Англіей, ибо она диктуется нѣмецкимъ патріотизмомъ, требующимъ для Германіи, наравнѣ съ Англіей, законнаго участія въ промышленной гегемоніи на міровомъ рынкѣ. Германія, насколько возможно, избѣгаетъ позорной роли паразитнаго потребителя прибавочной стоимости, стягиваемой со всѣхъ концовъ земного шара. „Всѣ плоды" человѣческой промышленности присваиваются „относительно небольшимъ числомъ капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ".

вочной стоимости. Отъ привлеченія на помощь постояннаго общественнаго капитала, роль общественной прибавочной стомости ничуть не раскрывается: разсматриваемая величина лишь ростетъ и глубоко научная теорія Маркса оказывается лишь искуснымъ рѣшеніемъ задачи, имѣющей цѣлью скрыть паразитизмъ современнаго привиллегированнаго образованнаго общества, получше запрятать эксплуататорскую основу его существованія.

Германія далека отъ положенія современной Англіи, потому что она къ такому положенію только стремится. Кауцкій этого признать не можетъ. Но какой нибудь русскій марксистъ, хотя бы, скажемъ Плехановъ, подозрѣвающій, что нѣмецкій „пролетаріатъ пересталъ быть революціоннымъ" (статья въ Neue Zeit противъ Бернштейна) признаетъ, пожалуй, что съ надлежащей дороги сворачиваетъ не только Англія, но отчасти уже и Германія. И все таки ортодоксія не погибнетъ: поколебленная развитіемъ Англіи, она спасается въ Россіи, ибо кто же посмѣетъ усомниться въ томъ, что безчисленные русскіе марксисты желаютъ капиталистическаго развитія по какимъ либо инымъ, несоціалистическимъ, мотивамъ.

Капитализмъ есть законное явленіе, поскольку онъ развиваваетъ производительныя силы человѣчества. Но именно онъ, не справляясь ни съ чьимъ потребленіемъ и имѣя своей единственной цѣлью производство ради производства, является машиною par excelence для развитія производительныхъ силъ человѣчества.

Марксисты несомнѣнно доходятъ до нѣкотораго религіознаго настроенія по отношенію къ таинственности капиталистическаго прогресса, который какъ разъ въ томъ своемъ противорѣчіи, которое оскорбляетъ самую мысль человѣка и несетъ залогъ лучшаго будущаго.

Этой религіи, созданной „новѣйшей наукой", не мѣшало бы принять во вниманіе нѣкоторыя соображенія, о которыхъ наука старается молчать.

Производительность труда растетъ по мѣрѣ того, какъ передъ человѣчествомъ раскрываются тайны природы и растетъ его господство надъ нею. Этимъ господствомъ онъ обязанъ своему *человѣческому* организму, умственной дѣятельности.

Какъ же обращается съ этой стороной дѣятельности человѣка „машина для развитія производительности труда"?

Капиталистическій строй, не смотря на то, что онъ является такой таинственной машиной, не перестаетъ быть строемъ классовымъ и проявляетъ лишь законы послѣдняго въ наиболѣе яркомъ и совершенномъ видѣ.

Органомъ *человѣка* призвано пользоваться только избранное наслѣдственное меньшинство. Всѣ остальные милліоны должны быть лишены возможности приводить въ дѣятельность этотъ свой органъ, обречены служить человѣческому обществу только движеніемъ своихъ *животныхъ* органовъ — физической силой своихъ мышцъ и самой элементарной стороной своей нервной системы, какая требуется для мышечнаго труда — труда рабовъ. Именно поэтому все потомство привиллегированнаго меньшинства, всѣ его члены и обладаютъ „особенными талантами и способностями", ибо человѣческій умъ имѣетъ въ данномъ случаѣ задачей не только познать природу, но и господствовать надъ рабами. Господство и создаетъ сферу приложенія умственной дѣятельности для *всего* потомства образованнаго общества.

Какъ бы отдѣльные члены его ни были обижены природой насчетъ „особенныхъ талантовъ и способностей", они, тѣмъ не

менѣе, найдутъ сферу ихъ проявленія въ такихъ областяхъ, которыя спеціально для этого и существуютъ: или въ области поддержанія общественной организаціи „порядка и спокойствія“, или въ сферѣ „защиты отечества“, или въ сферѣ созданія и прививки соотвѣтственныхъ религіозныхъ и нравственныхъ началъ своимъ рабамъ. „Воспитаніе юношества“ должно доставлять лицъ привиллегированныхъ, которыя въ глазахъ рабовъ являлись бы высшими существами, съ особенными талантами, присущими имъ съ самаго рожденія. Цѣлыя отрасли государственныхъ, соціальныхъ наукъ изобрѣтаютъ формулы господства. Благодаря такому „умственному труду“ господствующихъ классовъ, классовой строй и продолжаетъ здравствовать.

Большинство человѣчества изъ поколѣнія въ поколѣніе, еще до своего рожденія признано неспособнымъ проявлять свою умственную дѣятельность. Еще до рожденія его мозги признаны годными лишь для исполненія рабскаго труда.

И вотъ общественный строй, осуждающій на бездѣйствіе въ милліонахъ человѣческихъ существъ тотъ органъ, которымъ человѣкъ господствуетъ надъ природой, ничуть не справляясь съ тѣмъ, сколько великихъ умовъ геніевъ таится въ этихъ милліонахъ; строй, уничтожающій въ корнѣ источникъ господства человѣка надъ природой, строй, проводящій этотъ свой основной законъ путемъ поголовнаго ежегоднаго умерщвленія сотенъ тысячъ людей во время страшныхъ голодовокъ, — этотъ строй слыветъ у „передовой науки“ машиною для развитія производительныхъ силъ человѣчества.

* * *

Мы старались бѣгло отмѣтить въ развитіи русскаго марксизма тѣ основные моменты, благодаря которымъ онъ сдѣлался оффиціальнымъ передовымъ теченіемъ русской буржуазной публицистики, радикальнымъ выраженіемъ стремленій образованнаго общества къ „европеизаціи Россіи“ и развитію въ ней всеспасительнаго капитализма.

Въ полномъ согласіи съ этой основной „теоретической“ мыслью марксистская практика, какъ мы указали въ I-омъ письмѣ, пыталась въ подпольной жизни выставить цѣлью рабочаго движенія — достиженіе того политическаго строя, который существуетъ на Западѣ, т. е. завоеваніе конституціи, что по отношенію къ рабочему движенію должно означать свободу союзовъ и стачекъ, „участіе въ управленіи страной“.

Въ то время, какъ русская соц-дем-ія, какъ свидѣтельствуетъ брошюра „Объ Агитаціи“ надѣется, что при первомъ серьезномъ столкновеніи рабочаго движенія съ правительствомъ неизбѣжно должно произойти видоизмѣненіе политическаго режима, въ то время, когда она убѣждена, что благодаря развиваемому ею въ Россіи рабочему движенію на манеръ европейскаго, азіатскій режимъ попадетъ въ безвыходное противорѣчіе, въ дѣйствительности происходитъ нѣчто для соц-д-іи неожиданное, но фатально неизбѣжное, съ чѣмъ она вынуждена примириться: экономическій и культурный прогрессъ наряду съ политическимъ регрессомъ.

Русская соц-дем-ая мысль, выставляющая образцомъ политическаго движенія германскую соц-д-ію, становящуюся „единственной партіей порядка“, или австрійскую соц-дем-ію, увѣряющую, что среди господствующей національной неурядицы, она представляетъ собой единственную государственную силу, способную вдохнуть новую жизнь австрійской имперіи (Дашинскій, Каутскій), — эта соц-дем-ая мысль неспособна поколебать ни на іоту даже такого органа господства, какъ русское самодержавіе. Соц.-д.-ое подпольное движеніе принуждаетъ лишь абсолютизмъ своими толчками развивать культурный прогрессъ. Европеизація Россіи проповѣдуемая марксизмомъ, происходитъ безспорно, но подъ крѣпнущими и расширяющимися крыльями абсолютизма, который становится такимъ образомъ, какъ и абсолютизмъ германскій, нормальной политической формой развитія буржуазнаго строя.

Указываемое соц-дем-іей „безвыходное противорѣчіе“ между развиваемымъ ею тредъюніонизмомъ и азіатскимъ режимомъ во много разъ покрывается полнѣйшей цѣлесообразностью и необходимостью существованія русскаго абсолютизма ради интересовъ всего образованнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, какая другая власть, какъ не самодержавная, была бы способна такъ прекрасно обезпечить доходъ образованному обществу, при условіи, что это обезпеченіе достигается путемъ ежегодныхъ повальныхъ голодовокъ.

Пока въ подпольной Россіи господствуетъ соц-дем-ая мысль, государственная власть можетъ быть спокойна. Она не настолько наивна, чтобы видѣть въ современныхъ русскихъ революціонерахъ тѣхъ, за кого они себя выдаютъ, т. е. представителей всѣхъ русскихъ пролетаріевъ. Она убѣдилась, что изъ головы русскихъ революціонеровъ-соціалистовъ исчезла мысль о необходимости коренного соціальнаго преобразованія и о непосредственномъ низверженіи государственной власти, и не по мѣрѣ того, какъ уменьшались народныя бѣдствія, а по мѣрѣ того, какъ они росли, по мѣрѣ того, какъ развивалась русская культура, какъ возрастала „національная прибыль“, какъ она становилась все больше, шире, слаще, утонченнѣе. Она знаетъ соц-дем-ую формулу, по которой пролетаріемъ считается не тотъ, у кого нѣтъ средствъ къ жизни, а тотъ, у кого нѣтъ средствъ производства и кто способенъ понять этотъ недостатокъ (Каутскій въ „Аграрномъ вопросѣ“). Она видитъ, что сообразно этой формулѣ, революціонеры выдвигаютъ лишь минимальныя претензіи неимущихъ, „справедливость которыхъ очевидна для всякаго честнаго человѣка“, которыя, значитъ, и удовлетворить не трудно; она видитъ, что по этой формулѣ, такая степень отсутствія имущества, какъ хроническое голоданіе, вовсе не является пролетарскимъ достояніемъ и что всѣ ужасы голодовокъ совсѣмъ не связаны съ капиталистической эксплуатаціей и не могутъ, слѣдовательно, повліять на претензіи русскихъ пролетаріевъ, на ходъ и характеръ подпольной революціонной жизни. Прежде чѣмъ эти голодающіе стали появляться на горизонтѣ стачечныхъ взрывовъ, въ видѣ „босяковъ“, соц-д-ая формула давнымъ давно создала для нихъ кличку измѣнническаго „люмпенпролетарія“, дабы онъ не нарушалъ перспективы при-

личнаго русскаго тредъ-юніонизма. Формула, значитъ, весьма тщательно позаботилась о томъ, чтобы у русскаго революціонера даже мысль не появлялась о взрывѣ того вулкана, на каторомъ покоится классовой строй Россіи.

Между тѣмъ русскіе рабочіе поднимаются на борьбу въ видѣ все учащающихся массовыхъ взрывовъ. Соц-дем-ія не желаетъ и неспособна создать сознательно организованнаго выраженія этого стремленія массъ къ борьбѣ. Ея формулы, представляющіе собою выраженіе интересовъ „умственнаго рабочаго", объуздываютъ эту борьбу. Онѣ насильственно ставятъ ей предѣлы, поучая, что при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ, можетъ быть рѣчь лишь о незначительныхъ уступкахъ, настоящія же завоеванія будутъ сдѣланы только по достиженіи политической свободы, путемъ профессіональныхъ союзовъ и парламентской борьбы. Цѣлью борьбы она насильственно выставляетъ политическую свободу, вслѣдствіе чего борьба за реальные интересы рабочихъ является чѣмъ то второстепеннымъ, не свидѣтельствующимъ еще о „классовомъ самосознаніи" борющейся массы.

Польскіе рабочіе, столько разъ и такъ широко откликавшіеся на I-е мая, упорно защищая выставленныя ими требованія, ясно говорили, что они хотятъ сдѣлать изъ этого дня — день борьбы за свои реальныя нужды. То же самое говорятъ въ настоящее время и русскіе рабочіе. Но соц-дем-ія дѣлаетъ изъ этого дня „праздникъ", „демонстрацію", „праздничныя шествія", которыя затѣмъ можно было бы истолковать въ Полшѣ въ пользу „независимаго государства", а въ Россіи — въ пользу конституціи.

Своими взрывами рабочія массы требуютъ отъ своихъ сознательныхъ элементовъ созданія *боевой организаціи, которая объединила бы разрозненные взрывы, создала бы планомѣрное массовое движеніе соединенныхъ крупныхъ центровъ за все болѣе возрастающія реальныя требованія и претензіи рабочихъ въ условіяхъ ихъ труда.* Такой своей боевой организаціи, служащей ихъ интересамъ рабочіе дождаться не могутъ, хотя за это дѣло сложили ужъ столько труповъ на улицахъ Лодзи, Ярославля, Риги...

Сознательныя силы поднимаются изъ рабочей массы, входятъ въ соц-дем-ія организаціи и толкуютъ рабочимъ формулы „умственнаго рабочаго", разрисовывая передъ ними въ Польшѣ всѣ прелести „независимой республики", а въ Россіи — благодѣянія будущаго парламента.

Боевая организація, служащая реальнымъ интересамъ рабочаго, можетъ быть создана лишь тогда, когда изъ движенія будетъ исключена объуздывающая его сила — интересъ „умственнаго рабочаго", когда пролетарское движеніе будетъ провозглашено, не какъ соц-дем-ая борьба противъ „горсти капиталистовъ", а какъ борьба съ буржуазнымъ строемъ, съ **господствующимъ образованнымъ обществомъ**.
